

ISSN 2307-2539

№2 (18) • 2017

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадалов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдинов, д-р ист. наук (Россия);
Т. Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
С 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2017.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (18) • 2017

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2017

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D, Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology,
Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
T. Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D, Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2017.

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.</i> Комплекс ранней керамики поселения Алексеевка-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)	7
<i>Константинов Н.А., Эбель А.В.</i> Новые находки монгольского времени из Юго-Восточного Алтая (предварительное сообщение)	22
<i>Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Чекурашев А.Г., Барзынов Я.Р.</i> Воинский схрон тюркского времени на горе Ак-Кая (Онгудайский район, Республика Алтай)	30
<i>Пилипенко С.А., Жадаева А.В.</i> Конструктивные особенности бокк из собраний музеев Волгограда и Волгоградской области: к постановке проблемы (по материалам могильников Царев, Солодовка-I-II)	41
<i>Садыков Т.Р.</i> Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булун в Центральной Туве	47
<i>Серёгин Н.Н.</i> «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований	60
<i>Сотникова С.В.</i> Воинские кенотафы с копьями эпохи бронзы (по материалам «колесничных» культур)	75
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.</i> Опыт сравнительного анализа панцирных доспехов воинов хунно-сяньбийского времени Саяно-Алтая и Тянь-Шаня	88

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Arman Z. Beisenov, Lorenzo Kreshioli, Gulnara S. Jumabekova, Galiya A. Bazarbayeva, Elena Barinova.</i> The Early Iron age Burial Ground Kaspan-6 in Jetusy	97
<i>Gulnara S. Jumabekova, Galiya A. Bazarbayeva.</i> New research results of Turgay nomads' culture	109
<i>Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Харинский А.В., Очир А., Васютин С.А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л.</i> Предварительные результаты исследований хуннского городища Тэрэлжийн-Дурвулжин	118

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

<i>Зими́на О.Ю.</i> Керамика в палеосоциологических исследованиях	137
<i>Умеренкова О.В.</i> К проблеме социальной реконструкции общества (на основе анализа украшений)	152
<i>Список сокращений</i>	164
<i>Сведения об авторах</i>	166

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu.</i> Complex of Early Ceramics of the Alekseevka-I Settlement (Problems of Chronology, Periodization and Cultural Affiliation)	7
<i>Konstantinov N.A., Ebel A.V.</i> New Finds of the Mongolian Time from South-East Altai (Preliminary Report)	22
<i>Mamadakov Yu.T., Kungurov A.L., Chekurashev A.G., Barzynov Ya.R.</i> Military Cashe of the Turkic Time on the Hill of Ak-Kaya (the Ongudai District, the Altai Republic)	30
<i>Pilipenko S.A., Zhadaeva A.V.</i> Features of Bokkas from the Collections of Museums in Volgograd and the Volgograd Region: Raising the Problem (Based on Tsarev Burial, Solodovka-I–II)	41
<i>Sadykov T.R.</i> Turkic Burial Ground in the Bay-Bulun Area in Central Tuva	47
<i>Seregin N.N.</i> “Elite” Burial Complexes of the Turkic Time in Mongolia: Results and Prospects of Research	60
<i>Sotnikova S.V.</i> Warrior Cenotaphs with Spears of the Bronze Age (on the Materials of “Chariot” Cultures)	75
<i>Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Z.</i> Experience of Comparative Analysis of the Armour of Warriors of the Xiongnu and Xianbei Times of the Sayan and Altai mountains and Tian Shan	88

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Arman Z. Beisenov, Lorenzo Kreshioli, Gulnara S. Jumabekova, Galiya A. Bazarbayeva, Elena Barinova.</i> The Early Iron age Burial Ground Kaspan-6 in Jetusy	97
<i>Gulnara S. Jumabekova, Galiya A. Bazarbayeva.</i> New Research Results of Turgay Nomads’ Culture	109
<i>Ivliev A.L., Kradin N.N., Kharinsky A.V., Ochir A., Vasjutin S.A., Kovychev E.V., Erdenebold L.</i> Preliminary Results of the Studies of the Xiongnu Fortress Terelj Jin Turvuldjin	118

SOCIAL RECONSTRUCTIONS IN ARCHAEOLOGY

<i>Zimina O.Yu.</i> Pottery in Paleosociological Research	137
<i>Umerenkova O.V.</i> To the Problem of Social Reconstruction of the Society (Based on the Analysis of Jewelry)	152
<i>Abbreviations</i>	164
<i>Authors</i>	166

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.022(571.150)

Ю.Ф. Кирюшин^{1,2}, К.Ю. Кирюшин^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОМПЛЕКС РАННЕЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ АЛЕКСЕЕВКА-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)*

Статья посвящена публикации комплекса керамической посуды, обнаруженной на поселении Алексеевка-I (Угловский район Алтайского края). Культурный слой памятника оказался разрушенным, что создает проблемы для определения хронологии, периодизации и культурной принадлежности зафиксированных материалов. В составе коллекции керамики с поселения Алексеевка-I выделена группа керамики (около 150 экз.), которая может датироваться неолитом и энеолитом. По особенностям орнамента можно выделить десять групп посуды. Проведенные исследования зафиксировали смешение орнаментальных традиций, что, скорее всего, отражает взаимодействие различных групп населения.

Фрагменты глиняной посуды с поселения Алексеевка-I имеют черты сходства с неолитической керамикой юго-западных районов Алтайского края и Павлодарского Прииртышья. Также прослеживаются черты сходства с энеолитической керамикой Северной Кулунды и Барнаульско-Бийского Приобья.

В составе керамических коллекций поселения Алексеевка-I выделяется группа посуды, декорированной «жемчужником» по венчику. Этот орнаментальный прием встречен на четырех сосудах, украшенных отпечатками гребенчатого штампа, ямками, наколами, оттисками веревочки и «псевдозубчатого штампа». Особенностью данной группы посуды является большое количество органики, визуальной фиксируемой в сломках.

Обозначенная группа керамики имеет комплекс признаков, благодаря которому она резко выделяется на фоне известных материалов эпохи неолита и энеолита юга Западной Сибири.

Ключевые слова: поселение, керамика, сравнительно-типологический анализ, техника орнаментации, неолит, энеолит, культурная принадлежность.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-01

Введение

Неолит и энеолит до сих пор остаются наименее изученными периодами в древней истории юго-западных районов Алтайского края. Во многом это связано с характером имеющихся источников. Материалы указанного времени представлены преимущественно сборами с памятников с разрушенным культурным слоем. Отсутствие стратифицированных комплексов неолита – энеолита создает проблемы для исторической интерпретации имеющихся коллекций. Тем не менее публикация в полном объеме материалов уже известных памятников позволяет сформировать корпус источников, без которого невозможно решить проблему хронологии, периодизации и культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита и энеолита юго-западных районов Алтайского края.

История изучения комплекса памятников у сел Павловка и Алексеевка берет свое начало в 1979 г., когда учитель Павловской средней школы Н.П. Нудных проводил сборы подъемного материала на одной из разрушенных ветрами дюн. В том же году памятник

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

осматривал А.Б. Шамшин. Он нашел еще одно дюнное поселение. В 1980 и 1982 гг. эти памятники обследованы Ю.Ф. Кирюшиным, выявившим еще 19 памятников, в том числе поселение Алексеевка-I. Все они интенсивно разрушались ветром. На выдувах дюн проведены сборы подъемного материала [Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 75–79].

Все памятники расположены на дюнах опушки соснового бора, который протянулся двумя лентами с запада на восток. Между этими боровыми лентами, также с запада на восток, протянулась низина 4–5 км длиной и 2–2,5 км шириной, которая сейчас представляет собой болото с несколькими мелкими озерками. Видимо, в древности на этом месте было озеро, на берегах которого жили люди, основывая свои поселения и оставляя могильники [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 215–216].

Одним из наиболее ярких является поселение Алексеевка-I, на котором собрано большое количество керамики и каменных артефактов. В составе керамических коллекций поселения Алексеевка-I уверенно выделяется посуда периода ранней бронзы, раннего железного века и средневековья. В данной работе рассматривается керамика, хронология, периодизация и культурная принадлежность которой являются дискуссионными. Большая часть этой керамики относится к неолиту и энеолиту.

Материалы и результаты их изучения

Коллекция керамики неолита и энеолита насчитывает около 150 фрагментов более чем от 20 сосудов. По орнаменту она может быть разделена на декорированную:

- 1) накальванием (накольчатый орнамент) (рис. 1; 2.-1–3; 3; 4);
- 2) отступанием и накальванием (отступающе-накольчатый орнамент) (рис. 2.-4–9; 6);
- 3) рядами ямок (рис. 2.-6–7; 3; 7.-1);
- 4) отпечатками гребенчатого штампа (рис. 7.-1);
- 5) рядами «жемчужин» (рис. 1; 3; 6; 7.-1);
- 6) прочерченными линиями (рис. 2.-10–12);
- 7) отпечатками веревочки (рис. 5; 6);
- 8) отпечатками круглого полого штампа (рис. 4.-13);
- 9) отпечатками сетки-плетенки (ткани?) (рис. 2.-14);
- 10) налепным валиком с вдавлениями палочки (рис. 7.-2).

Керамика, декорированная накальванием (накольчатый орнамент), представлена фрагментами как минимум от пяти сосудов (рис. 1; 2.-1–3; 3; 4). Для нанесения орнамента использовались инструменты, оставляющие оттиски разной формы: каплевидной (рис. 1), подтреугольной (рис. 2.-1–2), треугольной (рис. 2.-3), линзовидной (рис. 3; 4). Необходимо отметить, что у сосудов, орнаментированных наколами, найдены приостренные (рис. 1) и плоские днища (рис. 2.-1–2).

У одного сосуда, украшенного наколами, реконструируется форма (см. рис. 1). Это небольшой остродонный сосуд (диаметр венчика – 16 см). Срез венчика сосуда прямой. Внутренняя поверхность среза венчика декорирована насечками. По внешней поверхности венчика проходит ряд «жемчужника». На обратной стороне сосуда хорошо видно, что «жемчужник» выполнен орнаментиром с «каплевидным» рабочим краем. Ниже «жемчужника» проходят два горизонтальных ряда ямочных вдавлений. В верхнем ряду вдавления «каплевидной» формы более глубокие и более широкие. В нижнем ряду использовался другой орнаментир. Вдавления неглубокие и более узкие (рис. 1). Тулово сосуда не орнаментировано. Придонная часть сосуда орнаментирована широкими вдавлениями «каплевидной» формы. Очень похоже, что исполь-

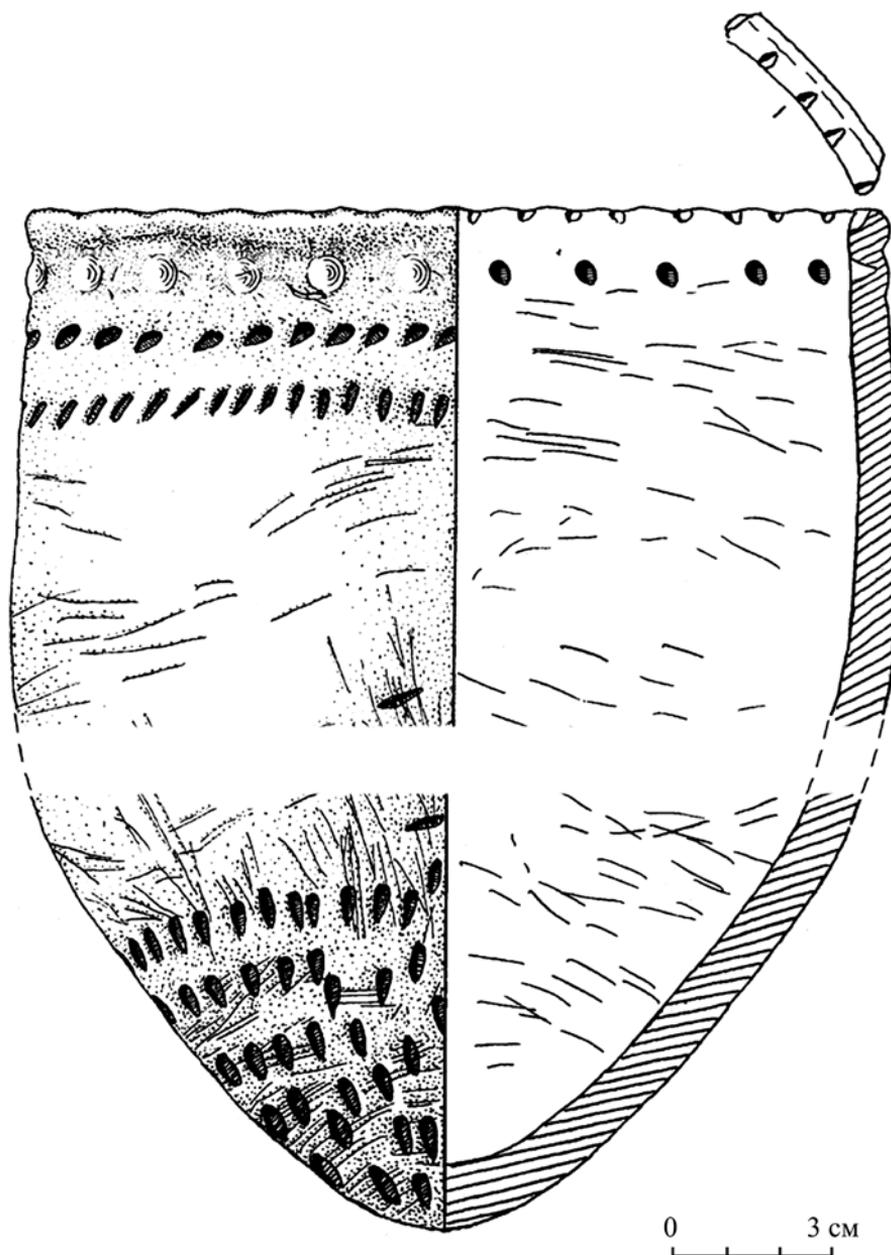

Рис. 1. Поселение Алексеевка-I: графическая реконструкция сосуда

зовался тот же орнаментир, что и в верхнем ряду венчика, но угол, под которым наносился орнамент, различается. По венчику угол составляет около 45 градусов, в нижней части сосуда – от 15 до 30 градусов.

Еще у одного сосуда частично реконструируется форма верхней части (см. рис. 3). Нужно признать, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы крайне фрагментарны – небольшой фрагмент венчика и несколько фрагментов тулова. Согласно

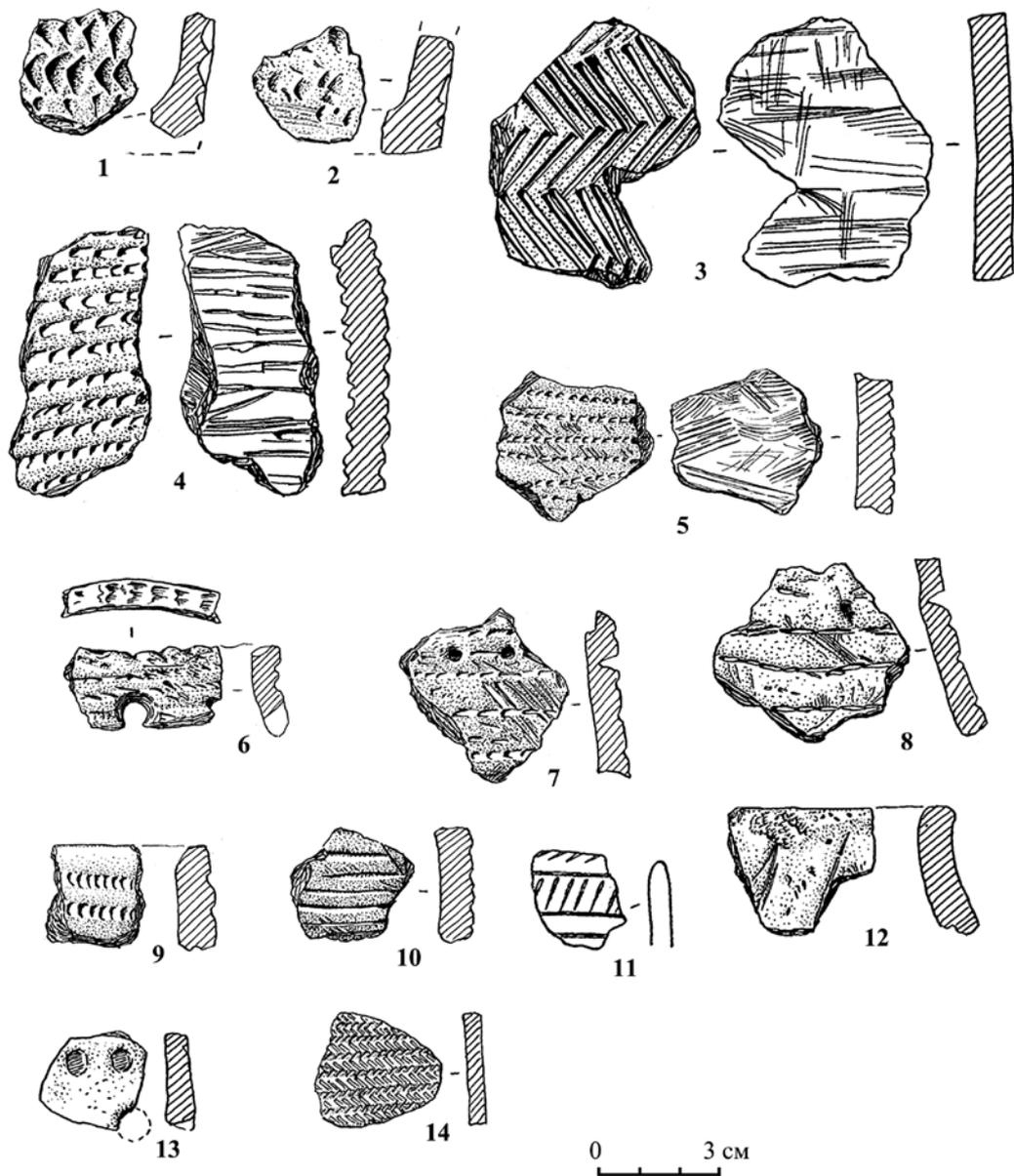

Рис. 2. Поселение Алексеевка-I: керамика (1, 2 – фрагменты дна; 3–5, 7, 8, 10, 13, 14 – фрагменты стенок; 6, 9, 11, 12 – венчики сосудов)

определениям Н.Ф. Степановой (устное сообщение), это фрагменты от одного сосуда. Согласившись с этими определениями, приходится признать, что имеющиеся материалы, несмотря на свою фрагментарность, крайне важны и информативны. Наибольший интерес представляют ряды ямок и «жемчужин» по венчику сосуда. Очень похоже, что сосуд украшали вертикальные ряды из пар параллельных линий, волнами спускающихся от венчика к придонной части. Способ орнаментации, которым нанесены

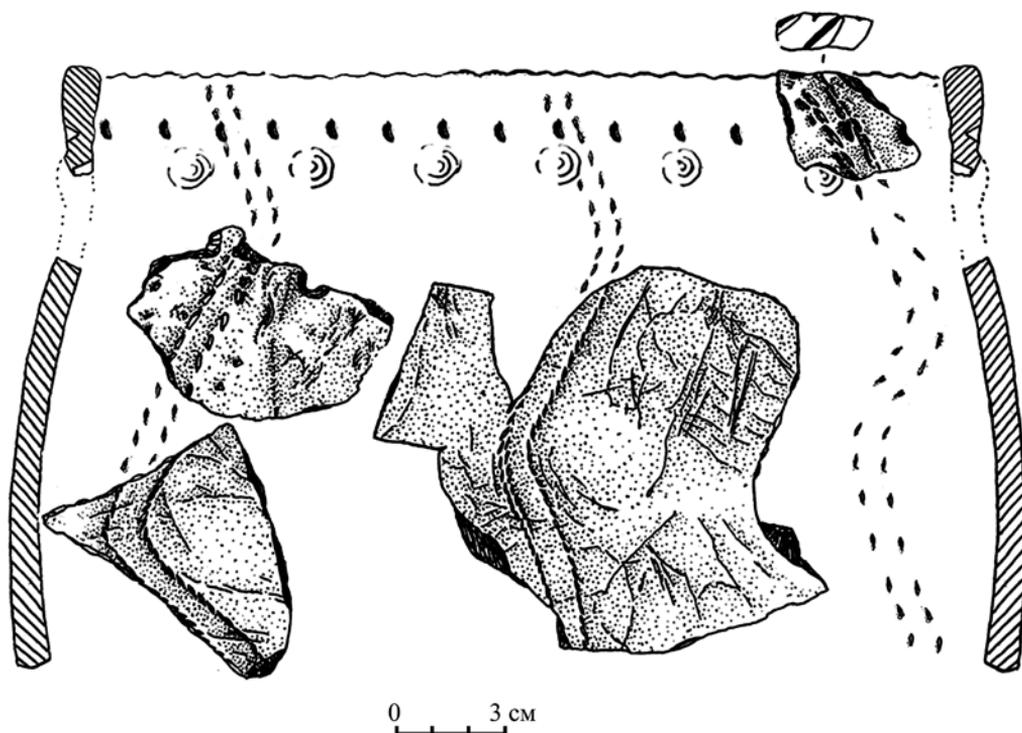

Рис. 3. Поселение Алексеевка-I: графическая реконструкция верхней части и тулова сосуда эти параллельные линии, вызвал некоторые разногласия среди специалистов, ознакомившихся с коллекциями памятника. По мнению ряда исследователей, это отпечатки веревочки.

Подобные определения вызывают сомнения. Отпечатки очень четкие (рис. 4.-1-4). На имеющихся фрагментах не видно характерного для любой веревочки скручивания составляющих нитей (рис. 4.-1). Согласно определениям Л.Н. Мыльниковой, это отпечатки веревочки, но сделанной не из растительных волокон и не из шерсти (устное сообщение). Попытки получить оттиски веревочки из разнообразных органических материалов (кожаные ремешки, веревочки из нитей сухожилий, пеньковые и джутовые веревочки разнообразного плетения и диаметра), визуально похожие на имеющиеся на керамике, не принесли успеха. Визуально похожие отпечатки удалось получить, используя толстую проволоку или провод в изоляции из ПВХ. Опыты с использованием органических материалов, повторяющих характеристики толстого провода (например, корни растений), выполнить не удалось, хотя даже проведенные исследования, несмотря на всю их условность, дали некоторые результаты. Есть все основания считать, что орнамент выполнен орудием, отпечатки которого имеют линзовидную форму с четкими аккуратными краями. Орнаментир поднимался над поверхностью сосуда, что хорошо заметно при увеличении (рис. 4.-1-4). Отличия от отпечатков веревочки отчетливо просматриваются в сравнении с фрагментами, на которых фиксируются отпечатки веревочки (рис. 5). Хорошо заметно, что отпечатки веревочки сглаженные, нечеткие (см. рис. 5).

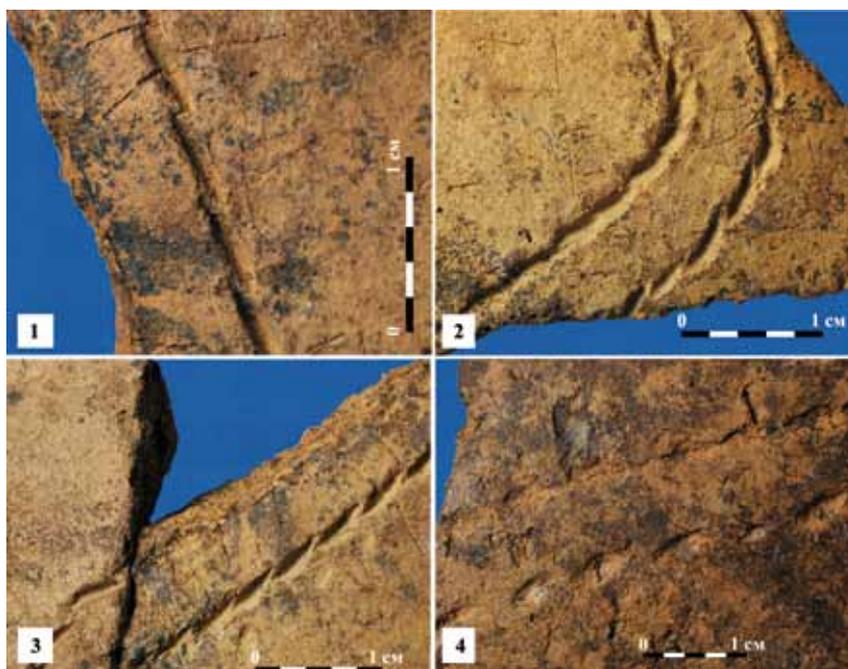

Рис. 4. Поселение Алексеевка-I: керамика, орнаментированная наколами

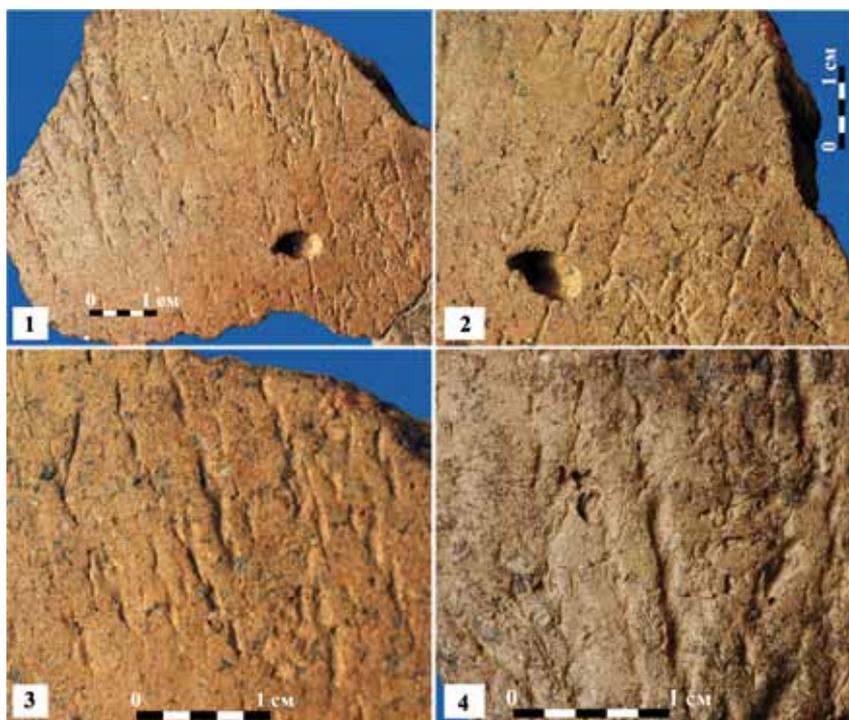

Рис. 5. Поселение Алексеевка-I: керамика, орнаментированная отпечатками веревочки

В пользу декорирования накальванием свидетельствуют большие разрывы (рис. 4.-4) между отпечатками на одном из фрагментов. Подобные разрывы фиксируются единично и на других фрагментах (рис. 4.-3). В некоторых случаях отпечатки сильно различаются по размерам (рис. 4.-2).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что это накольчатый орнамент, имитирующий отпечатки веревочки.

Отпечатки веревочки встречены на 12 фрагментах керамики (рис. 5.-1-3) и у одного сосуда на придонной части (рис. 5.-4; 6). Разница между отпечатками веревочки (см. рис. 5) и отпечатками штампа, имитирующего веревочку (см. рис. 5) хорошо заметна при сравнении фотографий.

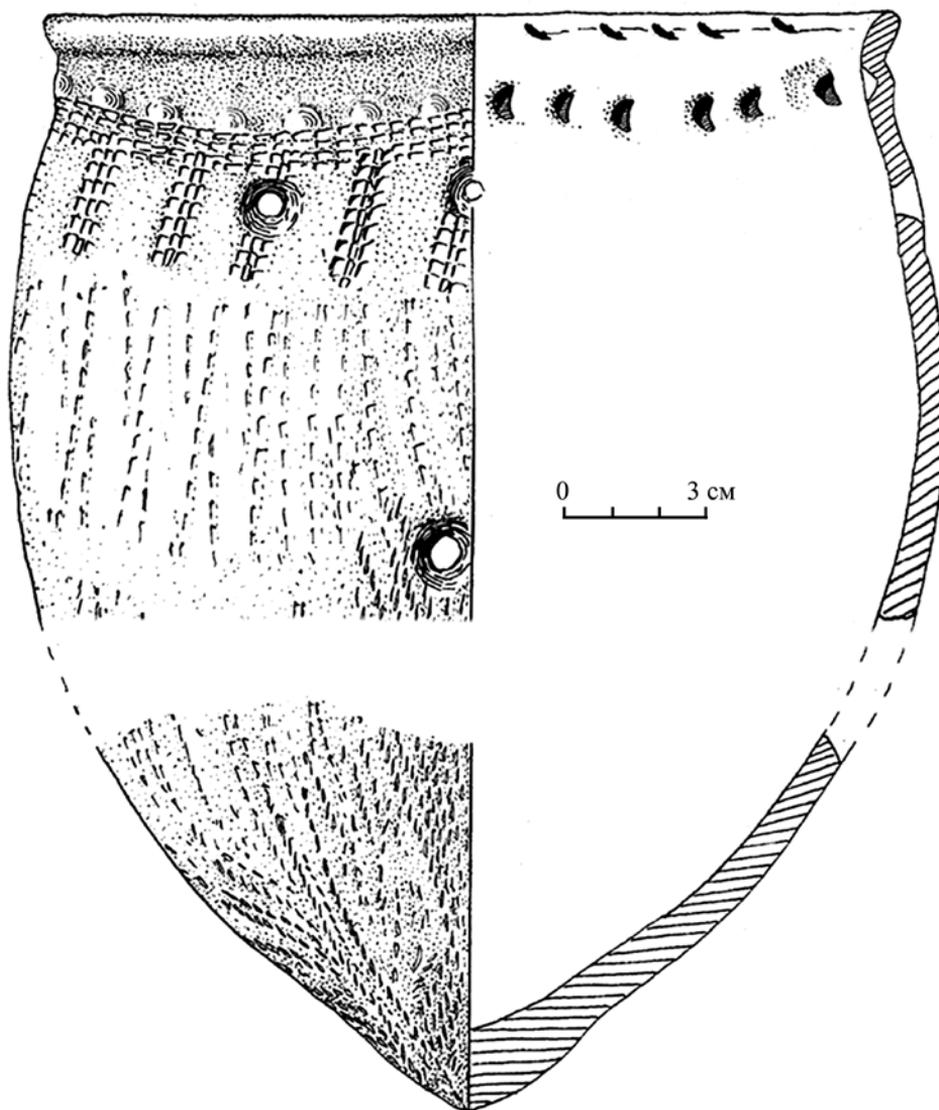

Рис. 6. Поселение Алексеевка-I: графическая реконструкция сосуда

Керамика, орнаментированная наколами, широко встречается в материалах поселения боборькинской культуры Автодром-2/2 в Барабе [Бобров, Юракова, 2014, рис. 2.-19] и большого количества памятников Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 243]. Многочисленные аналоги керамике, орнаментированной наколами, имеются в материалах поселения Павловка-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, рис. 2], которое находится на расстоянии нескольких километров от поселения Алексеевка-I. По-видимому, в древности эти памятники находились на противоположных берегах высохшего ныне озера. Разнообразная керамика, декорированная накальванием, составляет значительную долю в коллекциях поселения Рубцовское [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, рис. 4].

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в составе керамических коллекций поселений Павловка-I и Рубцовское отсутствует посуда, декорированная накальванием и «жемчужником».

Достаточно выразительна отступающе-накольчатая керамика, обнаруженная на поселении Алексеевка-I (рис. 2.-4-9; 6). Судя по имеющимся фрагментам стенок и венчиков, в коллекции представлены обломки как минимум от семи сосудов.

Отдельного описания заслуживает развал остродонного сосуда вытянутых пропорций с отогнутым наружу венчиком (см. рис. 6). По венчику сосуд декорирован «жемчужником». На внутренней поверхности хорошо заметно, что орнамент выполнен орудием с рабочим краем «луновидной» формы. Верхняя часть тулова ниже «жемчужника» украшена отпечатками отступающего инструмента, имеющего неровный рабочий край. Посуду, орнаментированную подобным орудием, иногда называют «псевдозубчатой» [Кирюшин, 2015б], хотя это один из вариантов отступающе-накольчатой керамики. Посуда с аналогичным орнаментом обнаружена на поселении периода энеолита Новоилынка-III в Северной Кулунде [Кирюшин, 2015б, с. 32; рис. 7.-2]. Отпечатки орнамента создают три плотно поставленных друг к другу горизонтальных ряда. Еще ниже аналогичные отпечатки образуют параллельные ряды, немного скошенные от вертикальной линии. Сохранившаяся часть тулова декорирована отпечатками «шагающей» гребенки, нанесенной поверх отпечатков «веревочки». Придонная часть орнаментирована отпечатками «веревочки» (рис. 5.-4), которые ближе к тулову перекрываются отпечатками «шагающей» гребенки (см. рис. 6).

В орнаментации этого сосуда использовалось сразу несколько инструментов. Отпечатки «веревочки» могут являться технологическими следами формовки сосуда. В контексте данного исследования интерес представляет «жемчужник» по венчику.

Аналогии отступающе-накольчато-ямочной и отступающе-накольчатой керамике поселения Алексеевка-I прослеживаются в поселенческих комплексах неолита и энеолита Северной Кулунды [Кирюшин, 2015а; 2015б; 2016], неолита Барабинской лесостепи [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106–108], Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015]. Хотелось бы особо подчеркнуть, что в составе керамических коллекций неолита и энеолита поселений Северной Кулунды, Барабинской лесостепи и Барнаульского Приобья отсутствует отступающе-накольчато-ямочная и отступающе-накольчатая посуда, декорированная «жемчужником».

Несколько фрагментов керамики украшены прочерченными линиями (рис. 2.-10-12). Подобный орнамент настолько широко распространен, что, видимо, поиск аналогов не имеет смысла.

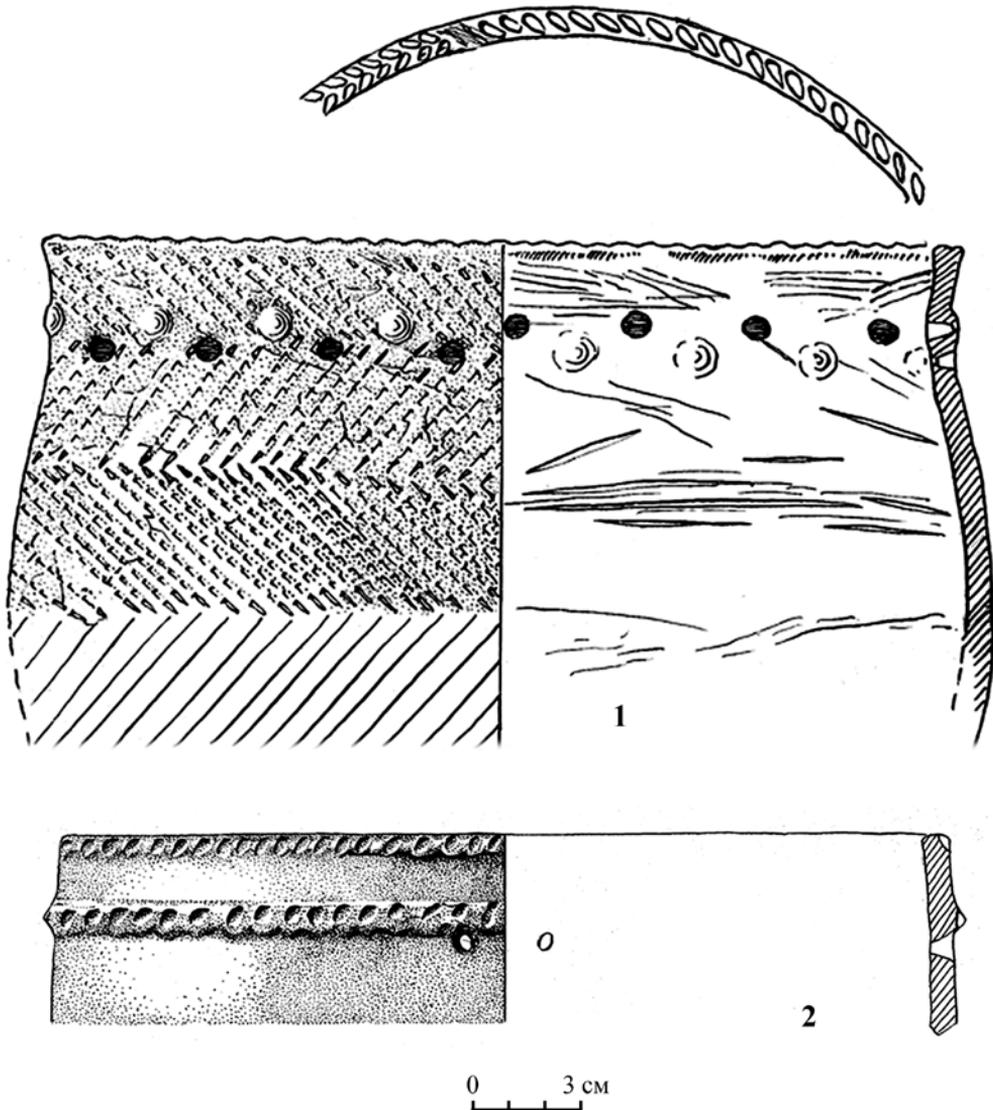

Рис. 7. Поселение Алексеевка-I: 1 – графическая реконструкция верхней части и тулова сосуда; 2 – графическая реконструкция верхней части сосуда

Небольшой фрагмент керамики декорирован отпечатками круглого штампа (рис. 2.-13), имеет аналоги в материалах третьего горизонта поселения Новоильинка-VI, которые предварительно датируются финальным неолитом – ранним энеолитом [Кирюшин, 2016].

Очень своеобразен фрагмент керамики, украшенный отпечатками сетки-плетенки (ткани?) (рис. 2.-14).

Более детально остановимся на одной из находок. Это 40 фрагментов от верхней части сосуда, орнаментированного отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды «елочки» (рис. 7.-1). По венчику сосуд декорирован рядом «жем-

чужин», под которым проходит ряд ямок (рис. 7.-1). Срез венчика орнаментирован вдавлениями линзовидной формы (рис. 7.-1). Первоначально создается впечатление, что это сосуд переходного периода от бронзового века к железному. Серия сосудов в коллекциях памятника, орнаментированных «жемчужником» по венчику, заставляет более внимательно относиться к этому экземпляру. При более внимательном рассмотрении обращает на себя внимание одно обстоятельство: в сломках этого сосуда визуально заметно большое количество органики.

Разнообразная керамика, декорированная отпечатками гребенчатого штампа, многочисленно представлена в коллекциях поселения Рубцовское [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, рис. 5]. Керамики, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа, в материалах поселения Тыткескень-II составляет значительную долю в коллекциях от раннего до финального неолита [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. В последние годы керамика, декорированная отпечатками гребенчатого штампа, обнаружена в материалах поселения периода неолита Мельничная-1 (Залесовский район Алтайского края) [Грушин, Миляев, Вальков, 2017, с. 80–81].

Керамика, орнаментированная «жемчужником» по венчику и отпечатками гребенчатого штампа по тулову, широко распространена в материалах ранней бронзы Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин, 2002; Молодин, 1977]. Керамика, декорированная рядами «жемчужника», ямками по венчику и отпечатками гребенчатого штампа, образующими ряды «елочки», найдена на поселении Ордынское Западное в Новосибирском Приобье [Кирюшин, 2002, рис. 64.-6]. По мнению исследователей, материалы этого памятника относятся к эпохе раннего металла или к периоду ранней бронзы и датируются первой четвертью II тыс. до н.э. [Кирюшин, 2002, с. 44]. Черты морфологического сходства сосуда с поселения Алексеевка-I (рис. 7.-1) с посудой эпохи ранней бронзы Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья несомненны. В материалах керамических коллекций поселения Алексеевка-I присутствует керамика ранней бронзы, но она отличается от этого сосуда отсутствием органики в тесте сосудов.

В контексте данной работы заслуживают внимания семь фрагментов верхней части сосуда среднего размера (диаметр венчика – 24 см). Внешний срез венчика сосуда декорирован вдавлениями круглой палочки, поставленной под углом к поверхности сосуда (рис. 7.-2). Сохранившаяся часть тулова сосуда не орнаментирована. Верхнюю часть украшает формовочный валик, который декорирован вдавлениями круглой палочки, поставленной либо параллельно, либо под небольшим углом к поверхности сосуда (рис. 7.-2).

Фрагменты керамики с валиком достаточно выразительные. Посуда с валиками единично встречается в материалах памятников энеолита Северной Кулунды [Кирюшин, 2015a, рис. 2.-3] и Горного Алтая [Кирюшин и др., 2013, с. 29, рис. 16.-11]. Керамика с валиком широко встречается в материалах елунинской [Кирюшин, 2002, рис. 80.-1, 5, 6; 84.-1] и кротовской культур [Молодин, 1985, с. 38, рис. 14.-1–4, 6, 7, 11, 13]. Однако в эпоху энеолита и ранней бронзы для керамики с валиками характерно сплошное заполнение поверхности сосуда орнаментом, выполненным отпечатками гребенчатого штампа [Кирюшин и др., 2013, с. 29, рис. 16.-11], «шагающей гребенки» [Кирюшин, 2002, рис. 80.-1, 5, 6; 84.-1; Молодин, 1985, с. 38, рис. 14.-1–4, 6, 7, 11, 13] или отступающей палочки с элементами накалывания [Кирюшин, 2015a, рис. 2.-3].

Неорнаментированная посуда с валиком широко встречается в материалах поселений поздней бронзы лесостепного и степного Алтая. Стоит отметить, что валик является этнодиагностирующим признаком культур валиковой керамики (КВК) Северного Казахстана и лесостепного и степного Алтая. Однако в период поздней бронзы валиковая керамика была совершенно иная.

Аналогии керамике с поселения Алексеевка-I имеются в материалах поселения боборыкинской культуры Борлы в Павлодарском Прииртышье [Мерц, 2011, рис. 1.-1, 5, 6]. Хотя стоит отметить, что у керамики с поселения Борлы валик украшен либо вертикальными, либо косыми насечками [Мерц, 2011, с. 297, рис. 1.-1, 5, 6]. Многочисленные аналогии керамике с валиком с поселения Алексеевка-I обнаруживаются в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 101.-3, 6, 7, 9; 102.-4, 5; 108.-3; 121.-3, 4; 124.-1-4]. На поселении Рубцовское обнаружены фрагменты венчика, верхнюю часть которого украшает формовочный валик, декорированный вдавлениями круглой палочки, поставленной либо параллельно, либо под небольшим углом к поверхности сосуда [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, рис. 7.-4].

Определение хронологии, периодизации и культурной принадлежности коллекции ранней керамики поселения Алексеевка-I проблематично из-за фрагментарности материалов и контекста находок (сборы с разрушенной части памятника). В составе керамических коллекций поселения Алексеевка-I выделяется группа посуды, декорированной «жемчужником» по венчику. Этот орнаментальный прием встречен на четырех сосудах, украшенных отпечатками гребенчатого штампа, ямками, наколами, отгисками веревочки и «псевдозубчатого штампа».

Особенностью этой группы посуды является большое количество органики, визуальнo фиксируемой в сломax. Использование волоса животных в качестве армирующей добавки отмечено в коллекциях керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, от раннего до финального неолита в материалах поселений Горного Алтая Тьткескень-II и Тьткескень-VI [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012; Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2013]. Использование пуха птиц при изготовлении посуды фиксируется в материалах энеолитических поселений Северной Кулунды [Кирюшин, 2015б]. Есть все основания полагать, что использование органики в процессе изготовления керамики – хронологический маркер памятников неолита и энеолита Алтая.

Выделенная группа керамики имеет комплекс признаков, благодаря которому она резко выделяется на фоне известных материалов эпохи неолита и энеолита юга Западной Сибири. Для энеолита на территории юга Западной Сибири выделены три крупных культурных образования: афанасьевская культура, большемысская культура и «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 39]. Керамика поселения Алексеевка-I не вписывается в рамки ни одного из культурных образований энеолита, зафиксированных в настоящее время на территории юга Западной Сибири.

Единственный известный на данный момент аналог (среди опубликованных материалов) находится на территории современного Казахстана. На развеенных участках песчаных дюн на северной окраине г. Семипалатинска найден «...круглодонный сосуд, со слегка раздутым туловом и прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, украшенный жемчужными вдавлениями и редкими прерывистыми горизонтальными линиями

штрихами по внешней и внутренней поверхности сосуда» [Мерц, 2013, с. 156, рис. 4.-7]. Наличие «жемчужника» или «жемчужных вдавлений» объединяет находку с Семипалатинских дюн с керамикой поселения Алексеевка-I. К сожалению, находка на Семипалатинских дюнах также является сборами с памятника с разрушенным культурным слоем. Можно только констатировать, что керамика с Семипалатинских дюн так же, как и керамика поселения Алексеевка-I, не имеет ничего общего с памятниками ямно-афанасьевского типа.

Нет сомнений в том, что вопросы хронологии, периодизации и культурной принадлежности керамики поселения Алексеевка-I на данном этапе исследования являются дискуссионными. Ряд аналогов в материалах неолита юга Западной Сибири и сопредельных территорий позволяет выдвинуть предположение о том, что данный комплекс керамики, скорее всего, датируется неолитическим временем. В археологической литературе смешение орнаментальных традиций, как правило, рассматривается как смешение различных групп населения. В материалах поселенческих комплексов юго-западных районов Алтайского края встречается керамика, имеющая черты сходства с посудой боборыкинской культуры, что позволяет допустить возможность проникновения носителей боборыкинской культуры на эту территорию [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 9–20].

Смешение носителей боборыкинских культурных традиций с местным населением могло привести к формированию своеобразной культурной традиции, что нашло отражение в керамическом производстве. Есть смысл выделить особую группу керамики, за которой закрепить название «алексеевская». Одной из ярких особенностей этой посуды, выделяющих ее на фоне синхронных памятников юга Западной Сибири, является наличие «жемчужника» по венчику. Не вызывает сомнений, что необходимо изучение уже известных памятников у сел Павловки и Алексеевки и выявление стратифицированных памятников, на которых может быть обнаружена подобная посуда. Будущие исследования позволят решить проблемы, обозначенные в данной статье.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что историко-культурные процессы в неолите на территории юго-западных районов Алтайского края были сложными и представлены несколькими линиями развития. Результатом контактов различных групп населения стало появление своеобразной керамики, хронология, периодизация и культурная принадлежность которой на данном этапе исследования являются дискуссионными.

Библиографический список

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; В. Новгород : ИИМК РАН, 2011. С. 106–108.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 211–213.

Грушин С.П., Миляев Г.А., Вальков И.А. Результаты археологической разведки в долине р. Мельничной Залесовского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 78–83.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88). С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. №1. С. 25–36.

Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 132–139.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткесень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с. : ил.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткесень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4. С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткесень-VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 65–72.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катунь (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 222 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Угловский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 215–224.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 7–23.

Кирюшин Ю.Ф., Ключин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург : Центр «Учебная книга», 2010. 308 с. : ил.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; В. Новгород : ИИМК РАН, 2011. С. 297–301.

Мерц В.К. Керамика ямно-афанасьевского типа из Семипалатинского Приртышья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 153–158.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла) : монография : в 2 т. Т. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 128 с.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское (долина Алей, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 55–69.

Yu.F. Kiryushin, K.Yu. Kiryushin

COMPLEX OF EARLY CERAMICS OF THE ALEKSEEVKA-I SETTLEMENT

(Problems of Chronology, Periodization and Cultural Affiliation)

The article considers the publication of a complex of ceramic dishes found at the Alekseevka-I settlement (Uglovsky district of the Altai Territory). The cultural layer of the monument was destroyed, which creates problems for determining of the chronology, periodization and cultural identity of the recorded

materials. In the collection of ceramics from the Alekseyevka-I settlement a group of ceramics (about 150 specimens) is distinguished, which can be dated to the Neolithic and the Eneolithic. According to the peculiarities of ornamentation, there are ten groups of dishes. The conducted studies recorded a mixture of ornamental traditions, which most likely reflects the interaction of various groups of the population.

Fragments of pottery from the Alekseyevka-I settlement have similarities with the Neolithic ceramics of the southwestern regions of the Altai Territory and the Pavlodar Priirtyshye. Also we have traced the features of similarity with the Eneolithic ceramics of North Kulunda and the Barnaul-Biysk Ob area.

In the composition of the ceramic collections of the Alekseyevka-I settlement, a distinguished group of dishes is decorated with a “pearl” along the aureole. This ornamental device is found on four vessels decorated with prints of a comb stamp, pits, nails, prints of a rope and a “pseudo-toothed stamp”. A feature of this group of dishes is a large amount of organic stuff visually fixed in the slices.

The designated group of ceramics has a complex of features which make it stand out against the background of known materials of the Neolithic and Eneolithic age of the south of Western Siberia.

Key words: settlement, ceramics, comparative-typological analysis, ornamentation technique, Neolithic, Eneolithic, cultural identity.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaya kul'tura [Artyn Culture]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s"ezda. T. I [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. I]. SPb. ; V. Novgorod : IIMK RAN, 2011. Pp. 106–108.

Bobrov V.V., Yurakova A.Yu. Boborykinskiy kompleks v neolite Barabinskoy lesostepi [Boborykinskiy Complex in the Neolithic of the Barabinsk Forest-Steppe]. Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s"ezda v Kazani. T. I [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. I]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 211–213.

Grushin S.P., Milyaev G.A., Val'kov I.A. Rezul'taty arkhеologicheskoy razvedki v doline r. Mel'nichnoy Zalesovskogo rayona Altayskogo kraya [The Results of Archaeological Exploration in the Valley of the Melnichnaya River in the Zalesovsky District, Altai Territory]. Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Vyp. XXIII [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XXIII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 78–83.

Kiryushin K.Yu. Keramika poseleniya Novoil'inka-VI (po rezul'tatam issledovaniy 2013–2014 gg.) [Ceramics of the Novoilinka-VI Settlement (according to the Results of 2013–2014 Studies)]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Altai State University. 2015a. №4/1 (88)]. Pp. 149–156.

Kiryushin K.Yu. Morfoloogo-ornamental'nye gruppy keramiki s poseleniya epokhi eneolita Novoil'inka III v Severnoy Kulunde [Morphological-Ornamental Groups of Ceramics from the Settlement of the Eneolithic Age of Novoyilinka III in North Kulundf]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2015b. №1. Pp. 25–36.

Kiryushin K.Yu. Tretiy gorizont poseleniya Novoil'inka-VI (problemy khronologii, periodizatsii i kul'turnoy prinadlezhnosti) [The Third Horizon of the Novoilinka-VI Settlement (Problems of Chronology, Periodization and Cultural Affiliation)]. Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Vyp. XXII [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XXII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 132–139.

Kiryushin K.Yu., Grushin S.P., Sitnikov S.M. Obsledovanie poseleniya Boynikha 1 v 2014 godu [Survey of the Boynikha 1 Settlement in 2014]. Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Vyp. XXI [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXI]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 116–124.

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Tytkesken'-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.) [Cultural-Chronological Complexes of the Tytkesken'-2 Settlement (the Results of 1988–1994)]. Barnaul, 2008. 335 p. : il.

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., Glushkov I.G. Ispol'zovanie volosa zhivotnykh v goncharnoy traditsii neoliticheskikh kompleksov poseleniya Tytkesken'-2 [The Use of Animal Hair in the Pottery Tradition of the Neolithic Complexes of the Tytkesken'-2 Settlement] Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2012. №4. Pp. 41–50.

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., Semibratov V.P. Keramika razvitoго neolita s poseleniya Tytkesken'-VI [Ceramics of the Developed Neolithic from the Settlement of Tytkesken'-VI] Arkheologiya,

etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №4 (56). Pp. 65–72.

Kiryushin K. Yu., Kiryushina Yu. V., Semibratov V. P., Kiryushin Yu. F., Gorbunov V. V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Biryuzovoy Katuni (opyt integratsii v sferu turizma) [Historical and Cultural Heritage of Biryuzovaya Katun (Experience of Integration into the Sphere of Tourism)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 222 p.

Kiryushin Yu. F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri [Eneolithic and Early Bronze in the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 293 p.

Kiryushin Yu. F., Kazakov A. A. Uglovskiy rayon: pamyatniki arkheologii [Uglovsky District: Monuments of Archaeology]. Amyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya [Monuments of History and Culture of Southwestern Regions of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 215–224.

Kiryushin Yu. F., Kiryushin K. Yu. Keramika boborykinskogo oblika s poseleniy yugo-zapadnykh rayonov Altayskogo kraya [Pottery of Boborykinsky Image from the Settlements in the Southwestern Regions of the Altai Territory]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №2 (14). Pp. 7–23.

Kiryushin Yu. F., Klyukin G. A. Pamyatniki neolita i bronzy Yugo-Zapadnogo Altaya [Monuments of the Neolithic and Bronze Age of the South-West Altai]. Altay v epokhu kamnya i rannego metalla [Altai in the Stone Age and Early Metal Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 73–117.

Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura [Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykinskaya Culture]. Ekaterinburg : Tsentr "Uchebnaya kniga", 2010. 308 p. : il.

Merts V. K. Boborykinskiy kompleks poseleniya Borly (Severo-Vostochnyy Kazakhstan) [Boborykinsky Complex of the Borly Settlement (North-East Kazakhstan)]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda. T. I [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. I]. SPb. ; V. Novgorod : IIMK RAN, 2011. Pp. 297–301.

Merts V. K. Keramika yamno-afanas'evskogo tipa iz Semipalatinskogo Priirtysh'ya [Pottery of the Yamno-Afanasyevo Type from Semipalatinsk Priirtyshye]. Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii [Modern Solutions to the Current Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Pp. 153–158.

Molodin V. I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya [The Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtyshye]. Novosibirsk : Nauka, 1977. 174 p.

Molodin V. I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V. I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla) : monografiya : v 2 t. T. 1 [Monument Sopka-2 on the Om River (Cultural and Chronological Analysis of the Neolithic and Early Metal Burial Complexes): Monograph: 2 vols. Vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2001. 128 p.

Tishkin A. A., Kiryushin K. Yu., Shmidt A. V. Keramika poseleniya Rubtsovskoe-I (dolina Aleya, yug Zapadnoy Sibiri) [Ceramics of the Settlement Rubtsovskoe-I (Aley Valley, South of Western Siberia)]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №4 (16). Pp. 60–73.

НОВЫЕ НАХОДКИ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ (предварительное сообщение)*

В 2016 г. два жителя с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай обнаружили комплекс вещей монгольского времени в погребении, совершенном в деревянной колоде. Найденные предметы были переданы находчиками в кокоринский Историко-этнографический музей теленгитов Чуи (филиал Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина). Обнаруженный комплекс представлен предметами вооружения (берестяной колчан, железные наконечники и фрагменты деревянных древков стрел), конского снаряжения (железные стремяна, железные удила, берестяные детали полков седла) и фрагментами других изделий. Особый интерес представляет берестяной колчан, украшенный орнаментированными костяными пластинами. Узор был нанесен на пластины прорезанными линиями, заполненными черной краской. Также черной краской покрыта верхняя часть берестяного футляра колчана в месте крепления орнаментированных пластин. Подобные колчаны, декорированные костяными орнаментированными пластинами, имели широкое распространение на территории всей бывшей Монгольской империи и регионах, подверженных ее влиянию. Судя по имеющимся аналогиям колчану и другим предметам, находки относятся к монгольскому времени и датируются XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Алтай, развитое средневековье, монгольское время, погребение, колчан, наконечники стрел, стремяна.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-02

Введение

Несмотря на серьезный положительный сдвиг в изучении археологии Алтая монгольского времени, который демонстрирует опыт обобщения археологических материалов, известные археологические памятники этого периода в регионе на сегодняшний день остаются малочисленными [Тишкин, 2011, с. 156]. Поэтому любой новый материал по указанному периоду весьма актуален. В связи с этим особую важность представляют находки, сделанные местными жителями в 2016 г. в окрестностях с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай. Вещи были найдены при производстве земляных работ двумя местными жителями с. Кокоря. Предметы переданы находчиками в кокоринский Историко-этнографический музей теленгитов Чуи (филиал Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина). Причины производства земляных работ на склоне горы так и остались не совсем ясны, но после появления информации о находках в средствах массовой информации этим случаем заинтересовались органы госбезопасности, которые провели соответствующую проверку, в результате которой один из находчиков привлечен к административной ответственности. Нужно заметить, что в СМИ была растиражирована неточная информация об условиях нахождения предметов: якобы погребение было скальным. Учитывая важность находок, в этом предварительном сообщении представим описание условий нахождения предметов, которые удалось записать со слов находчиков и по результатам осмотра местонахождения погребения, а также описание переданных в музей предметов. Более подробная публикация будет подготовлена после завершения изучения найденных предметов и доисследования разрушенного находчиками комплекса.

* Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье».

Материалы исследований

Во время полевых работ археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета в 2016 г. в Кош-Агачском районе Республики Алтай до нас дошли сведения о находке местными жителями у с. Кокоря археологических предметов. Поскольку работы экспедиции на тот момент проводились на другом участке, сразу ознакомиться с находками не удалось. Обнаруженные предметы на тот момент уже были переданы в кокоринский Историко-этнографический музей теленгитов Чуи, и позднее удалось познакомиться с этими находками. В последующем, после получения более точной и подробной информации о находках, предприняты выезд в село для ознакомления с находками и осмотра состояния сохранности вещей, а также обследование места находки. Во время поездки благодаря помощи руководителя Дирекции территории традиционного природопользования Кош-Агачского района Л.Л. Таханова удалось опросить одного из находчиков об условиях обнаружения предметов, осмотреть местонахождение погребения. Также была достигнута договоренность с руководством музея о передаче предметов на временное хранение в Музей археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета для изучения комплекса вещей.

Как удалось выяснить, находки происходят из урочища Кызыл-Болчок, расположенного в северной части Чуйской котловины, в 5,4 км к северо-западу от с. Кокоря и в 16,5 км к востоку от с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района (рис. 1). Погре-

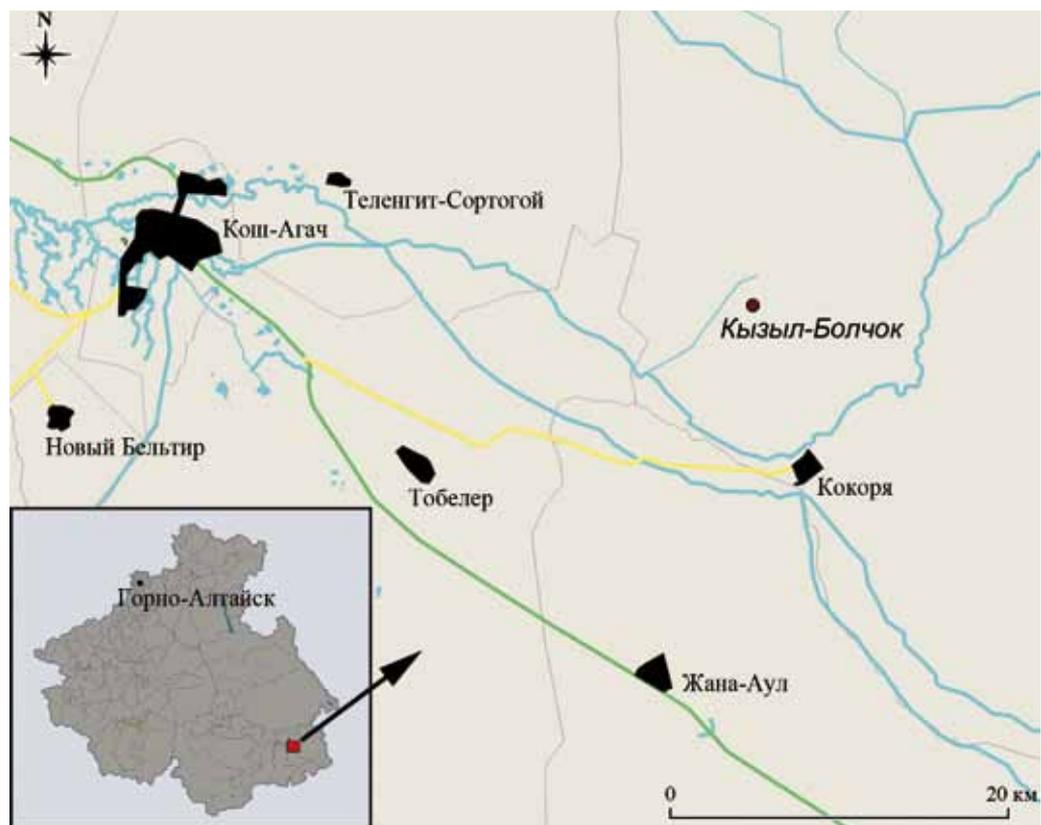

Рис. 1. Местонахождение памятника Кызыл-Болчок

бение находилось на склоне отрога Курайского хребта, служащего северным бортом Чуйской котловины, рядом с зимней животноводческой стоянкой. Оно было обнаружено при копке ямы на склоне горы двумя местными жителями. По утверждению одного из находчиков, первоначально они не заметили следов надмогильного сооружения. Лишь наткнувшись в яме на колоду с погребением, они увидели плохо различимое кольцо из камней. В яме на глубине не менее 1,5 м находилась колода, примерно расположенная по линии Ю–С. Сначала находчики заметили предметы, расположенные рядом с колодой, а когда обнаружили в колоде человеческий череп, то поняли, что это могила, и закопали яму обратно. Вероятно, погребение имело южную ориентацию, а найденные вещи находились слева от погребенного в колоде человека. При закапывании ямы остатки надмогильного сооружения были окончательно разрушены, поэтому можно лишь предположить, что первоначально погребение имело невысокую земляную насыпь, обложенную кольцом из камней. По словам находчика, все изъятые из могилы вещи были переданы в кокоринский музей, а другая часть вещей и останки человека остались в погребении нетронутыми.

В связи с поздним выездом само разрушенное погребение исследовать тогда не удалось, и аварийные работы на объекте были запланированы на полевой сезон 2017 г. Учитывая, что изъятые из погребения вещи представляют высокую научную ценность и вызывают интерес исследователей, все же было решено сделать предварительную публикацию находок до проведения полевых работ. Ниже приведем краткое описание предметов, переданных находчиками в Историко-этнографический музей теленгитов Чуи в с. Кокоря.

1. Берестяной колчан, украшенный орнаментированными костяными пластинами, с деревянной планкой (рис. 2). Вероятно, также сохранились небольшие фрагменты деревянного дна. От берестяного футляра были отделены костяные пластины и деревянная планка. Длина сохранившейся части берестяного футляра составляет 78 см. Имеются следы прошивки футляра в виде парных отверстий. Прошивка осуществлялась по диагональной линии. Судя отпечаткам на берестяном футляре, по крайней мере, с одного бока футляра крепилась деревянная планка (не сохранилась). С одной стороны футляра в верхней части хорошо прослеживаются следы покрытия бересты краской (лаком?) черного цвета, благодаря чему можно уверенно установить, что костяные орнаментированные пластины крепились именно в этой части. Сохранились две костяные пластинки, располагавшиеся вплотную друг к другу. Судя по следам на бересте и по особенностям орнамента, колчан имел еще одну пластинку. Узкая центральная пластина в нижней части имеет трапециевидное расширение. Вероятно, под этой пластинкой находилась сохранившаяся деревянная планка, повторяющая ее форму. Боковая пластина сохранилась не полностью. Вероятно, первоначально она имела прямоугольную форму.

Орнамент, нанесенный на пластинки, выполнен резными линиями и ромбическими вдавлениями, заполненными черным лаком. Геометрический орнамент, нанесенный на пластинки, составлял единую композицию. Центральной фигурой орнамента был вытянутый по горизонтали овал, образованный волутообразным узором. Внутри овала помещены круглые розетки, по одной на пластине. Сверху и снизу овала нанесены поперечные полосы плетенки, кругов, ромбических и треугольных вдавлений. Трапециевидное расширение в нижней части центральной пластинки

украшено четырехлепестковым узором, внутри которого вырезана розетка. Первоначально все прорезанные линии и вдавления были заполнены черным лаком, сохранившимся фрагментарно.

Рис. 2. Колчан из Кызыл-Болчока: 1 – общий вид колчана; 2 – фрагмент верхней части колчана с орнаментом; 3 – костяные пластины, украшавшие колчан

2. Фрагмент узкой полоски ткани шириной около 1,5 см.

3. Фрагмент узкого кожаного ремешка шириной 0,4 см.

4. Шесть плоских железных наконечников стрел (рис. 3). Пять наконечников относятся к категории ярусных, с округлой (рис. 3.-1-5) или заостренной боевой частью; шестой наконечник имел трапециевидную форму с широкой вогнутой боевой частью (рис. 3.-6).

5. Фрагменты деревянных древков стрел (рис. 4). В музей было передано более 30 фрагментов древков стрел. К сожалению, ни одно древко не сохранилось полностью. В месте насада наконечника древки стрел обтягивались полосками тонкой темной коры кустарника (черемухи?). Древки сужались к нижнему краю, сохранились остатки красной краски на этих концах. Следов оформления концов древков стрел под тетиву не обнаружено.

6. Железные удила (рис. 5.-2). Изделие имело кольчатые псалии диаметром 7,2–7,5 см. Звенья удил и псалии изготовлены из железного прута толщиной 1 см. Длина одного звена – 9,5 см, длина другого – 9 см. Звенья удил соединены крюковым способом крепления между собой и с псалиями.

Рис. 3. Железные наконечники из Кызыл-Болчока

Рис. 4. Фрагменты деревянных древков стрел из Кызыл-Болчока

7. Два железных стремена (рис. 5.-3–4). Невыделенно-пластинчатые стремена имели заостренно-арочную форму. Края широких подножек опущены вниз. Одно стремя имеет размеры $13,5 \times 14$ см, ширина подножки – 8 см. Размеры прорези под ремень – $2,5 \times 0,7$ см. Второе стремя имело размеры $14 \times 13,5$ см, ширина подножки – 7,3 см, размеры прорези под ремень – $2,6 \times 0,5$ см.

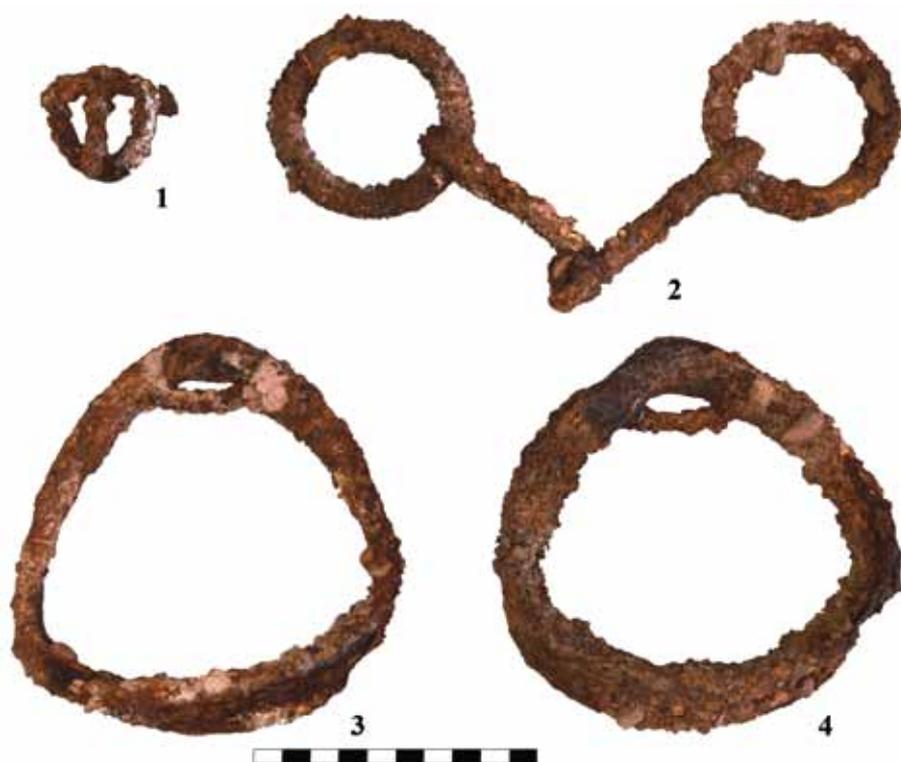

Рис. 5. Железные изделия из Кызыл-Болчока: 1 – пряжка; 2 – удила; 3, 4 – стремена

8. Железная пряжка (рис. 5.-1). Пряжка с подвижным язычком имеет рамку подтреугольной формы с немного выгнутым наружу основанием. Размеры пряжки – $4,2 \times 4,1$ см, толщина – 0,7 см.

9. Два берестяных полотна от полок седла (рис. 6). Изготовлены из нескольких слоев бересты, по краю имеются следы прошивания тонкой ниткой, слои бересты также скреплены между собой узкими берестяными ремешками, пропущенными поперек полотен. У одного полотна поврежден один из углов. Размеры этого изделия – 52×21 см. Второе полотно имело практически полную сохранность, его размеры – 51×21 см. В трех местах на каждом полотне имеются следы крепления к полкам седла в виде парных отверстий.

Заключение

Благодаря многочисленным аналогиям можно вполне уверенно отнести комплекс вещей к монгольскому времени и датировать XIII–XIV вв. Наибольшее значение представляет хорошо сохранившийся берестяной колчан, декорированный орнаментированными костяными пластинками и покрашенный черной краской. Колчаны, украшенные пластинками с орнаментом, имели широкое распространение в евразийских степях [Гаврилова, 1965, с. 73; Федоров-Давыдов, 1966, с. 31; Малиновская, 1974, с. 133; Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 205, 215, 231; рис. 99; Иванов, Кригер, 1988, с. 13, рис. 10.-1–3; 14.-33–37]. Однако на территории Алтая, судя по всему, это была первая находка такого рода.

Рис. 6. Берестяные детали полок седла из Кызыл-Болчока

Найденный комплекс весьма перспективен для дальнейших исследований. В первую очередь необходимо произвести раскопки разрушенного погребения, целостность которого уже нарушена, что может привести к утрате оставленных в яме материалов. Остается надеяться на то, что находчики действительно оставили нетронутым основную часть погребения и планируемые аварийные раскопки объекта позволят уточнить и выявить новые сведения о комплексе в целом. После завершения исследования объекта находкам будет посвящена более подробная публикация. Комплекс может стать одним из опорных для характеристики материальной культуры населения Алтая монгольского времени.

Библиографический список

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 144 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 96 с.
- Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М. : Наука, 1974. С. 132–175.
- Степи Евразии в эпоху средневековья : коллективная монография / отв. ред. С.А. Плетнева. М. : Наука, 1981. 304 с. (Археология СССР).

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2011. 208 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. : МГУ, 1966. 276 с.

N.A. Konstantinov, A.V. Ebel

NEW FINDS OF THE MONGOLIAN TIME FROM SOUTH-EAST ALTAI (Preliminary Report)

In 2016 two residents of the Kokorya village, Kosh-Agach district of the Altai Republic discovered some objects from Mongolian time kept in the burial log. The findings from the burial were transported to the Kokorya village Historical and Ethnographic Museum of the Chuya Telengits (a branch of the National Museum of the Altai Republic named after Andrei Anokhin). The discovered set of objects is represented by armament items (quiver, iron arrowheads and fragments of wooden arrow shafts), items of horse equipment (iron stirrups, iron bits, birch bark parts of the saddle) and fragments of other items. The emphasis is made of a birch bark quiver decorated with ornamented bone plates. The pattern on the plates was made by lines filled with black paint. The upper part of the birch bark quiver case is also covered by black paint, in the place where the ornamented plates are fastened. Such quivers, decorated with bone ornamented plates, were widespread in the territory of the entire former Mongolian Empire and regions subject to its influence. Judging by analogies of the quiver and other findings, the complex dates back to the Mongolian time of 13th–14th centuries.

Key words: Altai, Mongolian time, a burial, a quiver, iron arrowheads, iron stirrups.

References

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgе kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrgе Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. М. ; L. : Nauka, 1965. 144 p.

Ivanov V.A., Kriger V.A. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) [Mounds of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th–14th centuries)]. М. : Nauka, 1988. 96 p.

Malinovskaya N.V. Kolchany XIII–XIV vv. s kostyanyimi ornamentirovannymi obkladkami na territorii evraziyskikh stepey [Quivers of the 13th–14th Centuries with Bone Ornamented Plates in the Territory of the Eurasian Steppes]. Goroda Povolzh'ya v srednie veka [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. М. : Nauka, 1974. Pp. 132–175.

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya : kollektivnaya monografiya [Steppes of Eurasia in the Middle Ages: Collective Monograph]. Ch. Ed. S.A. Pletneva. М. : Nauka, 1981. 304 p. (Arkheologiya SSSR).

Tishkin A.A. Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov) [Altai in the Mongolian Time (Based on Archaeological Sites)]. Barnaul : Azбука, 2011. 208 p.

Fedorov-Davydov G.A. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological sites]. М. : MGU, 1966. 276 p.

Ю.Т. Мамадаков¹, А.Л. Кунгуров², А.Г. Чекурашев³, Я.Р. Барзынов⁴

¹ООО Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Главное управление МЧС России по Республике Алтай, Горно-Алтайск, Россия;

⁴Министерство внутренних дел по Республике Алтай, Горно-Алтайск, Россия

ВОИНСКИЙ СХРОН ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГОРЕ АК-КАЯ (Онгудайский район, Республика Алтай)

Представлены результаты изучения материалов схрона раннетюркского времени на горе Ак-Кая, обнаруженного около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай. Расположение схрона свидетельствует о том, что артефакты были помещены в него тайно и перекрыты, но не закопаны. Раскрытие ниши произошло недавно в силу смыва грунта из-за природных и антропогенных факторов. Материал представлен железным мечом с кольцевым навершием и двумя железными стремями. Уникальность материалов заключается в исключительно хорошей сохранности артефактов и «закрытости» комплекса. Данный факт позволяет произвести детальные замеры основных параметров изделий без учета коррозии поверхности, которая зачастую сильно меняет пропорции железных предметов. Кроме этого, достаточно четко прослеживаются некоторые технологические особенности производства артефактов и фиксируются следы их утилитарного и боевого использования. Совместное нахождение меча и стремя также дает возможность соотнести их в хронологическом, периодизационном и культурном планах друг с другом. В дальнейшем эти наблюдения позволят уточнить особенности синхронного бытования предметов вооружения и боевой амуниции в военной практике тюрков.

Ключевые слова: Горный Алтай, Еловская котловина, меч, стремя, схрон, раннее средневековье, тюркское военное дело, снаряжение, вооружение, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-03

Введение

Железные артефакты совершенно случайно найдены Айбеком Григорьевичем Чекурашевым и Ятконом Радиковичем Барзыновым летом 2016 г. на скальной возвышенности, имеющей местное название гора Ак-Кая. Гора, являющаяся пониженным отрогом Теректинского хребта, возвышается над с. Ело с запада на 57 м (1131 м над у.м.) и имеет координаты: 50°46'05.65" с. ш., 85°33'05.84" в. д. (рис. 1.-1, 2). Данная возвышенность на протяжении многих лет является популярным местом отдыха жителей окрестных населенных пунктов и игр детей. В связи с этим поверхность Ак-Кая сильно вытоптана, происходит регулярный смыв рыхлых отложений со склонов, особенно в весенний период. Этот процесс привел к вскрытию щелевидной полости на юго-западном склоне горы, которую и осмотрели уроженцы этих мест А.Г. Чекурашев и Б.Я. Барзынов. В каменной расщелине ими обнаружены железный меч с кольцевым навершием и два железных стремени, публикации которых посвящена настоящая работа.

Отрог Теректинского хребта, в состав которого входит гора Ак-Кая, в окрестностях с. Ело создает выступ на слиянии р. Ело (длина – 14 км, формирует северный борт отрога) и р. Каерлык (длина – 32 км, формирует восточный борт отрога). В результате слияния образуется Урсул (длина – 119 км), который является левым притоком р. Катунь [Государственный водный реестр, *эл. рес.*]. Соединение достаточно широких долин трех рек формирует орграфическую единицу, получившую наименование в географической литературе Еловская котловина [Алтайский край..., 1978]. Скальное обрамление котловины имеет эрозионный массивно-гребневидный рельеф с многочисленными каменными россыпями. Долины рек террасированы. По физико-географическому

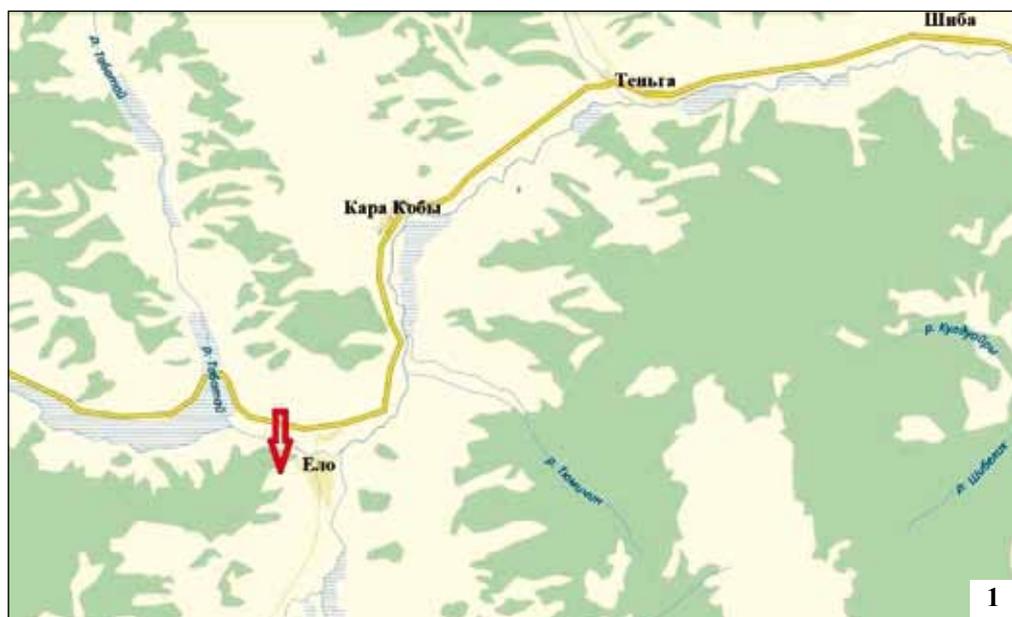

Рис. 1. Расположение воинского схрона/клада с горы Ак-Кая: 1 – с. Ело на карте по [Электронный ресурс]. Режим доступа: Россия yandex.ru/maps; 2 – с. Ело Онгудайского района Республики Алтай по [Электронный ресурс]. Режим доступа: Google Earth

районированию регион относится к Теректинскому району Центрально-Алтайской провинции Алтайской области страны «Горы Южной Сибири». Ландшафт характеризуется близким залеганием скальных палеозойских пород и маломощными обломочными

покровами. По долинам рек распространены эрозионно-аккумулятивные луговые пойменные долины, по горному обрамлению котловины – горно-среднегорный эрозионно-денудационный лесной ландшафт. Характер ландшафта крутосклонный, глубоко расчлененный. Имеются останцы (местное наименование – «межелики»), скалы, каменистые россыпи с разнотравно-злаковыми и кустарниковыми степями на горных черноземовидных примитивных почвах. Днища речных долин часто заболочены.

Активные археологические исследования в Еловской котловине начались с конца 70-х гг. XX в. археологами Алтайского государственного университета. В 1976–1980, 1984, 1986 гг. было зафиксировано несколько десятков памятников афанасьевской культуры, некрополей скифского и тюркского времени, наскальных изображений балбалов, стел, поселений, местонахождений и стоянок различных эпох и периодов. Это курганные могильники Нижний Тюмечин-1–5, Первый Межелик-1, Второй Межелик-1, Третий Межелик-1, Ело-1–3, Ело-Баши, Нижний Тоботой-1–3, Семисарт-1–9, Каерлык-1, Теньга-1–3, чашечные камни у с. Теньга, палеолитические стоянки Тюмечин-1–6, Алтайры, местонахождение Тоботой и др. [Посредников, 1980; Владимиров, Цыб, 1980; Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1997; Владимиров и др., 1997; Мамадаков, 2015; Тишкин, 2006; Шуньков, 1990]. Новые находки не только расширили объем материала по древней и средневековой истории региона, но и увеличили список типов археологических комплексов, пополнив реестр таким специфичным объектом, как схрон, или клад.

Анализ археологических материалов

Параметры железного меча:

- общая длина – 71 см (рис. 2; 3);
- рукоять с навершием – 16,5 см;
- параметры навершия – 4 см (по оси) и 4,2 см (поперек оси);
- длина черена от основания навершия до плечиков-скосов – 12 см;
- скосы (фронтальный и тыльный) – 0,5 см (фронтальный – более крутой, округленный; тыльный – более пологий);
- длина лезвия до скоса-окончания – 53,3 см;
- длина обуха-спинки – 54 см;
- ширина черена:
 - под кольцом-навершием (основание) – 1,7 см;
 - посередине – 1,2 см;
 - по скосам – 1,7 см;
- ширина полотна клинка:
 - около черена – 2,8 см;
 - на середине – 2,6 см;
 - перед скосом – 2 см;
- толщина кольца-навершия – 0,55–0,6 см;
- толщина черена:
 - под кольцом-навершием (основание) – 0,5 см;
 - посередине – 0,3 см;
 - по скосам – 0,5;
- толщина полотна клинка (по спинке):
 - около черена – 0,7 см;
 - на середине – 0,55 см;
 - перед скосом – 0,4 см.

Форма и параметры навершия. Представляет собой полусферу. Точнее, можно назвать форму кольца – «часть (2/3) окружности». Основание навершия, примыкающее к черену, имеет абрис летящей птицы. Дуги полусферы навершия тщательно прокованы и отполированы. В сечении – овал, полученный при проковке из шестиугольного в сечении прута. Прут вытянут ковкой из участка основания черена. Проковка осуществлялась с тыльной стороны клинка, затем получившийся прут длиной около 11 см мастером-оружейником был свернут в фигурную полусферу. Окончание прута, раскованное в овалный «блинчик» размерами $2 \times 1,5$ см и толщиной около 1 мм, в завершении процесса приварено к основанию черена. Процесс сцепления основания навершия и черена зафиксирован в уплощении проковкой этого участка рукояти. После частичного разрушения поверхности изделия сварочный стык стал достаточно хорошо заметен, при этом заметен и высокий уровень фигурнойковки оружия.

Форма и параметры черена. Прямоугольные очертания с расширениями в месте смыкания с навершием и полотном клинка. Кроме этого, толщина черена посередине немного уменьшается.

Форма и параметры полотна клинка. Спинка прямая, обух слегка заovalен и хорошо отполирован. Клинок сужается с 2,8 см под череном до 2 см перед скосом-окончанием. Вследствие этого кромка лезвия чуть наклонена от черена к острию. Приострение боевой кромки клинка достигнуто проковкой (ширина скоса около 1 см) и последующей интенсивной абразивной заточкой. Кромка до сих пор остается достаточно острой. На некоторых участках плоскости полотна клинка сохранилась полированная изначальная поверхность оружия. Грань клинка имеет явные следы боевого износа в виде сколов и зарубок. В «слабой» части клинка (foible) имеется сильная надломленность от бокового рубящего удара,

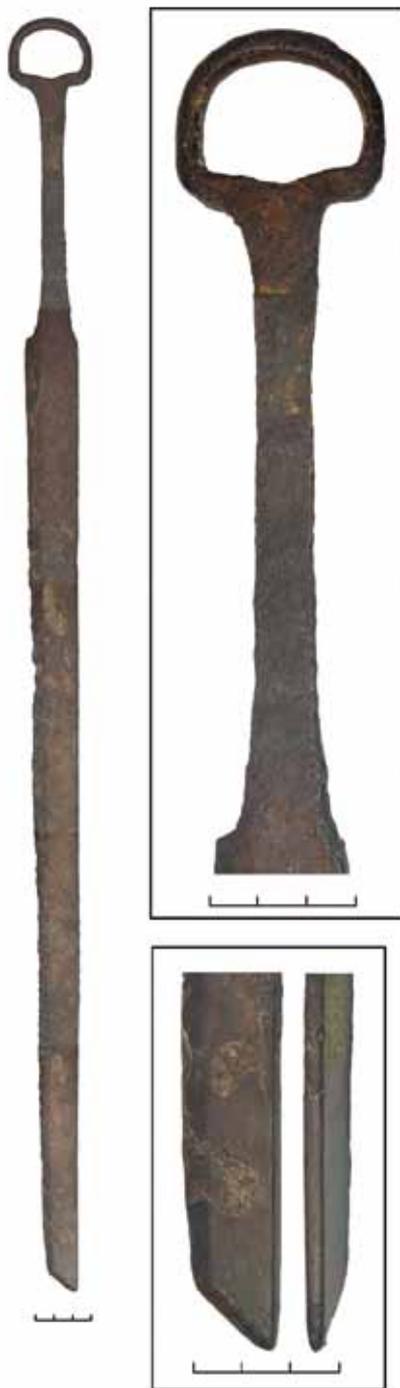

Рис. 2. Меч из схрона/клада на горе Ак-Кая около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай (фото В.А. Кунгурова)

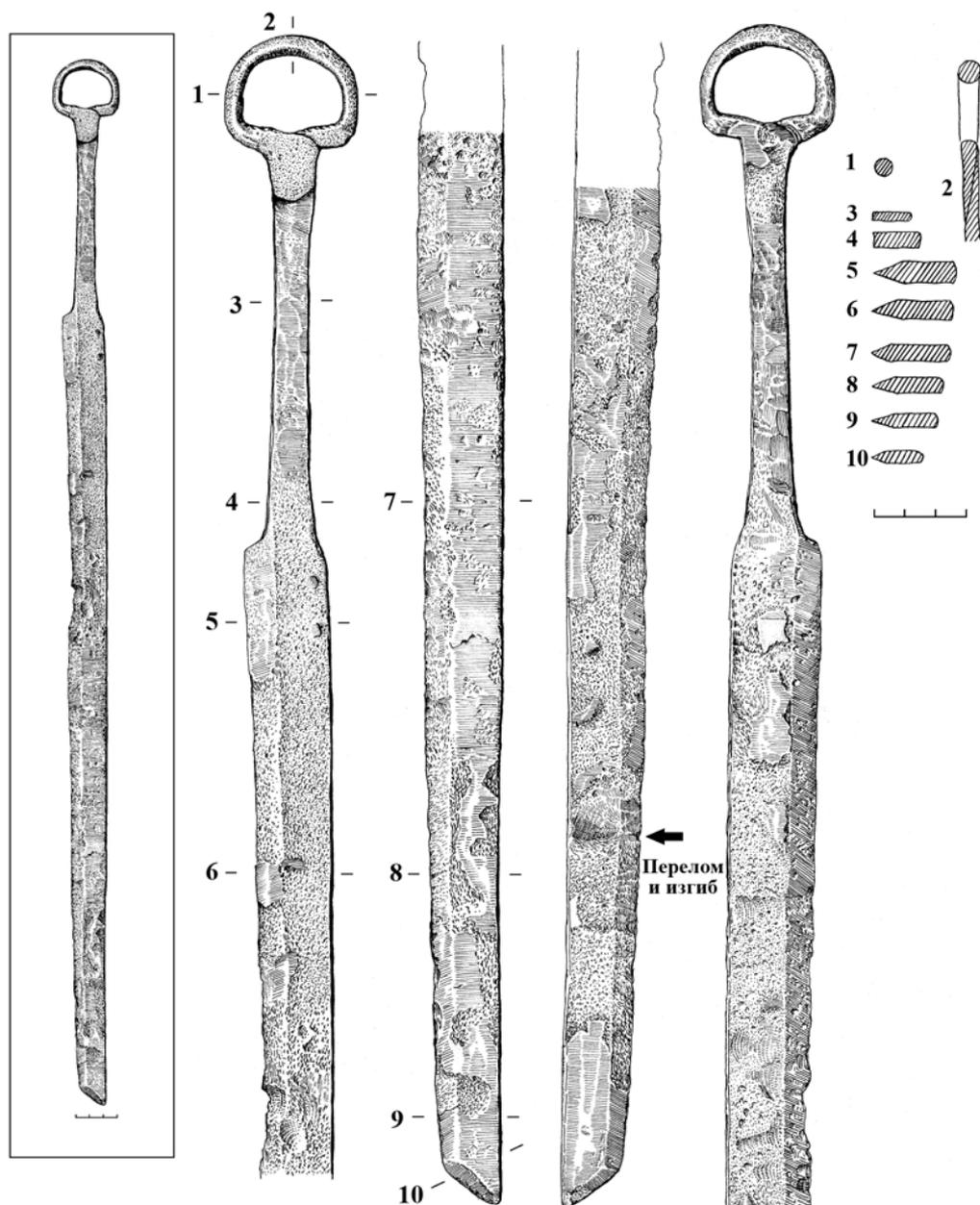

Рис. 3. Меч из схрона/клада на горе Ак-Кая около с. Ело
Онгудайского района Республики Алтай

возможно, следствие его неудачного блокирования плоскостью. Создается впечатление, что воин «отмахнулся» от фронтальной атаки противника, не успев развернуть клинок гранью острия. Вследствие этого меч был выведен из строя, так как оказался практически перерублен, и требовал перековки. Подобные детали «жизни» оружия можно проследить благодаря исключительно хорошей сохранности изделия.

Формальное описание. Однолезвийный палаш (разряд II). Клинок снабжен лезвием только по фронтальной стороне, тыльная откована в виде прямой спинки, постепенно сужающейся к острию. В поперечном сечении полотно клинка имеет пятиугольную форму. Окончание клинка скошено – лезвие соединяется со спинкой косым ровным срезом (раздел II). Рукоять прямая (отдел I) прямоугольная (тип б). Но основании клинка имеется кольцевое навершие, образованное раскованным верхним краем черена (вариант а) [Горбунов, 2006, с. 59].

Предварительная публикация меча, основанная на изучении случайной фотографии «в одной из российских социальных сетей Интернета», была недавно осуществлена В.И. Соёновым [2017, с. 142]. Основные параметры меча исследователь восстановил близко к действительности, что позволяет использовать подобные интернет-сообщения в исследовательской процедуре. Широкий круг аналогий, приведенный В.И. Соёновым [2017, с. 145–149], также расширяет источниковедческую базу схрона из с. Ело. Ближайшими аналогиями являются находки из Кок-Паша (курганы №12, 29, 55) [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003], Усть-Бийке-III (курган №4) [Тишкин, Горбунов, 2005], Гилево-I (курган №2) [Могильников, 2002]

Параметры стремян

Комплект стремян (выделено-пластинчатые или с прямоугольной петлей на шейке) условно разделен на левое и правое на основании заполированности участков дужек, отчетливо фиксирующейся благодаря хорошей сохранности артефактов (рис. 6). На наш взгляд, такая полировка внутренней стороны могла сформироваться в процессе использования стремян (контакт с боком лошади, попоной).

Левое стремя. Форма усеченно-овальная, с прямой подножкой. К путлицу крепились с помощью подпрямоугольной рамки с прорезью, прикрепленной к дужке с помощью стержня округлого сечения (рис. 4; 6.-1). Общая максимальная высота – 18,6 см, ширина – 12,9 см. Дужки изготовлены из железного прута круглого сечения диаметром 0,8 см.

Подножка подовальной формы, размеры – 8 × 3–3,1 см. Толщина скошенных вниз лопастей подножки – до 0,2 см, высота «в фас» с учетом кромки дужки – 0,6 см. За счет выковывания лопастей подножки из базового прута его параметры (диаметр) в данном месте уменьшились с 0,8 до 0,65 см. Кромка подножки, являющаяся передней, если предположение о левом и правом расположении стремян верно, заполирована передней частью (носком) обуви всадника.

Петля для путлица оформлена в виде прямоугольной пластины размерами 4,1 × 2,5 см и толщиной до 0,8 см, с выделенными продольными бортиками шириной до 0,5 см и высотой от основной плоскости пластины до 1,5 см. В нижней части пластины (4,7 см ниже верхней кромки) оформлено прямоугольное отверстие для ремня, имеющее размеры – 1,15 × 0,7 см. Петля прикреплена к верхней дуге стремени с помощью железного прута, именуемого исследователями «шейкой» [Неверов, 1998]. На описываемом стремени «шейка» имеет четко видимый загиб, пропущенный в прорезь петли и раскованный. Прорезь петли позже подогнана проковкой до необходимых мастеру параметров. Высота «шейки» по наружной кромке рамки – 1,6 см, по внутренней (собственно высота соединительного прута) – 1,2 см. В месте стыка «шейки» и верхней кромки дужки оформлен декоративный валик треугольной формы (вершиной вниз) шириной 1,5–2 мм. Не исключено, что данный элемент маскирует зону сварки или сковки дуги с петлей. Валик расположен с двух сторон изделия.

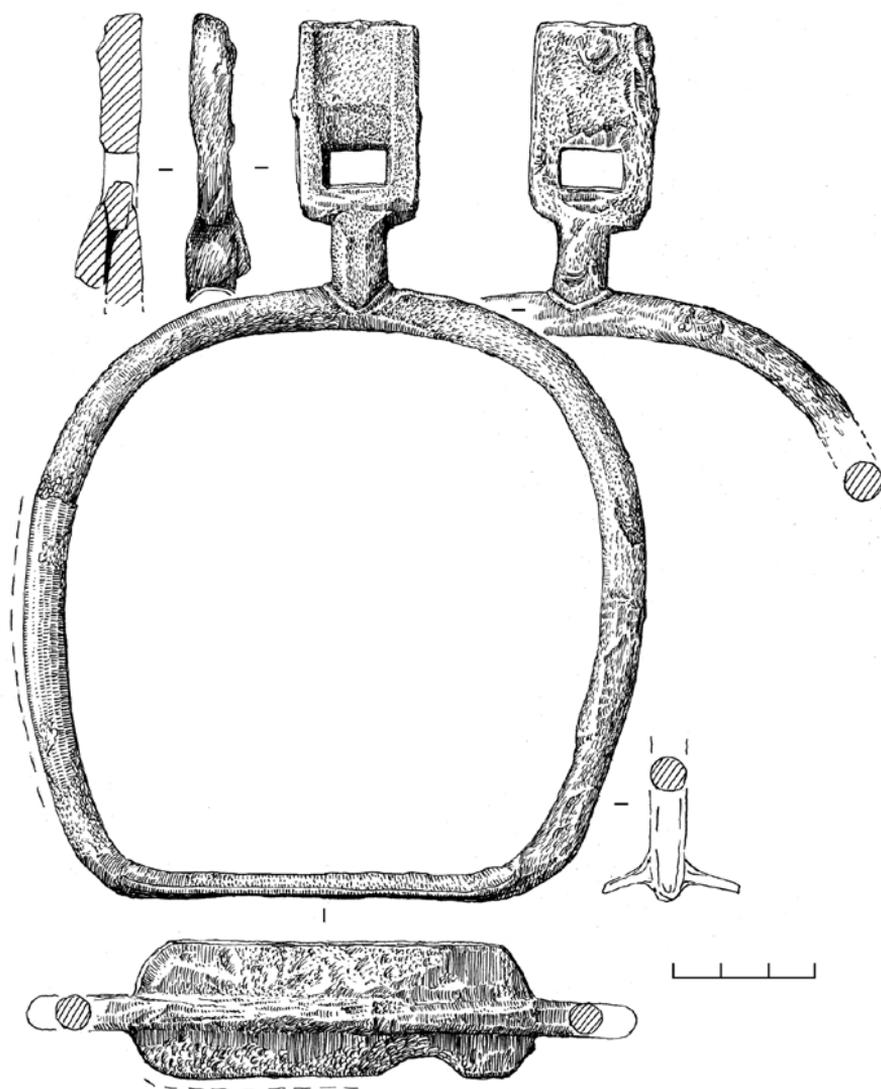

Рис. 4. «Левое» стремя из схрона/клада на горе Ак-Кая около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай

Правое стремя. Неполный аналог левого. Форма также усеченно-овальная, с прямой подножкой. К путлицу крепилось с помощью рамки с прорезью шестиугольной формы (один из верхних углов отломан в процессе использования). Рамка прикреплена к дужке с помощью стержня округлого сечения (рис. 5; 6.-2). Стремя разрушено несколько сильнее предыдущего, возможно, из-за своего расположения в схроне. Общая максимальная высота – 18 см, ширина – 12,6 см. Дужки изготовлены из железного прута круглого сечения диаметром 0,8–0,9 см.

Подножка подовальной формы, размеры – 10 × 2,2–2,5 см. Заметно сужается по середине. Толщина скошенных вниз лопастей подножки – до 0,2 см, высота «в фас» с учетом кромки дужки – 0,6 см. Посередине подножка вогнута вовнутрь контура стре-

мени на 0,2 см. Проковка лопастей подножки полностью изменила параметры железного прута, который фиксируется как валик шириной 0,3–0,4 см сверху и снизу. Заполненность передней части не фиксируется из-за разрушенности металла.

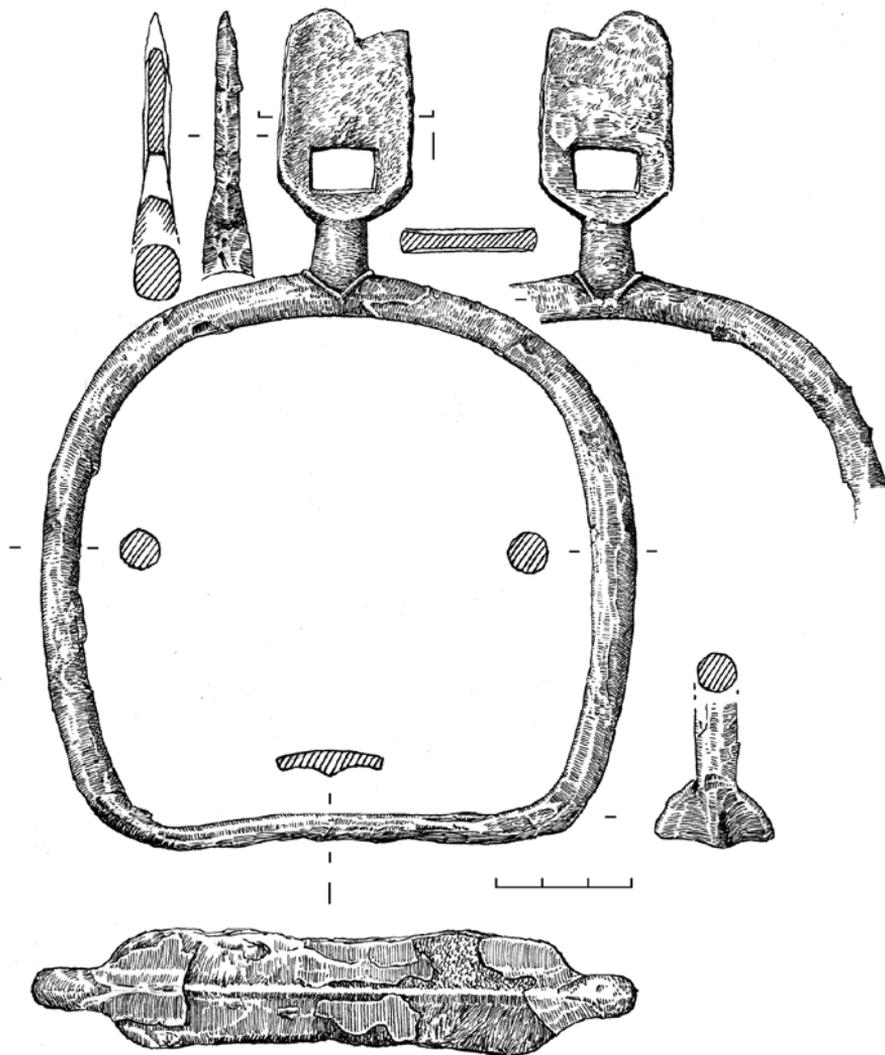

Рис. 5. «Правое» стремя из схрона/клада на горе Ак-Кая около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай

Петля для путлища оформлена в виде шестиугольной пластины размерами $4,6 \times 2,6-2,9$ см (расширяется внизу) и толщиной до 0,5–0,6 см, приостренной сверху. Пластина посередине плавно уменьшается в толщине на 0,3–0,4 см. В нижней части пластины (3 см ниже верхней кромки) оформлено прямоугольное отверстие для ремня, имеющее размеры $1,3 \times 0,9$ см. Из-за тонкой верхней кромки пластины произошел облом правого угла, сделавшего контур пластины неровным. Для того чтобы избежать повреждения острым обломом путлища, хозяин стремени затупил кромку шлифовкой, придав ей безопасные плавные обводы. «Шейка», скрепляющая дужку стремени и петлю, не имеет видимого

свидетельства способа соединения. Ее высота – 1 см, форма в профиль и фас конусовидная, верхний диаметр – 1,1 см, нижний – 1,3 см. В месте стыка «шейки» и верхней кромки дужки также имеется декоративный валик неровной треугольной формы, расположенный с двух сторон изделия и ориентированный вершиной вниз. Его ширина – 2–2,5 мм.

Рис. 6. «Левое» (1) и «правое» (2) стремена из схрона/клада на горе Ак-Кая около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай (фото В.А. Кунгурова)

Заключение

Комплекс археологических находок из схрона (клада) на горе Ак-Кая около с. Ело Онгудайского района Республики Алтай еще раз подтверждает концепцию исследователей о сложении тюркской археологической культуры. Ее основа – синтез местных традиционных элементов булан-кобинской культуры и инновационных раннетюркских достижений. Данный период получил наименование кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) [Тишкин, 2007; Тишкин, Серёгин, 2011; Серёгин, Матрёнин, 2016]. Именно в этот промежуток времени укладываются завершение периода бытования мечей с кольцевидным навершием и распространение пластинчатых стремян.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский ин-т гуманитар. исслед., 1997. С. 69–90.

Алтайский край. Атлас : в 2 т. Т. 1. М. ; Барнаул : Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1978. 222 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Вып. 4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 31–41.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. М. : Наука, 1980. С. 196–197.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Государственный водный реестр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.textual.ru/gvt>.

Онгудайский район на карте республики Алтай [Электронный ресурс]. Режим доступа: Россия yandex.ru/maps.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 25–37.

Мамадаков Ю.Т. Основные археологические памятники Онгудайского района. Онгудай, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ажуда.рф/древность-и-средневековье/>.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Серёгин Н.Н., Матрёнин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Соёнов В.И. Находка железного палаша на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 142–150.

Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 1: Древности Онгудайского района. Барнаул : Азбука, 2006. 12 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и инновации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 14–32.

Шуныков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск : Наука, 1990. 60 с.

Google Earth Планета Земля [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.google.com/earth/

Yu.T. Mamadakov, A.L. Kungurov, A.G. Chekurashev, Ya.R. Barzynov

MILITARY CASHE OF THE TURKIC TIME ON THE HILL OF AK-KAYA (the Ongudai District, the Altai Republic)

The article presents the results of the study of the materials of the “cache” of the early Turkic Time on the Ak-Kaya Mount discovered near the Elo village of the Ongudai district of the Altai Republic. The location of the cache indicates that the artifacts were placed in it secretly and blocked, but not buried. Disclosure of the niche occurred recently due to the washing away of soil due to natural and anthropogenic factors.

The material is represented by an iron sword with a ring pommel and two iron stirrups. The uniqueness of the materials lies in the exceptionally good preservation of the artifacts and the “closedness” of the complex. This fact allows making detailed measurements of the main parameters of products without taking into account surface corrosion, which often greatly changes the proportions of iron objects.

In addition, some technological features of artifact production are traced quite clearly and traces of their utilitarian and combat use are fixed. The joint finding of the sword and stirrups also makes it possible to correlate them in chronological, periodizational and cultural terms with each other. In the future, these observations will make it possible to clarify the features of the synchronous existence of armaments and combat ammunition in the military practice of the Turks.

Key words: Altai mountains, Elovskaya depression, sword, stirrup, cache, early Middle Ages, warfare, military equipment, armament, dating.

References

- Abdulganeev M.T., Posrednikov V.A., Stepanova N.F. Afanas'evskie mogil'niki na r. Elo [Afanasyevo Burial Grounds on the Elo River]. *Istochniki po istorii respubliky Altay* [Sources on the History of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk : Gorno-Alt. in-t gumanit. issled., 1997. Pp. 69–90.
- Altayskiy kray. Atlas [Altai Region. Atlas]. Vol. 1. Moskva ; Barnaul : Gl. upr. geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR, 1978. 222 p.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII vv.) [East Altai in the Era of the Great Migration of People's (3rd–7th Centuries)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. 224 p.
- Vladimirov V.N., Mamadakov Yu.T., Tsyb S.V., Stepanova N.F. Raskopki afanas'evskogo mogil'nika Pervyy Mezhelik I v Ongudayskom rayone [Excavations of the Afanasyevo Burial Ground First Mezhelik I in the Ongudai District]. *Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkheologii*. Vyp. 4 [Antiquities of Altai: News of the Laboratory of Archeology. Issue 4]. Gorno-Altaysk : GAGU, 1997. Pp. 31–41.
- Vladimirov V.N., Tsyb S.V. Issledovaniya v Gornom Altae [Research in the Altai Mountains]. *Arkhelogicheskie otkrytiya 1979 goda Archaeological Discoveries of 1979*. M. : Nauka, 1980. Pp. 196–197.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [The Warfare of the Altai Population in the 3rd–14th Centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 s.
- Gosudarstvennyy vodnyy reestr [State Water Register] [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.textual.ru/gvr>
- Posrednikov V.A. K arkheologicheskoy karte Altaya [To the Archaeological Map of Altai]. *Drevnyaya istoriya Altaya* [Ancient History of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt un-ta, 1980. Pp. 25–37.
- Mamadakov Yu.T. Osnovnye arkheologicheskie pamyatniki Ongudayskogo rayona [The Main Archaeological Sites of the Ongudai District] [Electronic Resource]. Access Mode: <http://azhuda.rf/drevnost'-i-srednevekov'e/>
- Mogil'nikov V.A. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 p.
- Neverov S.V. Stremena Verkhnego Priob'ya v VII–XII vv. (klassifikatsiya i tipologiya) [Stremens of the Upper Ob Region in the 7th–12th Centuries (Classification and Typology)]. *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* [Equipment of the Horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 129–151.
- Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The Burial Rite of the Nomads of Altai in the 2nd Century BC. – 11th Century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt un-ta, 2016. 272 p.
- Soenov V.I. Nakhodka zheleznogo palasha na Altae [Finding of an Iron Sword in the Altai]. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya*. Vyp. XXIII [Conservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XXIII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 142–150.
- Tishkin A.A. Istoriko-kul'turnoe nasledie Altaya. Vyp. 1: Drevnosti Ongudayskogo rayona [Historical and Cultural Heritage of Altai. Issue 1]: Antiquities of the Ongudai district. Barnaul : Azbuka, 2006. 12 p.
- Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt un-ta, 2007. 356 p.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biye (Gornyy Altay) [A Complex of Archaeological Monuments in the Valley of the Bijke River (the Altai Mountains)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p.
- Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyy kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoy kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI vv. n.e.): traditsii i innovatsii [The Object Complex from the Monuments of the Kyzyl-Tash Stage of Turkic Culture (the Second Half of the 5th – 1st Half of the 6th Century AD): Traditions and Innovations]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. Vyp. 6 [Theory and Practice of Archaeological Research. Issue 6]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Pp. 14–32.
- Shun'kov M.V. Must'erskie pamyatniki mezhgornyykh kotlovin Tsentral'nogo Altaya [Mousterian Monuments of the Intermontane Basins of Central Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 60 p.

С.А. Пилипенко¹, А.В. Жадаева²

¹Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;

²Волгоградский областной краеведческий музей, Волгоград, Россия

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОКК ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЕВ ВОЛГОГРАДА И ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (по материалам могильников Царев, Солодовка-I-II)

Многолетние исследования бокк в музеях Поволжского региона позволяют сделать первые обобщения относительно конструктивных особенностей каркасной системы и ее взаимодействия с берестяными и ткаными частями шапочки. Широко известный по письменным и изобразительным источникам женский головной убор как отражение монгольского доминирования в степях Евразии распространен в погребениях средневековых кочевников от Монголии до Днепра. Но степень сохранности самих бокк оставляет желать лучшего. Находки, сделанные в разные годы в Поволжье, позволяют лучше сравнить одну из разновидностей берестяных наверхий сапожкового типа на материалах музейных коллекций Волгоградского областного (ВОКМ) и Волжского (ВКМ) краеведческих музеев, а также Саратовского областного музея краеведения (СОМК). Музейные собрания поволжских музеев являются важным звеном для понимания процессов распространения и взаимодействия разных видов бокк. Отсутствие четких критериев сравнения бокк приводит к путанице при нахождении отдельных частей таких головных уборов и ошибочному выделению их разных типов, равно как и к ошибочному отнесению к боккам других типов головных уборов. Данная работа посвящена особенностям конструкции каркасных систем бокк Поволжского региона.

Ключевые слова: Поволжье, юг Западной Сибири, средневековые кочевники, бокка, богтаг.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-04

Введение

За последние годы проведены значительные археологические исследования в Поволжье, причем как полевые [Мыськов, 2015, с. 4], так и историографические [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 3], обобщающие и вводящие в научный оборот ранее найденные или малоизвестные материалы монгольского времени, в том числе предметы одежды, к которым относятся и *бокки*.

Бокки – это женские головные уборы жителей степей Евразии в монгольский период, давно ставшие предметом исследования ученых, начиная с 1913 г., когда А.А. Кротковым [1915, с. 111–133] была опубликована первая графическая реконструкция хорошо сохранившейся бокки из Увека (Укека), с берестяным наверхием в форме сапожка. Постепенно начали появляться работы по систематизации бокк Урало-Поволжского региона в соответствующих разделах обобщающих монографий и профильных статьях [Иванов, Кригер, 1988, с. 18; Кригер, 2012, с. 32–33; Мыськов, 1995, с. 36–43; 2015, с. 4]. Исследователи изучали вопросы кроя шелковых шапочек для бокк [Мыськов, 1995, с. 36–43], соотношение монгольских бокк с головными уборами кыпчакского населения домонгольского периода [Иванов, Кригер, 1988, с. 18], соотношение археологических, письменных и изобразительных источников с типологическим выделением бытования бокк по форме берестяного наверхия в различных улусах монголов [Доде, 2008, с. 54].

На территории России зафиксированы три вида бокк: *с наверхиями в виде сапожка* в Урало-Поволжском регионе и на юго-западе Сибири, *в виде воронки* (томско-алтайской разновидности) и *с расширением* сложной формы монголо-тяньшанской

разновидности [Тишкин, Пилипенко, электр. рес.]. В различных регионах можно отметить разную степень изученности бокк. В основном работы сводятся к сравнению археологических источников с изобразительными при цитировании одних и тех же письменных источников. В результате получается поверхностное изучение проблем, связанных с бокками. Это приводит к искажению информации о первоисточнике и дискуссиям о степени вероятности преемственности головных уборов кыпчаков и монголов через бокку. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что бокки сохраняются частично и редко целиком. Так, в Поволжье в погребениях кочевников сохранилось большее количество берестяных трубок, чем целых бокк с носиком и крышкой. К примеру, на восемь бокк из собрания Саратовского областного музея краеведения (СОМК) только две сохранились относительно полностью (Увек, СОМК. НВСИП*. 30842-308-46; Усть-Курдюм, курган №7, СОМК. АО-2575).

Мы считаем, что ключ к пониманию происхождения, развития и эволюции различных форм бокк лежит не во внешнем их виде, а в особенностях их внутреннего конструктивного и технологического сходства или различия. Так, при изучении бокк юга Западной Сибири установлена тождественность в технологии изготовления наверхний томско-алтайского и монголо-тяньшанского типов. Особенно это отчетливо видно на каркасных конструкциях бокк [Тишкин, Пилипенко, 2016, с. 21, рис. 1.-12–13].

Целью данной работы является описание выявленных нами конструктивных особенностей внутренних каркасов берестяных бокк сапожковидной формы из собраний Волгоградского областного краеведческого (ВОКМ) и Волжского краеведческого (ВКМ) музеев и сравнение их с внутренним устройством бокк других типов.

Материалы и результаты их изучения

В собрании ВОКМ и ВКМ нами изучены бокки и их детали из археологических памятников Царев, Солодовка-I и II, Бахтияровка-II, Быково, Демочкин, Маляевка-VI, Глазуново и Тингутинский-I. Все бокки сохранились в виде берестяных трубочек, иногда с деталями верхней части наверхия сапожкового типа. Для детального изучения выделена группа наиболее полно сохранившихся наверхий бокк из таких могильников: Царев, 1989, курган №61, погребение 1 (ВОКМ 7621/27 нв); Солодовка-I, курган №8, погребение 2; Солодовка-II, курган №7, погребение 1 (ВОКМ 27198/16); Бахтияровка-III, 1967; курган №5, погребение 1 (ВОКМ 4688/109).

В основе конструкции берестяных наверхий лежит сочетание берестяного и деревянного внутреннего каркаса. Сами деревянные каркасы сохраняются крайне редко – известно всего три случая. Это бокки из фонда Марджани, из могильника Маячный Бугор-II (погребение 51) в Астраханской области [Мамонова, Лантратова, Орфинская, 2012, с. 124, рис. 4] и из собрания ВОКМ из могильника Царев (курган №61, погребение 1) [Мыськов, 2015, рис. 27]. Однако во всех случаях порода дерева не установлена. Нами взят образец каркаса бокки для ксилотомического анализа, результаты которого будут опубликованы в наших дальнейших исследованиях.

Особенности расположения каркасной системы устанавливались при изучении расположения отверстий на берестяных деталях и отпечаткам самих каркасных направляющих на бересте. В ходе изучения отверстия наносились на рисунок-развертку с выделением функциональных частей и конструктивных и декоративных швов. Во всех случаях

* Так в музее обозначается научно-вспомогательный фонд. – *Авт.*

навершия были изготовлены из бересты, снятой пластовым методом в весенне-летний период с деревьев среднего возраста. При помощи ножа были выполнены операции резки, подрезки, скобления внешней белой поверхности и раскроя листа на заготовке. На бокке из могильника Царев (курган №61, погребение 1) была отмечена подрезка уже готового изделия перед обшивкой его тканью. Следы подрезки заметны в виде полукруглых мест на коре в нижней части берестяного цилиндра. На цилиндре из могильника Солодовка-II (курган №7, погребение 1) отмечены граффити в виде случайного пересечения линий, похожих на букву «М». По габаритам и объемам цилиндров можно говорить о бытовании двух однотипных, но разного размера бокк сапожкообразного вида: а) бокки из могильников Царев (курган №61), Солодовка-II (курган №7, погребение 1) и Бахтияровка-III (курган №25, погребение 2) относятся к головным уборам с более широким цилиндром: ширина внизу – 6,5–8,5 см, вверху – 5,5–7,5 см; б) бокка из курганного могильника Солодовка-I (курган №8, погребение 2) имеет узкий цилиндр: ширина внизу – 5,5 см, вверху – 4,5 см, хотя по высоте они мало отличаются – в пределах 14,5–17,5 см. Цилиндры выполнены из однослойного листа бересты с рисунком коры вдоль листа, свернутого в трубку. Такое расположение берестяного листа повышало прочность и упругость корпуса цилиндра в совокупности с внутренним деревянным каркасом. Навершие бокки состояло из клювовидного выступа, или носика, состоящего из одной или двух деталей, сшитых вместе и закрепленных на внутреннем каркасе. Этот выступ возвышался над верхней частью цилиндра и пришивался к крышке, идущей от пятки сапожка к носу. Чтобы избежать просадки пятки сапожкового навершия, пришивались одна или две прямоугольные пластины бересты с рисунком вдоль листа, на участке от верха пятки кружки и цилиндром приподнимая все навершие над цилиндром на 3–4 см.

Внутренний каркас цилиндра состоял из двух или четырех вертикальных направляющих палочек (рис. 1.-2е, 2В–С, 3с), упиравшихся в два запирающих цилиндр кольца (рис. 1.-2а, а'), верхнего и нижнего. От цилиндра к крышке шли дополнительные вертикальные направляющие (рис. 1.-2С на схеме), длина которых зависела от высоты возвышения крышки с носиком над цилиндром. Внутренний каркас крышки состоял из осевой продольной направляющей, идущей под крышкой по всей ее длине от начала и до конца (f), выполняя функцию поддержки крышки и дополнительного контркрепления при продольной стяжке с внешним каркасом – перекрестием для плюмажа, которое крепилось продольной осью поверх крышки точно над внутренним продольным каркасом (рис. 1.-2f, 2А). У бокки более крупного размера крышка была шире, поэтому ее усиливали двумя дополнительными продольными плашками (рис. 1.-3f 1–2, 3а). Аналогично выглядит крепление крышек бокк монголо-тяньшанского типа [Тишкин, Пилипенко, 2016, рис. 1.-12]. Периметр крышки удерживают тонкие прутки, повторяющие форму изделия (рис. 1.-2h), скрепленные поперечными короткими прутками (рис. 1.-2g), усиливающими жесткость конструкции.

При осмотре крышек бокк нами выявлен ранее не известный среди археологического материала и не описанный в научной литературе конструктивный элемент крышки, позволивший уточнить особенности строения пяточной зоны берестяного сапожка. У бокк из могильников Царев (курган №61, погребение 1) и Солодовка-I (курган №8, погребение 2) имеются выступы за границу стыка цилиндра с навершием на 2,5 см. Необходимо отметить, что Е.П. Мыськов [1995, рис. 5], публикуя свою реконструкцию бокки из могильника Царев (курган №61, погребение 1), изобразил ее с выступом (рис. 1.-1в), но никак не прокомментировал эту деталь.

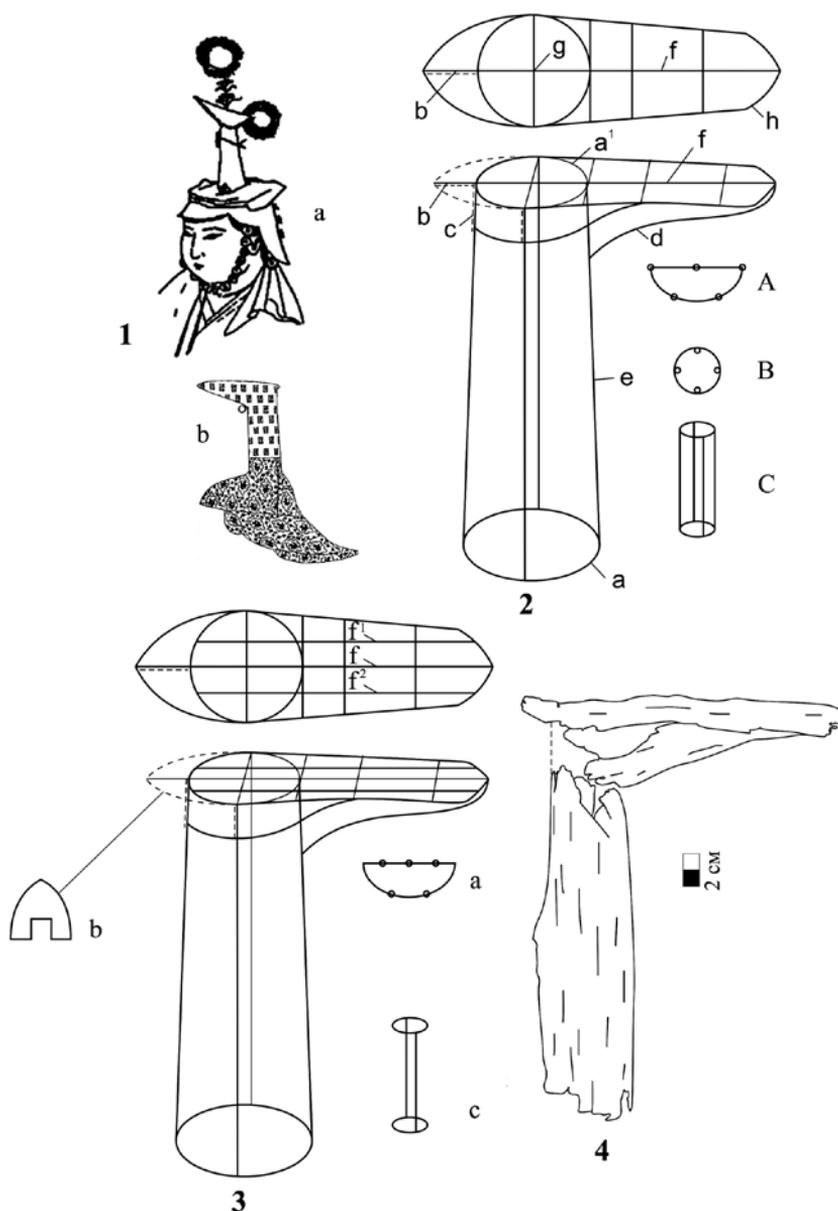

Рис. 1. *1a* – бокка сапожковидного типа с табриских миниатур,
1b – бокка из могильника Царев (курган №61 погребение 1; раскопки Е.П. Мыськова);
 2–3 – конструкция внутреннего каркаса бокк из собрания ВОКМ и ВКМ;
 4 – бокка из могильника Усть-Курдюм (курган №8, погребение 1)

В бокке из Солодовки-1 (курган №8, погребение 2) выступ был закреплен отдельной пластинкой, повторяющей форму задней части крышки (рис. 1.-3*b*) и имеющей вырез для крепления концевой части центральной продольной плашки (рис. 1.-3*f*). При пришивании этой пластинки образовывался кармашек, в котором и фиксировался ко-

нец плашки. Часть центральной продольной плашки выходила за границу соединения с цилиндром и находилась под выступом крышки (рис. 1.-3*b*). Выявленный нами элемент позволил выяснить, что бокка из собрания СОМК из могильника Усть-Курдюм (курган №7, погребение 1, СОМК АО 2575) также имеет выступ в своей конструкции (рис. 1.-4). К сожалению, из-за разрушения задней части крышки мы ничего не можем сказать о задней части бокки из Увека, хотя, если следовать рисунку в одном из личных дел А.А. Кроткова из архива СОМК, эта бокка выступа не имела.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, мы можем констатировать следующее.

1. Бокки сапожкового типа на территории Поволжья имели прочный внутренний каркас из деревянных прутьев, аналогичный боккам с юга Западной Сибири, что свидетельствует об одном источнике происхождения этого типа головных уборов.

2. Был выявлен выступ в 2,5 см, характерный для бокк Волгоградского и Саратовского Поволжья и имеющий аналогии в изобразительных источниках с территории улуса Ильханов.

3. Особенность конструкции выступа позволяет предполагать возможность внешнего дополнительного украшения в задней части бокк, как это изображено на многих табризских миниатюрах (рис. 1.-1*a*).

Кроме того, выявленные нюансы ставят новые вопросы, ответы на которые мы надеемся получить при дальнейших исследованиях.

Библиографический список

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.). Уфа : Гилем, 1998. 336 с.

Доде З.В. К вопросу о богтак // Российская археология. 2008. №4. С. 52–63.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 92 с.

Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск : Евразийский союз ученых, 2012. 200 с.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915. С. 111–133.

Мамонова А.А., Лантратова О.Б., Орфинская О.В. Бокка из захоронения №51 могильника маячный Бугор-II (Астраханская область) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. №1. С. 122–126.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.

Мыськов Е.П. Кочевники Волого-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. Берестяные детали женских головных уборов в курганах монгольского времени памятника Телеутский Взвоз-1 (Верхнее Приобье): восточные и западные аналоги // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия) [Электронный ресурс]. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Тишкин_Пилипенко.pdf.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2016. №5 (43). С. 20–24.

S.A. Pilipenko, A.V. Zhadaeva

**FEATURES OF BOKKAS FROM THE COLLECTIONS
OF MUSEUMS IN VOLGOGRAD AND THE VOLGOGRAD REGION:
RAISING THE PROBLEM (Based on the Tsarev Burial, Solodovka-I-II)**

Years of Bokkas research in the museums of the Volga region make it possible to generalize about the first design features of the Bokk framing system and its interaction with birch bark and tissue parts of caps. Widely known through written and pictorial sources, this female headdress of Mongolian Dominate in the steppes of Eurasia is common in medieval graves of nomads from Mongolia to the Dnieper. However the degree of preservation of the found Bokkas leaves much to be desired. Findings made throughout the years in the Volga region allow better comparing one of the varieties of birch pommel of boot-shaped type based on the materials of museum collections of regional museums in Volgograd, the Volga region, and the museum of local lore of Saratov. The Volga museums are an important link to understanding the processes of distribution and interaction of different types of Bokkas. The lack of clear criteria for comparison of Bokkas leads to confusion when the detached parts of these hats are found and erroneously distinguished into separate types. At the same time some other headdresses are erroneously attributed to Bokkas. This paper is devoted to the peculiarities of the construction of frame systems of the Bokkas found in the Volga region.

Key words: Volga region, south of Western Siberia, medieval nomads, bokka, bogtag.

References

- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F. Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV vv.) [Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th – Early 15th Centuries.). Ufa : Gilem, 1998. 336 p.
- Dode Z.V. K voprosu o bogtak [To the Question of Bogtak]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. 2008. №4. Pp. 52–63.
- Ivanov V.A., Kriger V.A. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) [Mounds of the Kypchak time in the Southern Urals (12th–14th Centuries)]. M. : Nauka, 1988. 92 p.
- Kriger V.A. Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territoriy v srednie veka (X–XIV vv.) [Nomads of Western Kazakhstan and Adjacent Territories in the Middle Ages (10th–14th Centuries)]. Ural'sk : Evraziyskiy soyuz uchenykh, 2012. 200 p.
- Krotkov A.A. Raskopki na Uveke v 1913 godu [Excavations on Uveka in 1913]. Trudy Saratovskoy arkhivnoy komissii. Vyp. 32 [Proceedings of the Saratov Archive Commission. Issue 32]. Saratov, 1915. Pp. 111–133.
- Mamonova A.A., Lantratova O.B., Orfinskaya O.V. Bokka iz zakhroneniya №51 mogil'nika mayachnyy Bugor-II (Astrakhanskaya oblast') [Bokka from Burial No. 51 of the Bugor-II Burial Mound (Astrakhan Region)]. Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii [Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia]. 2012. №1. Pp. 122–126.
- Mys'kov E.P. O nekotorykh tipakh golovnykh uborov naseleniya Zolotoy Ordy [On Some Types of Headdresses of the Population of the Golden Horde]. Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. 1995. №2. Pp. 36–43.
- Mys'kov E.P. Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordy [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Era of the Golden Horde]. Volgograd : Izd-vo Volgograd. filiala FGBOU VO RANKhiGS, 2015. 484 p.
- Tishkin A.A., Pilipenko S.A. Berestyanye detali zhenskikh golovnykh uborov v kurganakh mongol'skogo vremeni pamyatnika Teleutskiy Vzvoz-1 (Verkhnee Priob'e): vostochnye i zapadnye analogi [Birchbark Details of Female Headdresses in the Mounds of Mongolian Time of the Teleutsky Vzvoz-1 Monument (Upper Ob River): Eastern and Western Analogues]. Tezisy XVII Mezhdunarodnoy Zapadnosibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii "Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeystviy", posvyashchennoy 110-letiyu V.N. Chernetsova, 110-letiyu G.F. Debetsa, 115-letiyu A.P. Dul'zona (20–22 aprelya 2016 g., Tomsk, Rossiya) [Elektronnyy resurs]. [Abstracts of the XVII International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference "East and West: Problems of Synchronization of Ethnocultural Interactions" Dedicated to the 110th Anniversary of V.N. Chernetsov, the 110th Anniversary of G.F. Debets, the 115th Anniversary of A.P. Dulzon (April 20–22, 2016, Tomsk, Russia) [Electronic resource]. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Tishkin_Pilipenko.pdf.
- Tishkin A.A., Pilipenko S.A. O vozmozhnosti rekonstruktsii zhenskikh golovnykh uborov mongol'skogo vremeni (po materialam berestyanykh nakhodok na pamyatnike Teleutskiy Vzvoz-1 v Verkhnem Priob'e) [On the Possibility of Reconstruction of Female Headdresses of Mongolian Time (Based on Birch Bark Findings on the Teleut Vzvoz-1 Monument in the Upper Ob River). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University. Series: History]. Seriya: Istoriya. 2016. №5 (43). Pp. 20–24.

ТЮРКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КОНЯМИ В УРОЧИЩЕ БАЙ-БУЛУН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Могильное поле Красная горка, расположенное в Центральной Туве на левом берегу Улуг-Хема (Енисей), в урочище Бай-Булун, изучалось Тувинской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) в 2015 г. В статье представлена полная публикация материалов двух объектов (№3 и 5) памятника Красная горка-19, относящихся к тюркскому времени.

Объект №3 – подкурганное погребение в подбое с двумя сопровождающими конями и установленной в 3 м к востоку – юго-востоку стелой, в качестве которой использован «оленный» камень, вкопанный «вверх ногами». Погребение не ограждено, представлен весь положенный инвентарь. Приведены антропологические и палеозоологические определения, дана краткая интерпретация рассматриваемого комплекса и отмечено его место в кругу синхронных памятников Тувы и Центральной Азии.

Отдельное внимание обращено на вырезанные знаки (возможно, тамги) на центральных роговых накладках на лук. Отмечено отсутствие прямых аналогий этим знакам в орхонском и енисейском алфавитах, а также в корпусе известных тамг и тамгообразных знаков Тувы и сопредельных территорий.

Ключевые слова: Тува, тюрки, курган, захоронение с конем, тамга.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-05

Введение

Курганный могильник Красная Горка-19 расположен к северу от 37-го километра автодороги Кызыл – Ак-Довурак в урочище Бай-Булун (рис. 1). Состоит из шести объектов. Объекты №3 (курган) и №5 («оградка») относятся к тюркской культурной традиции периода раннего средневековья. Таких комплексов в Туве изучено относительно мало. После 1980-х гг. они не исследовались, так что мы решили опубликовать этот материал отдельно и полностью. Остальные объекты указанного памятника относятся к кокельской [Садыков, 2016] и кыргызской археологическим культурам.

«Поминальная оградка» – плоская прямоугольная вымостка размерами 2,6 × 2 м, ограниченная вертикально установленными плитами, ориентированная длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ (рис. 2). В северо – северо-восточной половине обнаружена яма глубиной 0,36 м, по всей видимости, от стоявшей там некогда стелы (или столба).

Оградка №5 расположена в 60 м к югу – юго-западу от кургана №3, и длинной осью она направлена примерно в его же направлении (с отклонением в 10 градусов). Находок в ней нет, и сложно что-то сказать о возможной связи между ними.

Отдельно можно упомянуть, что на том же могильном поле, в 420 м к югу от кургана №3, исследована еще одна оградка [Килуновская и др., 2017], для которой нет «парного» кургана. Она очень необычна, содержит захоронение коня и, возможно, относится к чуть более раннему времени.

Результаты исследований

Курган №3 (рис. 3–9) до раскопок представлял собой плоскую насыпь подовальной формы диаметрами 8,5 × 7,5 м. В 3 м к востоку – юго-востоку установлена стела.

Конструктивная основа данного объекта – кольцо диаметром 5,5 м, сложенное из крупных камней в один слой, ясно различимое уже сразу после раздерновки (рис. 3). Камни внутри кольца лежат относительно беспорядочно.

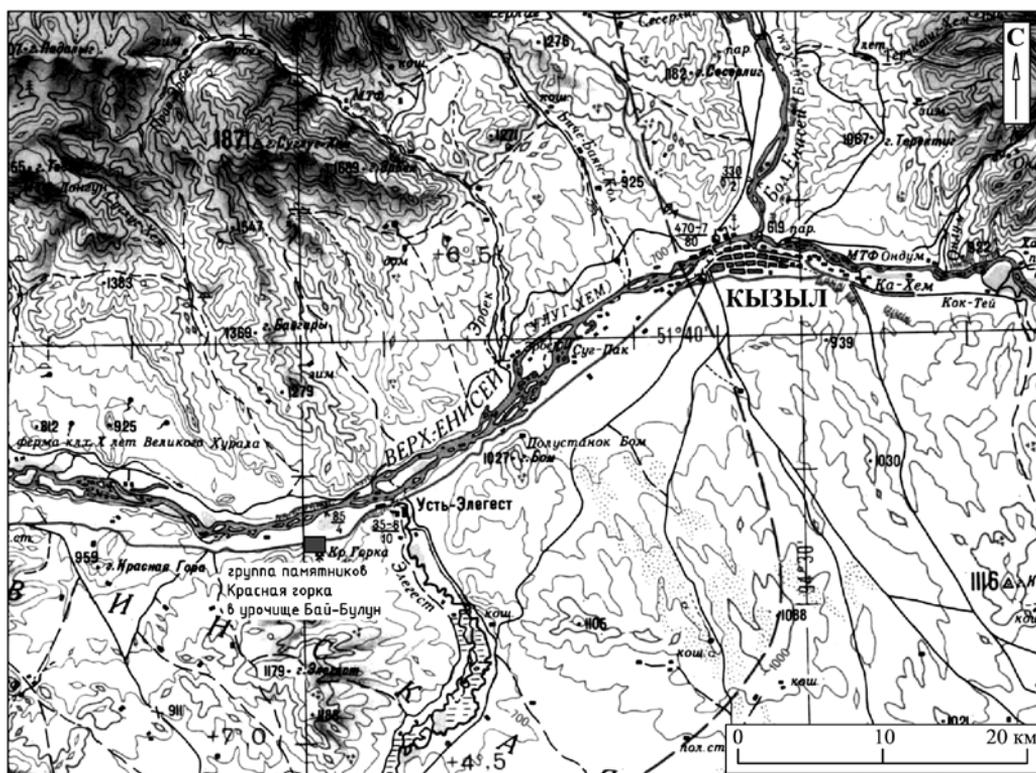

Рис. 1. Расположение группы могильников Красная Горка относительно г. Кызыла

Кроме центральной могильной ямы, при раскопках отмечено несколько объектов. К северу от центра кургана (в пределах кольца) под верхним слоем камней зафиксировано скопление костей барана. Небольшая подквадратная яма (длина – 1 м, глубина – 0,77 м) зафиксирована в 0,3 м к северо-западу от кольца, еще одна, округлая (диаметр – 0,4 м, глубина – 0,2 м), найдена под кольцом в западной его части. Находок в них нет.

Стела, расположенная в 3 м к востоку – юго-востоку от кургана, оказалась «олениным» камнем аржано-майэмирского времени (рис. 5), вкопанным «вверх ногами», «лицом» в сторону от кургана. В заполнении ямы, в которую поставлена стела, встречалась мелкая галька, которая могла появиться там только в результате выброса из ямы центрального погребения (прослойки гальки появляются в материковой супеси довольно глубоко, чуть выше уровня погребения). Таким образом, стела синхронна погребению и установлена, когда центральная яма уже была выкопана и, как нам кажется, еще не засыпана.

Центральная могильная яма имела прямоугольный контур (2 × 1,3 м), длинной осью ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении ямы, на глубине 0,4 м от уровня древней поверхности, у северо-северо-восточного края найден фрагмент железного предмета (рис. 6.-1). Это, возможно, железный колчанный крюк, хотя сам крюк отходит от железной площадки не по прямой оси, как это бывает обычно, а под углом 45°. К тому же предмет сломан, его полная форма непонятна.

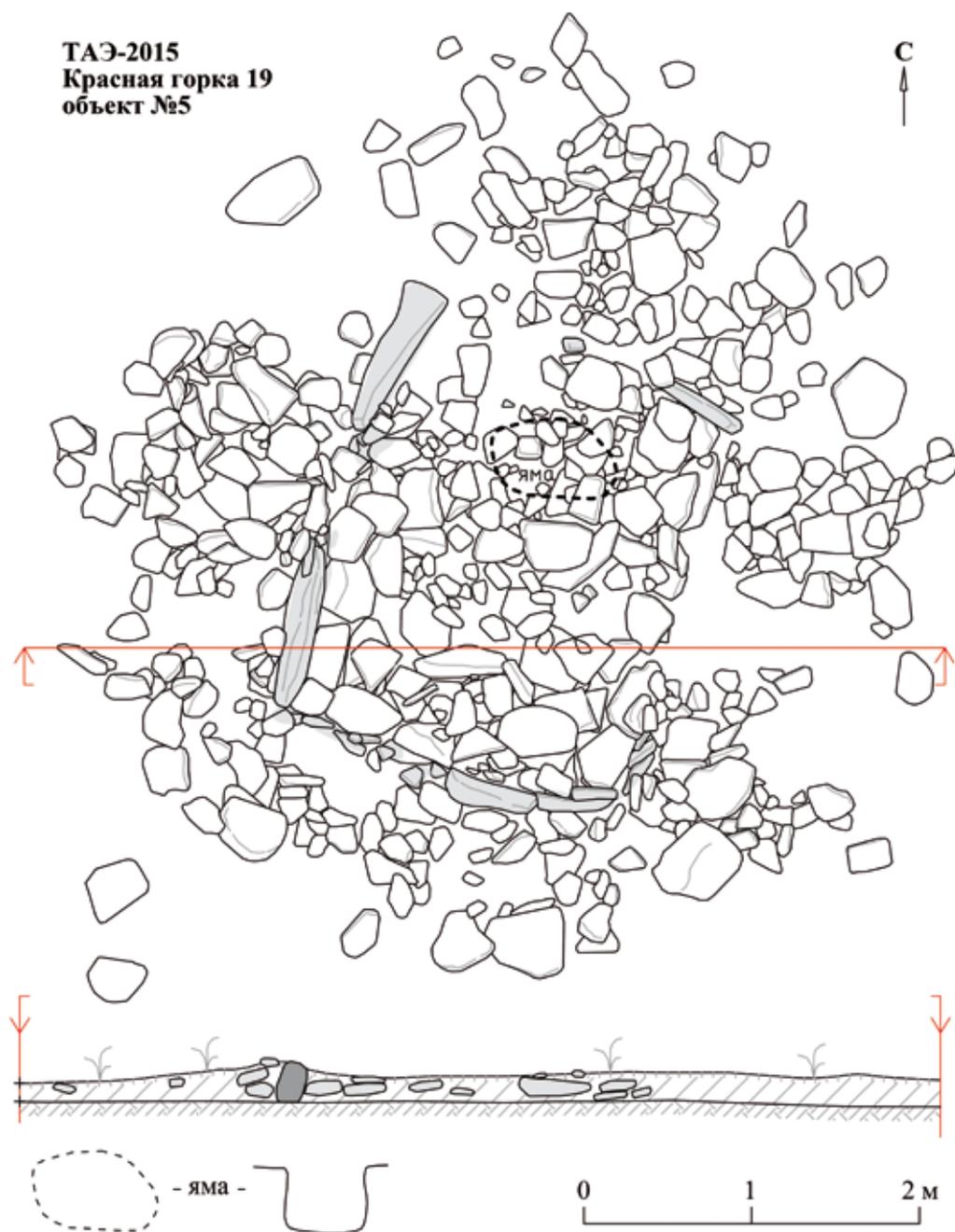

Рис. 2. Красная Горка-19, объект №5. «Поминальная оградка»

С глубины 0,6 м (примерно) от древней поверхности начинается подбой в северо-северо-восточном направлении. На дне ямы по этой линии идет ряд крупных, вертикально установленных камней. Мы не можем однозначно сказать, закрывал ли этот ряд подбой полностью, так как материковая супесь довольно рыхлая.

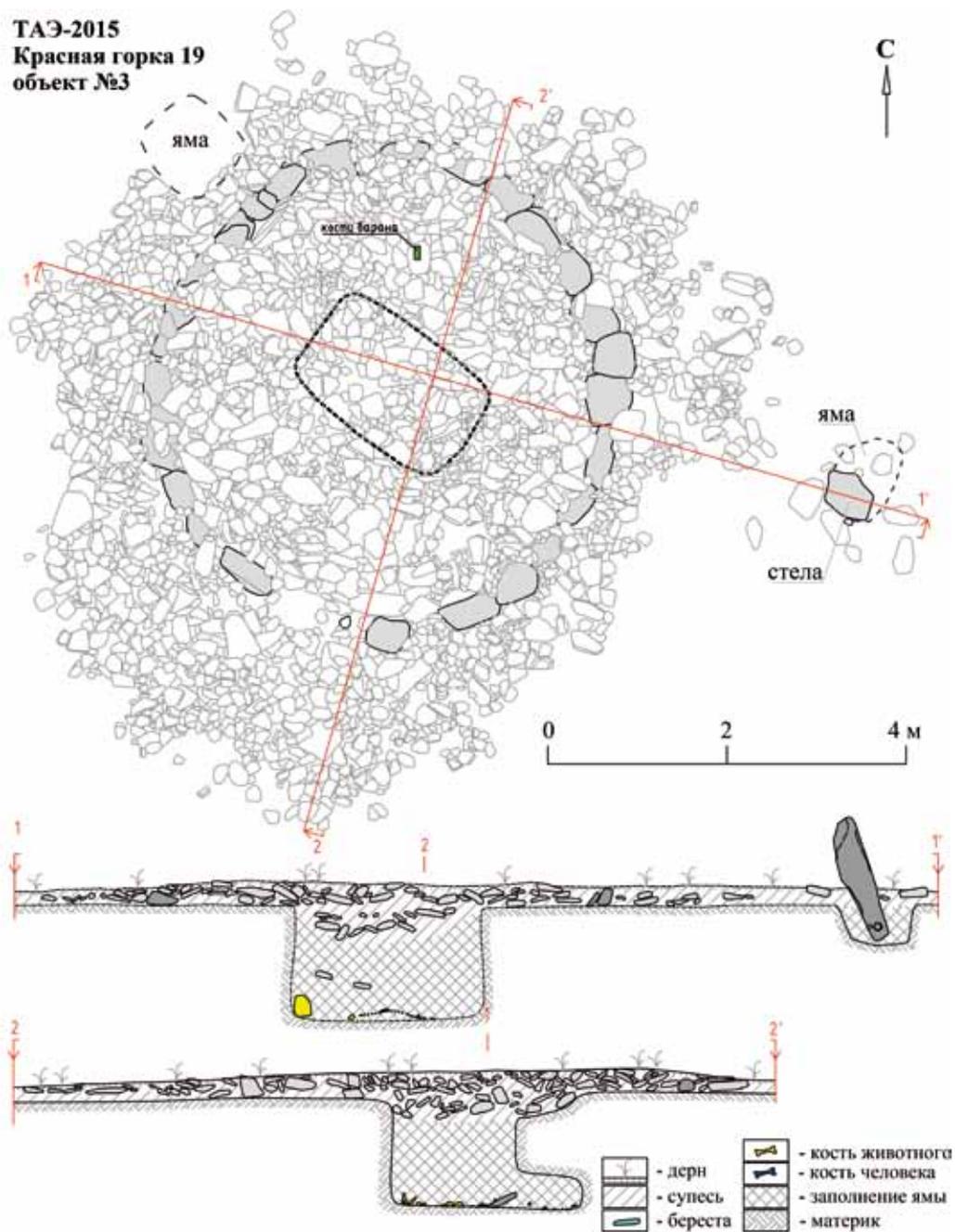

Рис. 3. Красная Горка-19, объект №3. План сооружения и разрезы

Два взнузданных коня лежали в основной яме, головами на запад – северо-запад (рис. 4). А.К. Каспаровым (ИИМК РАН) сделаны следующие определения: «Северный конь – самец, следов забоя нет. Возраст 5–6 лет, высота в холке около 138 см. В течение жизни животное, вероятно, ходило под седлом и взнуздывалось удилами. Лошадь до-

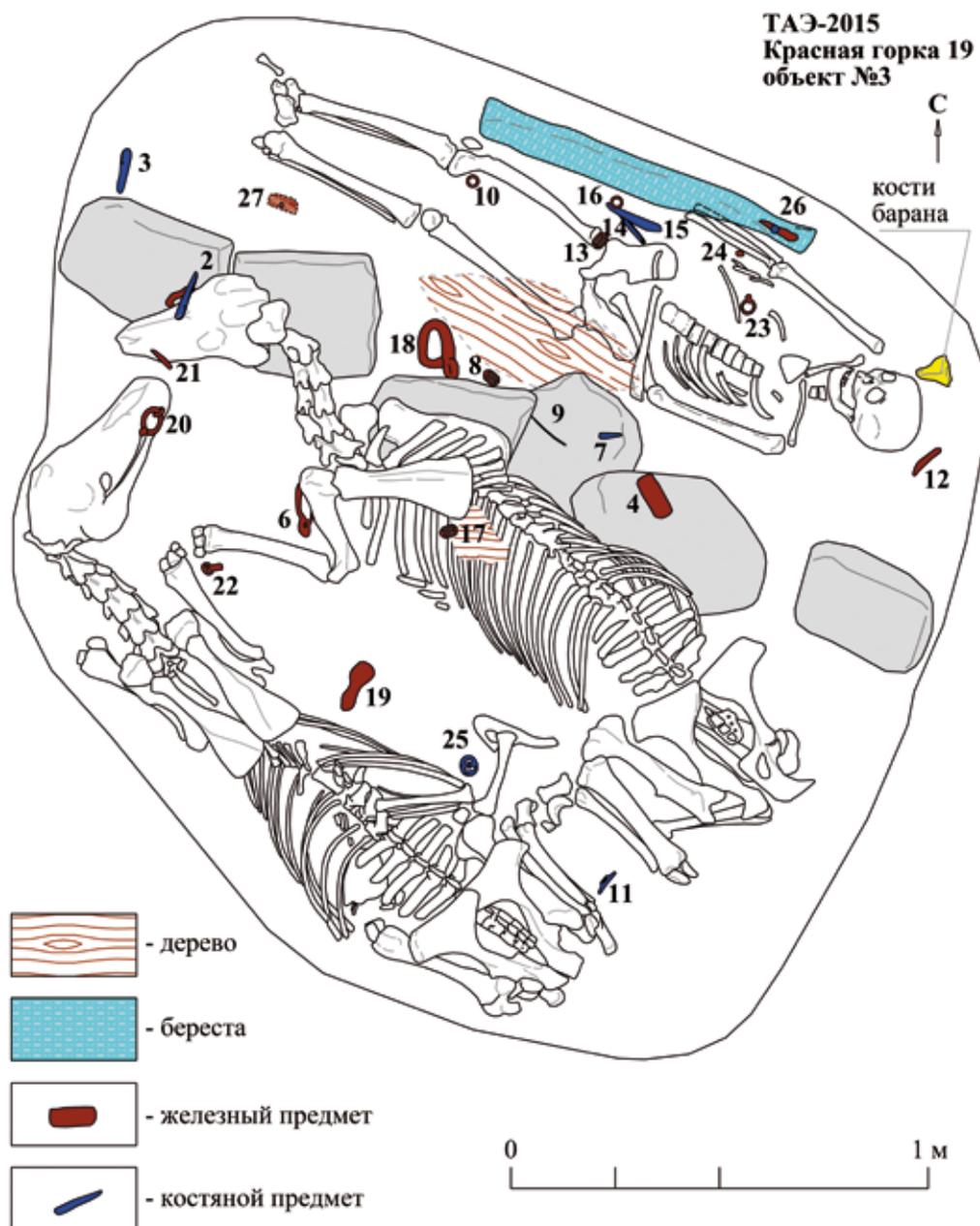

Рис. 4. Красная Горка-19, объект №3. План погребения

вольно грацильная, по меркам того времени – высокая. По классификации Браунера относится к полутонконогим лошадям. При такой высоте в холке и тонконогости ее можно отнести к так называемым захудалым верховым (по меркам раннего средневековья – редкость). Таким образом, в курган был положен не старый верховой конь с высокими для своего времени характеристиками, видимо, дорогой».

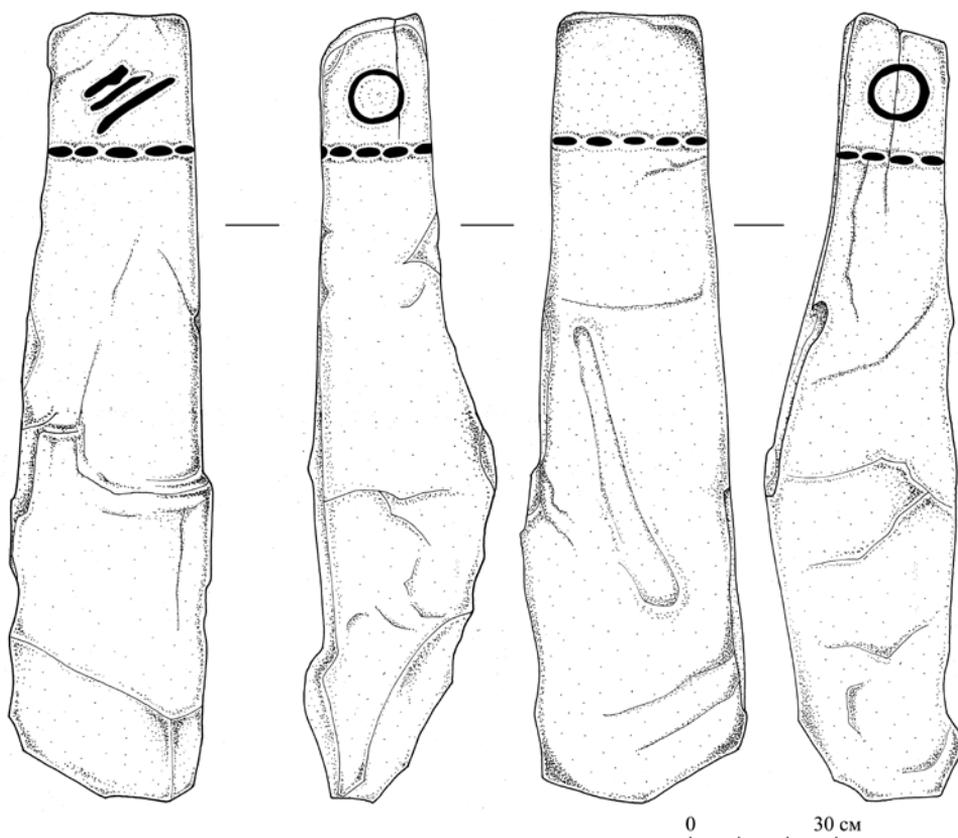

Рис. 5. Красная Горка-19, объект №3. Переиспользованный «оленный» камень

Конь был взнуздан (рис. 6.-21)*, рядом зафиксированы парные стремяна (рис. 6.-6, 18), на спине обнаружены остатки дерева, по всей видимости, от седла. Также обнаружена железная подпружная пряжка (рис. 6.-17). Судя по ее расположению, седлали коня слева, как делают и до сих пор.

По определению археозоолога, «южный конь – самец, следов забоя нет. Весьма молодой – 4 года, высота в холке около 130 см. Лошадь довольно грациальная, ее также можно отнести к полутонконогим лошадям по классификации Браунера и к “захудалым верховым”. Конь, как и предыдущий, для своего времени хороший и, вероятно, дорогой».

Конь был взнуздан (рис. 7.-20), рядом зафиксированы одно стремя (рис. 7.-19), несколько отличающееся от стремян северного коня, и роговая резная подпружная пряжка (рис. 7.-25). Наличие только одного стремяни для тюркских погребений в Туве довольно обычно [Трифонов, 2013, с. 57].

Между конями, у задних ног, обнаружена «цурка», «костяная застежка для пут» (рис. 7.-11), а у передних ног найдена железная пряжка (рис. 7.-22). Возможно, это пряжка от ремня, которым кони были стреножены, но она может быть в общем-то и уздечной пряжкой.

* Данная нумерация найденных предметов на рис. 6–9 соответствует обозначениям, сделанным на плане погребения (рис. 5).

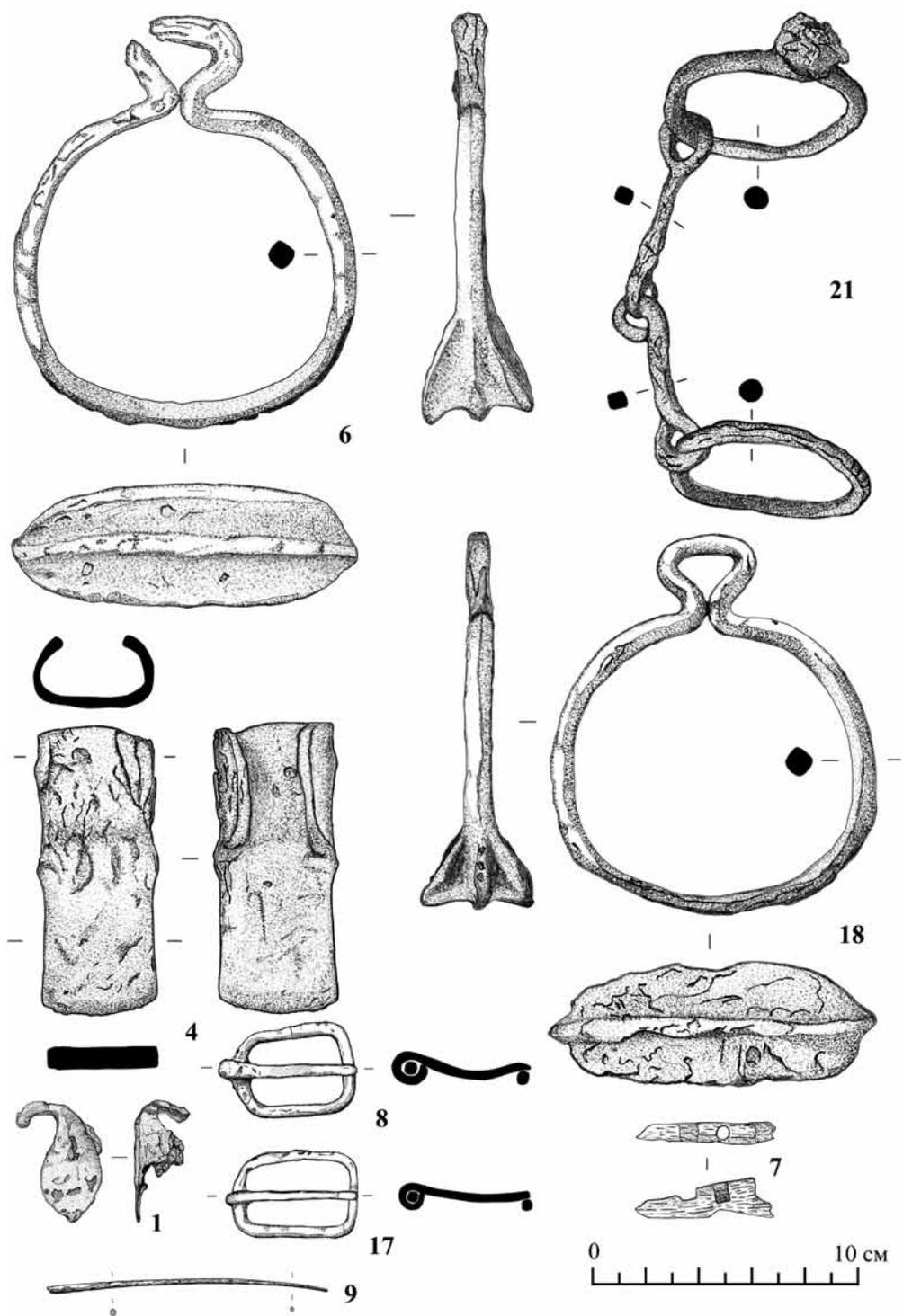

Рис. 6. Красная Горка-19, объект №3. Находки: 7, 9 – кость (рог), остальное – железо

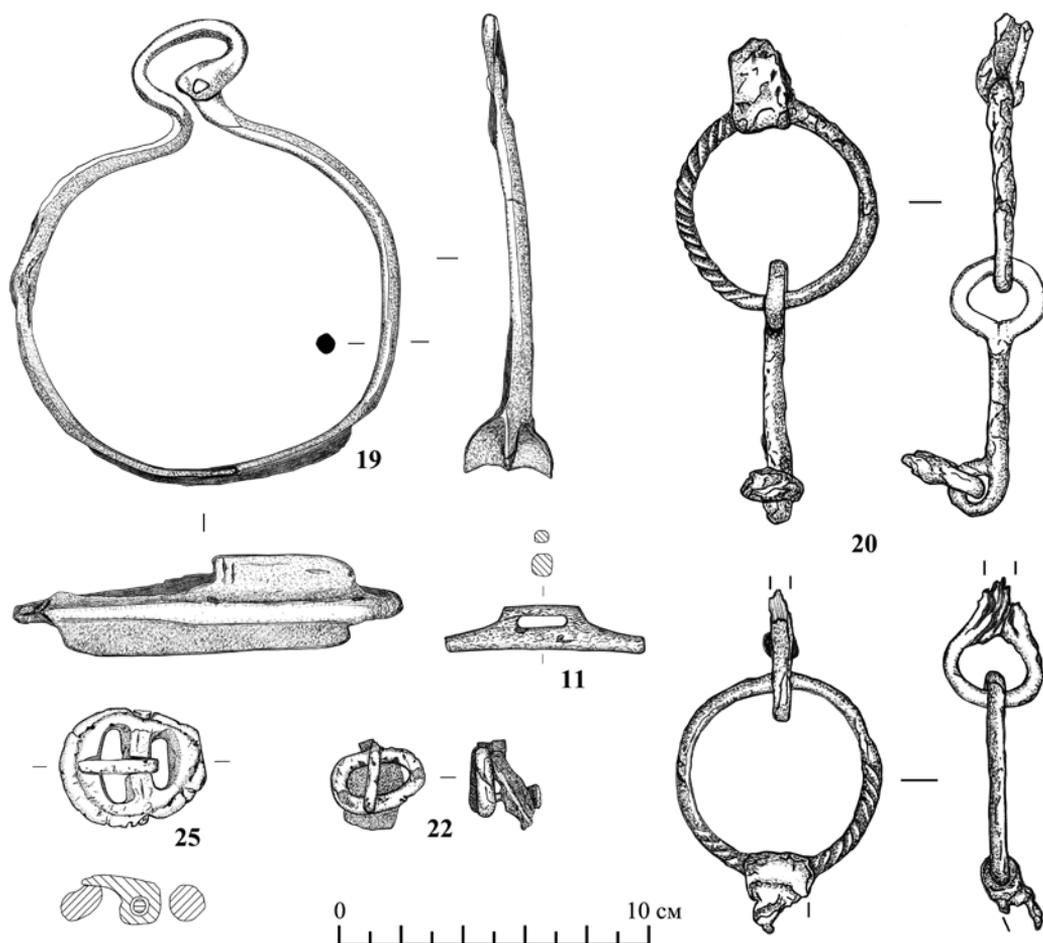

Рис. 7. Красная Горка-19, объект №3.
Находки: 11, 25 – кость (рог), остальное – железо

На верхнем уровне ряда вертикально поставленных камней, отделявших подбой от основной ямы, зафиксировано несколько предметов: железные топор-тесло и пряжка (рис. 6.-4, 8), костяная «игла» и плохо сохранившийся костяной предмет, возможно, фрагмент псаля (рис. 6.-9, 7), которые попали в яму, наиболее вероятно, уже после закрытия подбоя. Возможно, они были приторочены к седлу северного коня, такое уже отмечалось [Кубарев, 2005, с. 74].

Железный топор-тесло – очень характерная находка для памятников рассматриваемого времени. Обычно его включают непосредственно в состав погребального инвентаря. Его расположение вне подбоя позволяет предположить, что он, возможно, использовался в процессе погребения и оставался после этого в яме. Такое же расположение топора-тесла отмечено в памятниках Кара-Тал-1-3 [Трифонов, 2013, с. 35], Аймырлыг-V-3, Аймырлыг-VIII-52 [Овчинникова, 2013а, с. 118, 119], да и в целом в большинстве тюркских захоронений [Серёгин, 2014, с. 183], но в некоторых случаях оно все же находится внутри подбоя.

На том же уровне (на 0,2–0,3 м выше уровня погребения) в северо-западной части ямы найдены концевые накладки на лук (рис. 8.-2, 3). Деревянных частей лука не сохранилось совсем. Лук, скорее всего, до погребения был сломан (или же в погребение были положены только костяные накладки, что менее вероятно).

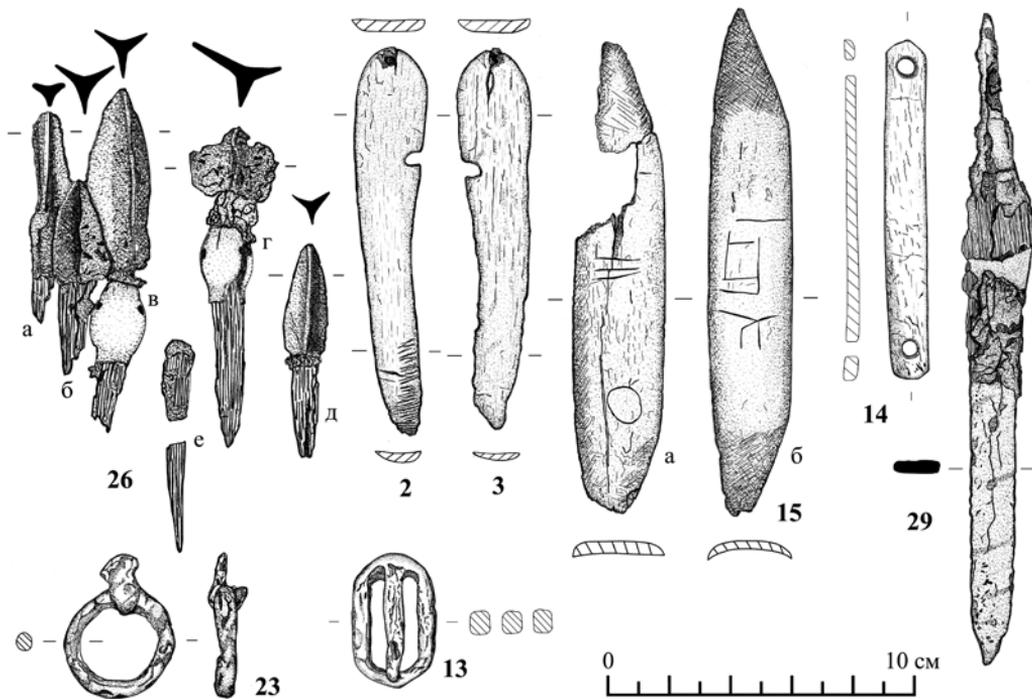

Рис. 8. Красная Горка-19, объект №3. Находки; 2, 3, 14, 15 – кость (рог), 26 – дерево, кость и железо, 29 – дерево и железо, остальное – железо

Погребение совершено в подбое, вытянуто на спине, левая рука чуть согнута и лежала на животе, головой умерший был ориентирован на восток – юго-восток, в противоположную сторону относительно коней. По определению Е.Н. Учаневой (Кунсткамера), останки принадлежат мужчине в возрасте 45–55 лет с прижизненной утратой большинства зубов верхней и нижней челюстей, прижизненными трещинами на ребрах с левой стороны сзади со следами заживления. Также у погребенного срослись три позвонка поясничного отдела, что, наверняка, выражалось в ограничении подвижности.

Очень плохо сохранившиеся остатки дерева зафиксированы как над, так и под погребенным. Возможно, он был погребен в конструкции из тонких досок, от которой практически ничего не осталось. Это иногда прослеживается на синхронных памятниках [Трифонов, 2013, с. 19, Овчинникова, 2013а, с. 121].

Над головой погребенного мужчины зафиксированы остатки мясной пищи и железный нож. Над правой рукой лежал берестяной колчан. Он того же типа (расширяющийся книзу, «с открытым «карманом»»), что и на синхронных памятниках. Длина – 74 см (основная часть) и 20 см (открытая).

В верхней, открытой части колчана зафиксированы пять железных наконечников стрел, в том числе с костяными свистящими насадками (рис. 8.-26). Стрелы были

уложены в колчане наконечниками вверх, древки стрел практически не сохранились. Внутри колчана находился железный нож с остатками деревянных ножен (рис. 8.-27). Он виден на снимке в рентгеновских лучах, сделанном до реставрации (рис. 9)*.

Возле левой ноги обнаружены остатки небольшого деревянного изделия с круглыми отверстиями. Видимо, это приспособление для разжигания огня, известное в синхронных памятниках Тувы, например, на могильном поле Аргалыкты [Трифонов, 2013, с. 88, 102] или на Кокэльском могильнике [Вайнштейн, 1966, с. 341], не говоря уже о более широких и дальних аналогиях.

Рис. 9. Красная Горка-19, объект №3. Берестяной колчан в рентгеновских лучах и некоторые изделия из кости

Возле правого колена, чуть справа от пояса и на груди зафиксированы остатки железных колец очень плохой сохранности. В одном случае (рис. 8.-23) выявлена железная основа, все остальное заместилось окислами. Это, наиболее вероятно, остатки широко распространенного в то время тройника-распределителя ремней, который использовался для крепления колчана.

Чуть справа от пояса найдены также железная пряжка (рис. 8.-13), две боковые центральные накладки на лук (рис. 8.-15) и, возможно, центральная фронтальная (рис. 8.-14). По расположению костяная накладка (рис. 8.-14) кажется однозначно относящейся к луку. Смущает только отсутствие расширений к концам, обычно характерное для этой категории, и наличие отверстий, никак пока не объяснимое функционально. Лук, как мы уже отмечали, был положен в погребение в сломанном виде.

* Автор выражает благодарность Н.С. Курганову и К.В. Горлову (ИИМК РАН) за прекрасно отреставрированные находки.

Менее вероятно (но все же возможно), что эта костяная накладка относится все-таки к поясу или к колчану, тем более что костяные накладки с отверстиями на колчан достаточно широко распространены, но обычно, конечно, орнаментированные.

Боковые центральные накладки – самые важные, пожалуй, находки. На каждой изображено по три знака (один утрачен). Надписи на костяных накладках довольно редки, но встречаются. Из близких памятников это Аймырлыг-VIII-52 [Овчинникова, 2013а, с. 133], Хулхийн ам-14 в Монголии [Очир и др., 2015, с. 96]. Бывают и просто рисунки, как, например, на Даг-Аразы-V-1 [Овчинникова, 2013б, с. 167].

В нашем случае это, наверное, все-таки не текст, таких букв нет ни в орхонских, ни в енисейских, ни в каких-то других территориально близких алфавитах. Можно пока считать эти знаки тамгами, хотя и не совсем понятно, зачем одному человеку на одном предмете их нужно целых шесть.

Отдельно можно отметить, что два наиболее выразительных знака («птичья лапка» со сломанным налево центральным пальцем и знак в виде цифры «9», исполненный в виде фигуры с только прямыми углами) не имеют прямых аналогий в зафиксированных тамгах или тамгообразных знаках Тувы (мы не знаем соответствий и в сопредельных регионах). Формальное сходство со «следом птичьей лапы» памятника Уюк-Аржан [Кызласов, 1960, с. 100], на наш взгляд, случайное. Пропорции там совершенно иные, других вариантов усложнения этого знака неизвестно.

Заключение

Тюркские погребения с конем в Туве, исходя из общеисторических представлений, могли бы датироваться 2-й половиной VI – 1-й половиной VIII в., т.е. эпохой существования каганатов. В то же время традиция погребения с конем в Туве продолжалась и в «уйгурское» время, и, видимо, позже [Трифонов, 2013, с. 68]. Одной из причин отнесения подбойных захоронений в Туве ко времени не ранее VIII в. служило как раз предполагаемое уйгурское влияние на конструкцию могильной ямы [Овчинникова, 2013б, с. 151]. Не вдаваясь в историографию этого представления [Серёгин, 2012], отметим, что отличия в инвентаре подбойных захоронений от бесподбойных в Туве в целом не выявлены.

Все вышеуказанное позволяет предположить только традиционно широкую дату для публикуемого комплекса – VII–VIII вв. Представленные железные и костяные предметы могли использоваться в то время. Более надежным хронологическим индикатором обычно являются детали наборного пояса, да и в целом изделия из бронзы, которые, не являясь сугубо функциональными, в большей степени подвержены моде. Но в публикуемом комплексе бронзовых предметов нет вовсе, и это, возможно, свидетельствует скорее о времени до VIII в., когда в относительно богатом захоронении (с двумя хорошими конями) были бы и бронзовые накладки на пояс, да и S-видные псалии. К архаичным признакам можно отнести и единственное стремя и его несомкнутость у южного коня.

В отличие от предшествующих и последующих периодов, в тюркское (в узком смысле этого слова) время археологические памятники Тувы практически лишены какой-то собственной локальности. Синхронные материалы Монголии и Алтая чрезвычайно близки и могут рассматриваться как единая археологическая культура. В то же время территория Тувы изучена очень неравномерно, основная масса тюркских погребений раскопана на 100–150 км западнее, хотя и на том же (левом) берегу Улуг-Хема. Этой публикацией мы надеемся заполнить некоторый территориальный пробел.

Библиографический список

- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. Т. II. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 292–347.
- Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Вып. 6. СПб. : ООО «Периферия», 2017 (в печати).
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. №3. С. 93–120.
- Овчинникова Б.Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013а. С. 115–138.
- Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013б. С. 139–172.
- Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б., Та Ла, Чен Ен Жи, Сун Гуо Дун, Юй Гоу Мин. Хулхийн амны-Г дорволжингийн малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2015. 260 с. (на монг. яз.).
- Садыков Т.Р. О так называемых «поминальниках» кокзельской культуры Тувы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 269–276.
- Серёгин Н.Н. Могилы с подбоем в обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 134–142.
- Серёгин Н.Н. Особенности расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Древности Сибири и Центральной Азии. №19. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. С. 181–193.
- Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 13–114.

T.R. Sadykov

TURKIC BURIAL GROUND IN THE BAY-BULUN AREA IN CENTRAL TUVA

The Krasnaya Gorka grave field located in Central Tuva on the left bank of the Ulug-Khem (Yenisei) in the Bai-Bulun area was studied by the Tuva archaeological expedition of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) in 2015. The article presents a full publication of the materials of two Objects (Nos. 3 and 5) of the Krasnaya Gorka-19 monument, which belongs to the Turkic period.

Object number 3 – underground burial in the grave with two accompanying horses and the stele installed in 3 m to the east – south-east made of a “deer” stone, dug upside down. The burial is not robbed, all the equipment is presented. Anthropological and paleozoological determinations are given, a brief interpretation of the complex is given and its place is noted in the circle of synchronous monuments of Tuva and Central Asia.

Special attention is given to the carved signs (possibly tamgas) on the central horn overlays on the bow. There is a lack of direct analogies to these signs in the Orkhon and Yenisei alphabets, as well as in the body of well-known tamgas and tamga-like signs of Tuva and adjacent territories.

Key words: Tuva, Turks, mound, burial with horse, tamga.

References

- Vaynshteyn S.I. Pamyatniki vtoroy poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoy Tuve [Monuments of the Second Half of the First Millennium in Western Tuva]. Trudy TKAEE. T. II [Proceedings of the TKAEE. Vol. II]. М. ; Л. : Nauka, 1966. Pp. 292–347.
- Kilunovskaya M.E., Bokovenko N.A., Lazarevskaya N.A., Sadykov T.R., Semenov V.I.A., Smirnov N.Yu. Issledovaniya arkhеologicheskikh pamyatnikov v urochishche Bay-Bulun v 2015 g. (Tuvinskaya arkhео-

logicheskaya ekspeditsiya IIMK RAN) [Studies of Archaeological Sites in the Bai-Bulun Tract in 2015 (Tuva Archaeological Expedition IHMC RAS)]. Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. Vyp. 6 [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Issue 6]. SPb. : OOO "Periferiya", 2017 (in print).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov [Culture of the Ancient Turks of Altai. Based on Materials of Funerary Monuments. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kyzlasov L.R. Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New Dating of Monuments of the Yenisei Writing]. Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]. 1960. №3. Pp. 93–120.

Ovchinnikova B.B. Pamyatniki drevnetyurkskoy epokhi mogil'nika Aymyrylg [Monuments of the Ancient Türkic Era of the Aymyrlig Burial Ground]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013a. Pp. 115–138.

Ovchinnikova B.B. Pogrebal'no-pominal'nyy kompleks drevnikh tyurok na mogil'nike Dag-Arazy [Funeral and Memorial Complex of Ancient Turks on the Dag-Araz Grave]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013b. Pp. 139–172.

Ochir A., Odbaatar Ts., Erdenebold L., Ankhbayar B., Ta La, Chen En Zhi, Sun Guo Dun, Yuy Gou Min. Khulkhiiyn amny-I dorvolzhingiyn maltlaga sudalгаа. Ulanbaatar, 2015. 260 p. (in Mongolian).

Sadykov T.R. O tak nazyvaemykh "pominal'nikakh" kokel'skoy kul'tury Tuvy [On the So-Called "Commemoratives" of Cockelian Culture of Tuva]. Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya. T. 1 [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 1]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 269–276.

Seregin N.N. Mogily s podboem v obryade rannesrednevekovykh kochevnikov Sayano-Altaya [Graves with a Cave in the Rite of Early Medieval Nomads of Sayano-Altai]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, Issue 7th]. Pp. 134–142.

Seregin N.N. Osobennosti raspolozheniya inventarya v pogrebeniyakh rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona [Features of the Location of Inventory in the Burials of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region]. Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii. №19 [Antiquities of Siberia and Central Asia. №19]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2014. Pp. 181–193.

Trifonov Yu.I. Pamyatniki drevnetyurkskogo vremeni v Tsentral'noy Tuve [Monuments of Ancient Türkic Time in Central Tuva]. Drevnie tyurki v Tsentral'noy Tuve [Ancient Turks in Central Tuva]. SPb. : ElekSis, 2013. Pp. 13–114.

«ЭЛИТНЫЕ» ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В МОНГОЛИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В статье представлены итоги исследования «элитных» погребальных комплексов тюркского времени, раскопанных на территории Монголии, – памятников Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул). Нет сомнений, что анализ материалов из этих объектов, не имеющих аналогий в археологии раннесредневековых номадов, только начинается, а интерпретация полученных данных является предметом отдельной работы. Вместе с тем некоторые аспекты исследования обозначенных комплексов уже представлены в научной литературе. Первый из рассматриваемых памятников – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) – раскопан российско-монгольской экспедицией в 2009 г. В обобщающей монографии и в серии статей российских и монгольских археологов, а также специалистов из дальнего зарубежья продемонстрированы итоги анализа конструктивных особенностей «элитного» объекта, опыт изучения антропоморфных микроскульптур, результаты интерпретации эпитафии, выполненной китайскими иероглифами, а также возможности определения исторического контекста сооружения кургана. Эти сведения были учтены в 2011 г. в ходе раскопок второго «элитного» комплекса, получившего обозначение Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул). За прошедшие годы проведена значительная работа по изучению материалов данного памятника, результаты которой также введены в научный оборот. Большинство исследователей рассматриваемые объекты отнесены ко 2-й половине VII в. н.э. и связаны с периодом зависимости кочевников от Танского Китая. Дальнейшие экспедиционные работы, а также детальный анализ уже полученных материалов позволят существенно расширить имеющиеся представления об особенностях традиций высших слоев общества номадов тюркского времени.

Ключевые слова: «элитные» погребальные комплексы, Монголия, тюркское время, история исследований, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(17).-06

На протяжении длительного времени основным источником, характеризующим элитную субкультуру тюрков на территории Монголии, являлись мемориальные комплексы знати. Несмотря на то, что исследования, проведенные на таких памятниках, за редким исключением, фрагментарны и исчерпываются анализом внешних характеристик сооружений, эти объекты наиболее ярко демонстрируют монументальность традиций знати номадов в центре кочевых империй. Археологические работы, проведенные на мемориалах тюркской элиты в XXI в., показывают перспективность их дальнейших исследований [Баяр и др., 2003; Баяр, 2004, с. 73–84; Самашев и др., 2016].

Одним из факторов, ограничивающих возможности исследования истории высших слоев общества тюрков, до недавнего времени являлось полное отсутствие «элитных» погребальных комплексов. Были известны лишь отдельные захоронения знати регионального уровня, раскопанные в Алтае-Саянском регионе и демонстрирующие социальную историю номадов на периферии каганатов [Тетерин, 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003; Серёгин, 2015, с. 133–140; и др.]. В связи с этим особого внимания требуют «элитные» погребальные комплексы тюркского времени, раскопанные на территории Монголии. Эти объекты пока весьма немногочисленны, однако несколько лет назад специалисты не могли даже надеяться на получение столь информативных ма-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Элита древних тюрков Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№16-31-01029a2).

териалов, разнопланово демонстрирующих элитную субкультуру кочевников раннего средневековья. Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг., – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) и Шороон Бумбагар-II (Майхануул)*. Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в археологии раннесредневековых номадов, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем некоторые аспекты исследования данных объектов уже представлены в научной литературе. В настоящей статье рассмотрен имеющийся опыт изучения «элитных» комплексов тюркского времени, обобщение которого позволит определить перспективы дальнейших работ в этом направлении.

Результаты раскопок комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) (рис. 1–2), осуществленных российско-монгольской экспедицией в 2009 г., впервые были представлены в небольших тезисах доклада [Данилов и др., 2010]. Авторы публикации отметили, что данный объект был открыт еще в 2002 г. монгольскими археологами во время разведочных работ в долине р. Тола и предварительно отнесен к захоронениям киданьской элиты. В статье представлена общая характеристика выявленных конструктивных характеристик ограбленного памятника, а также отмечено отсутствие останков человека, что позволило исследователям обозначить раскопанный комплекс как кенотаф [Данилов и др., 2010, с. 255]. Согласно представленному описанию в погребальную камеру, сооруженную под довольно крупной земляной насыпью, вел длинный дромос с арочными перегородками. В западной части камеры находились остатки двойного деревянного гроба, покрытого лаком. Наиболее важными находками, позволившими археологам рассматривать датировку и исторический контекст «элитного» объекта, стали две плиты с эпитафией, написанной китайскими иероглифами. На основании анализа текста комплекс был отнесен к периоду зависимости кочевников от империи Тан (630–679 гг.) и интерпретирован как захоронение представителя тюркского общества на службе Поднебесной империи [Данилов и др., 2010, с. 256]. Дополнительные сведения о конструктивных особенностях памятника представлены С.В. Даниловым [2010] в научно-популярной статье.

В последующие годы российскими и монгольскими археологами была подготовлена серия работ, в которых не только осуществлена полная публикация результатов раскопок памятника Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) [Очир и др., 2013а], но также представлены отдельные аспекты анализа обнаруженных предметов.

Комплексному изучению антропоморфных микроскульптур, обнаруженных в нишах дромоса, а также в погребальной камере, посвящен ряд статей А.И. Бураева [2011а,б; 2012а,б; 2013; 2015]. В ходе работы установлены портретный характер фигур, а также гетерогенность этнического состава предполагаемых прототипов статуэток. Весьма интересными являются наблюдения А.И. Бураева об особенностях расположения разных типов «кукол» в составе комплекса. Выявлено, что все глиняные антропоморфные статуэтки обнаружены в нишах дромоса, а деревянные экземпляры находились в погребальной камере. На основе анализа антропологических характери-

* В отечественных, монгольских и англоязычных публикациях, в том числе подготовленных авторами раскопок, наблюдается разноречивость в обозначении рассматриваемых «элитных» комплексов тюркского времени. Во избежание путаницы в настоящей статье используются развернутые наименования объектов.

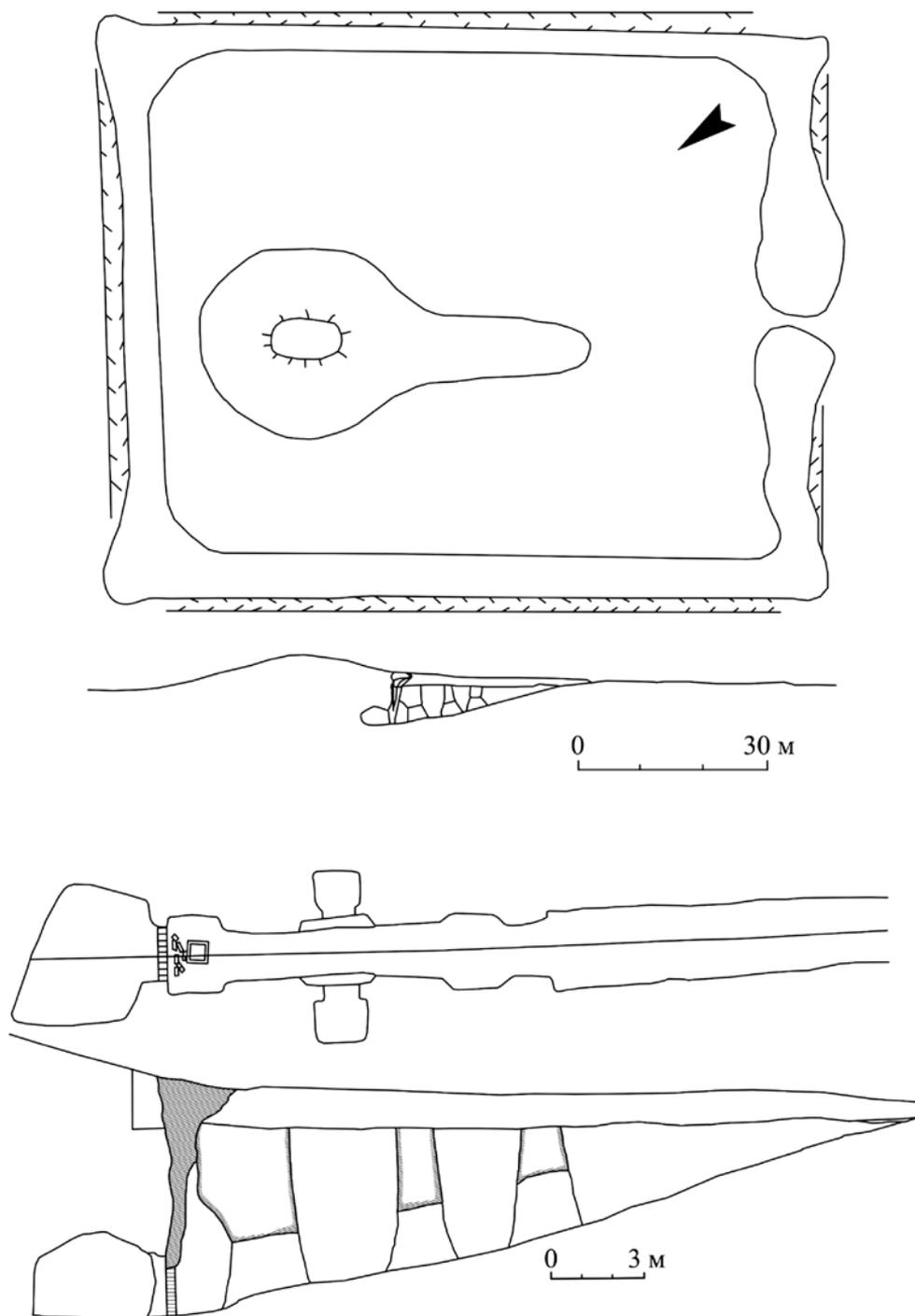

Рис. 1. Элементы конструкций комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I)
(по: [Очир и др., 2013а, з. 3–4])

Рис. 2. Некоторые находки из комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I)
(по: [Очир и др., 2013а, з. 32, 38, 87])

стик фигур, а также изображенной на них одежды сделан вывод о том, что керамические скульптуры, все без исключения изображавшие мужчин (всадников или в полный рост), демонстрировали представителей племени пугу, сопровождавших в последний путь своего вождя, в честь которого был сооружен кенотаф. При этом деревянные скульптуры могли частично принадлежать представителям танской администрации.

Одной из находок, которая могла быть частью сопроводительного инвентаря ограбленного «элитного» погребения комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I), является серебряный сосуд. Судя по имеющейся информации, данное изделие обнаружено местным жителем в непосредственной близости от памятника. Руническая надпись, выгравированная на дне сосуда, была прочитана известным тюркологом Т. Осавой и опубликована в специальной статье [Осава, Сузуки, Лхүндэв, 2011]. Согласно предложенному чтению короткий текст представляет собой своего рода молитвенное обращение к предку. Описание данной находки включено в сводку раннесредневековых металлических сосудов, обнаруженных на территории Монголии [Munkhtulga, 2013, p. 27, fig. 7–9]. Там же приведен круг аналогий рассматриваемому предмету из археологических памятников тюрок Алтае-Саянского региона, а также отмечено распространение изображений подобных сосудов на каменных изваяниях 2-й половины I тыс. н.э. Munkhtulga, 2013, p. 27].

Значительный интерес представляют результаты изучения эпитафии, выполненной китайскими иероглифами и обнаруженной на двух плитах перед входом в погребальную камеру комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I). Перевод надписи и некоторые аспекты интерпретации представленных в ней сведений опубликованы в монографии [Очир и др., 2013а, с. 97–126], а также в специальной статье [Эрдэнэболд, Цэрэндорж, 2015, с. 457–462]. Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для главы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус.

Сильная ограбленность комплекса Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) ограничивает возможности изучения этого яркого памятника. В частности, неясными остаются детали погребальной обрядности, а также состав сопроводительного инвентаря, который, очевидно, изначально включал многочисленные предметы. В этом плане более информативным является другой «элитный» курган, расположенный в этой же части страны.

Памятник Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (рис. 3–5) раскопан в 2011 г. совместной экспедицией монгольских и казахстанских археологов. Важно отметить, что в ходе этих работ был учтен опыт предшествующих исследований, что способствовало эффективной организации процесса раскопок, а также реализации комплекса мер по консервации и реставрации объекта. Первые результаты исследований были представлены в небольших публикациях, подготовленных казахстанскими участниками экспедиции [Алтынбеков, 2011; Сарткожаулы, 2011]. В свою очередь монгольские археологи подготовили каталог выставки с фотоиллюстрациями процесса работ, зафиксированных конструкций и обнаруженных находок, а также кратким описанием результатов исследований [Очир, Эрдэнэболд, 2012]. Предварительные наблюдения представлены также в совместной статье [Сарткожаулы и др., 2012]. Полная публикация материалов раскопок комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) осуществлена в обобщающей монографии [Очир и др., 2013б].

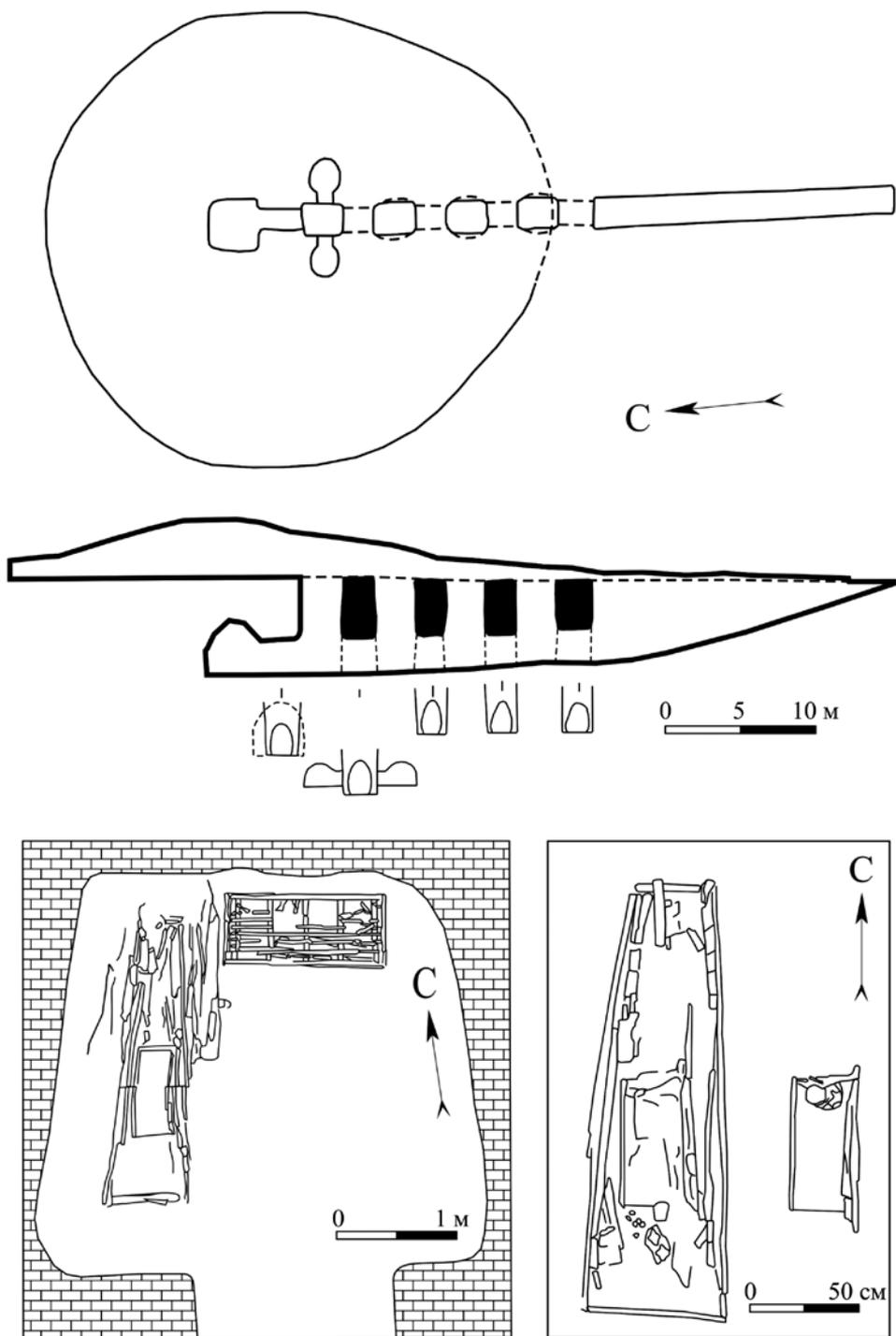

Рис. 3. Элементы конструкций комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул)
(по: [Очир и др., 2013б, з. 5, 13])

Рис. 4. Фрески из комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул)
(по: [Очир и др., 2013б, з. 14, 23])

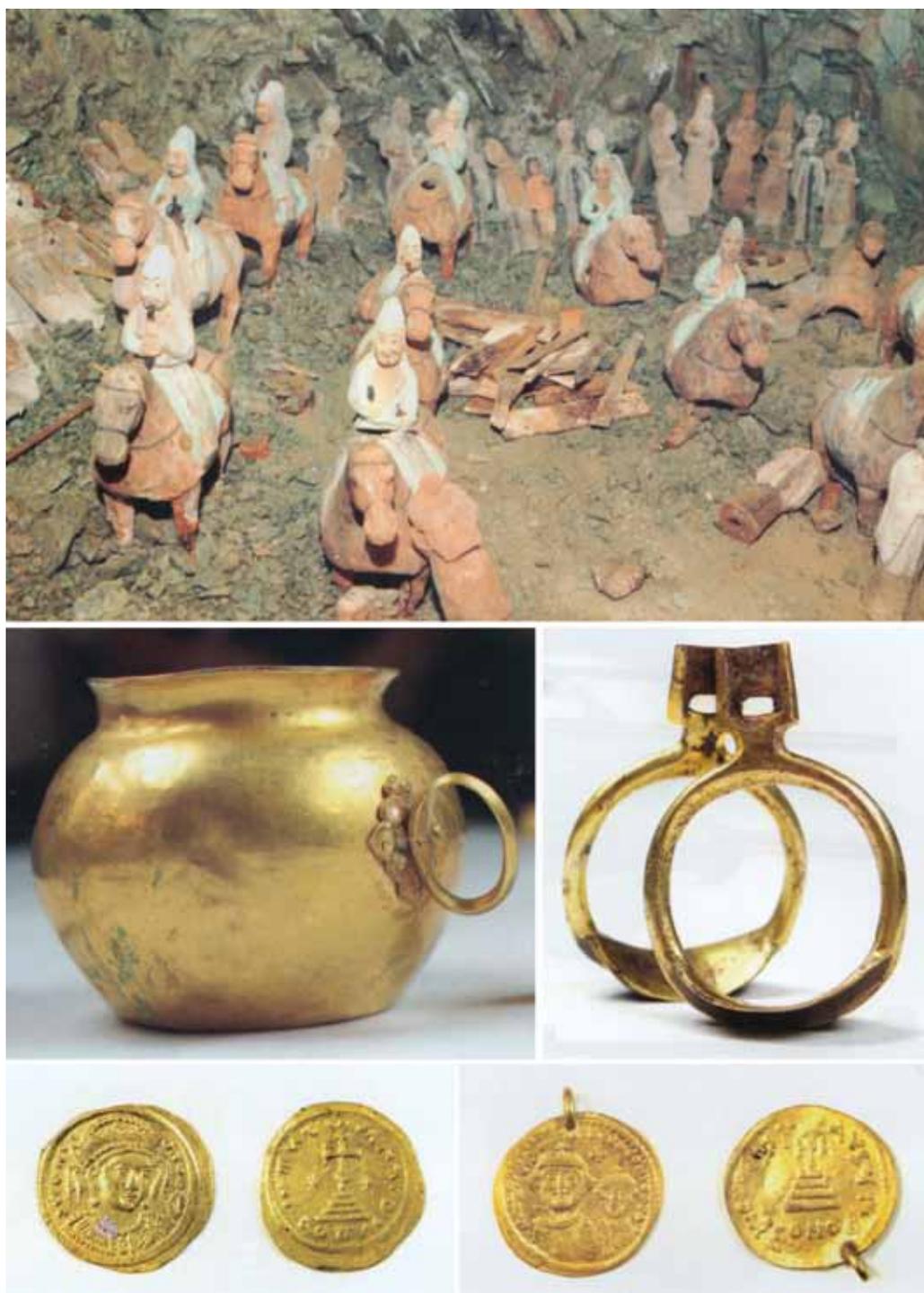

Рис. 5. Миниатюрные скульптуры и некоторые элементы предметного комплекса из памятника Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (по: [Очир и др., 2013б, з. 36, 51, 55, 58])

Судя по зафиксированным характеристикам, комплекс Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) по конструкции и реализованному обряду захоронения весьма схож с «элитным» курганом, раскопанным ранее российско-монгольской экспедицией. Основным отличием являлось само наличие кремированных останков погребенного, уложенных в деревянном гробу, а также многочисленного сопроводительного инвентаря (украшения, золотой сосуд, конское снаряжение, шелковые изделия, детали пояса, фигурки людей и животных, имитации монет и др.). Кроме того, в ходе раскопок памятника Шороон Бумбагар-II на стенах дромоса и арок выявлены разноцветные фрески с изображениями людей и животных. При этом отсутствовала каменная плита с эпитафией, давшая столь значительный объем сведений. По мнению авторов раскопок, комплекс Шороон Бумбагар-II по ряду показателей имеет аналогии с мавзолеями Восточного Туркестана [Сарткожаулы и др., 2012, с. 83–84]. Общая датировка памятника определяется исследователями в рамках 2-й половины VII в. [Очир и др., 2013б, с. 227].

Материалы раскопок комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) вполне ожидаемо привлекли внимание специалистов. После публикации результатов исследований различные аспекты интерпретации данного памятника были представлены в целом ряде статей. Кроме того, дополнительные наблюдения предлагались и авторами работ, продолжающими анализ уникальных материалов.

Развернутая характеристика изображений людей, представленных на фресках дромоса памятника Шороон Бумбагар-II, а также антропоморфных фигурок приведена в статье С.А. Яценко [Yatsenko, 2014]. По заключению исследователя, в материалах «элитного» кургана фиксируются черты костюмного комплекса кочевников, появившиеся в VII в. после крушения каганата [Yatsenko, 2014, р. 18]. Общая датировка памятника определена специалистом в рамках 650–682 гг. Предложенная хронология косвенно подтверждается приведенным в статье С.А. Яценко [Yatsenko, 2014, р. 24] определением трех индикаций византийских монет, отнесенных Ю.Е. Гончаровым к концу VI в. и 1-й четверти VII в.

Более подробный анализ нумизматического комплекса, обнаруженного в ходе раскопок памятника Шороон Бумбагар-II, представлен в статье В.В. Горбунова и В.В. Серова [2015]. В составе монетных индикаций, насчитывающих более 40 экземпляров, выделены три группы: «византийская», «сасанидская» и «согдийская». По заключению авторов статьи, нижняя граница нумизматических находок определяется византийским солидом типа 613 г., а основная масса подражаний сделана не ранее 30–40-х гг. VII в., а скорее всего, во 2-й половине этого столетия [Горбунов, Серов, 2015, с. 77]. Весьма интересным представляется тезис о том, что большая часть монетных индикаций изготовлена в городах-государствах Восточного Согда. В.В. Горбуновым и В.В. Серовым [2015, с. 78] озвучена особая позиция по поводу датировки памятника Шороон Бумбагар-II, не только основанная на изучении нумизматического комплекса, но также учитывающая облик предметов сопроводительного инвентаря. По мнению исследователей, «элитный» курган сооружен во время существования Второго Восточно-Тюркского каганата и связан с периодом успешной внешней политики тюрков 1-й трети VIII в.

Некоторые возможности анализа глиняных скульптур из комплекса Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) продемонстрированы в статье Ч. Отгонбаяра [Otgonbayar, 2016]. Исследователь сконцентрировал внимание на изучении фигур конных всадни-

ков, большая часть из которых, согласно его наблюдениям, изображена с музыкальными инструментами. К сожалению, именно эта группа статуэток пострадала более всего при обрушении части свода объекта. Тем не менее анализ сохранившихся материалов, а также сопоставление полученных данных с источниками по истории развития музыкального искусства в период существования династии Тан позволили прийти к ряду интересных выводов. По мнению Ч. Отгонбаяра [Отгонбаяр, 2016, р. 232–237], обнаруженные в ходе раскопок скульптуры всадников на лошадях представляли собой ансамбль из 18 музыкантов. Визуально определяемые предметы представлены различными видами духовых инструментов. Способ производства фигур, а также фиксируемые детали одежды статуэток вполне характерны для традиций династии Тан, но при этом каждая скульптура представляется индивидуальной.

Целый ряд вопросов изучения «элитных» курганов раннего средневековья, раскопанных на территории Монголии, представлен в статье И.Л. Кызласова [2012]. Исследователь обозначил широкий круг памятников, аналогичных по конструктивным характеристикам комплексам Шороон Бумбагар-I и Шороон Бумбагар-II. Ближайшими из них, по наблюдениям исследователя, являются мавзолеи танских аристократов, подземные купольные гробницы династии Ляо, а также объекты, известные на территории Восточного Туркестана [Кызласов, 2012, с. 97–99]. И.Л. Кызласов [2012, с. 103–104] совершенно справедливо подчеркнул высокую степень влияния традиций погребальной обрядности Китая на похоронную практику элиты кочевников. Отметим, что в публикациях, подготовленных казахстанскими исследователями, это воздействие несколько преуменьшается. Напротив, заметно стремление выделить черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников [Сарткожаулы, 2011, с. 285–287; Сарткожаулы и др., 2012, с. 84–85].

Материалы раскопок «элитных» комплексов Шороон Бумбагар-I и II были использованы разными исследователями при характеристике истории раннесредневековых кочевников Монголии в период с 630 по 679 г., а также для иллюстрации особенностей трансформации архитектурных традиций кочевников под влиянием южного соседа [Ганиев, 2011; Серёгин, 2013, с. 137–140; 2014; Arden-Wong, 2014; и др.]. Важным представляется замечание о том, что зафиксированные показатели памятников показывают стремление вождей племен – правителей округов использовать традиции погребальной обрядности Китая, тем самым демонстрируя свой высокий статус и общенность к культуре Поднебесной империи [Arden-Wong, 2014, р. 14]. Некоторые дополнительные наблюдения о значении рассматриваемых объектов для реконструкции истории элиты раннесредневековых кочевников представлены в ряде публикаций [Васютин, 2015, с. 1022–1023; Серёгин, 2015, с. 140–143; и др.].

Несомненные перспективы связаны с дальнейшим комплексным изучением полученных результатов раскопок «элитных» курганов раннего средневековья. Некоторые возможности исследований в этом направлении продемонстрированы в публикациях, посвященных люминисцентному датированию глиняных статуэток и строительного раствора из памятника Шороон Бумбагар-II [Solongo et al., 2014; 2016]. Полученные хронологические позиции в рамках VII–VIII вв. в целом соответствуют результатам анализа археологических материалов, хоть и не позволяют уточнить время сооружения объекта. Реализация комплексного подхода необходима также при планировании дальнейших консервационных и реставрационных работ на памятнике [Алтынбеков, 2015].

Судя по информации, приведенной авторами раскопок памятника Шороон Бумбагар-II [Сарткожаулы и др., 2012, с. 80], подобные объекты не являются единичными. Имеются отрывочные сведения об исследовании в 2010 г. еще одного «элитного» кургана в Центральной Монголии – комплекса Туулын Шороон Дов, находящегося в сравнительной близости от изученных ранее объектов [Ташак, 2012, с. 229]. Кроме того, в последние годы опубликована серия статей о результатах раскопок в той же части страны памятников знати другого типа, предварительно связываемых с культурой уйгуров [Очир и др., 2008; Ochir et al., 2010; Эрдэнэбат и др., 2011; Эрдэнэболд, 2011; Эрдэнэбат, Батсайхан, Дашдорж, 2012; и др.]. Таким образом, очевидно, что продолжение исследований «элитных» погребальных комплексов на территории Монголии имеет значительные перспективы. Дальнейшие экспедиционные работы, а также детальный анализ уже полученных материалов позволят существенно расширить имеющиеся представления об особенностях традиций высших слоев общества раннесредневековых номадов.

Библиографический список

Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. С. 288–294.

Алтынбеков К. Проблемы консервации подземного мавзолея Майхан-уул в Центральной Монголии // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 3. Хух-Хото : Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 1225–1233.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Билгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.

Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ ханы тахилын онгоны судалгаа // Археологийн судлал. 2003. Т. XXI. Т. 75–83.

Бураев А.И. Антропологическое изучение скульптурных изображений из кургана Шороон Дов // Культурологические исследования в Сибири. 2011а. №4 (35). С. 68–70.

Бураев А.И. Новые данные о средневековых кочевниках Центральной Азии (по материалам монгольских экспедиций) // Кочевые цивилизации и страны Дальнего Востока: диалог культур. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011б. С. 57–62.

Бураев А.И. Вероятные этнические прототипы скульптурных изображений из кургана Шороон Дов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Улан-Батор : Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012а. С. 337–342.

Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ ; Иркутск : Оттиск, 2012б. С. 296–303.

Бураев А.И. Курган Шороон Дов. Скульптурные изображения из дерева // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №8. С. 67–74.

Бураев А.И. Скульптуры танского времени из кургана Шороон Дов в Центральной Монголии // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Хух-Хото : Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 600–606.

Васютин С.А. «Народ токуз-огузов был мой собственный народ» (этнополитическое конструирование в тюркских и уйгурских текстах) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 3. Хух-Хото : Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 1017–1025.

Ганиев Р.Т. Восточные тюрки и Китай в 630–679 гг. в Центральной Азии // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2011. №4 (38). С. 93–108.

Горбунов В.В., Серов В.В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2015. №4/1 (88). С. 72–78.

Данилов С.В. Шороон Дов – «земляной бугор» // Наука из первых рук. 2010. №6. С. 88–99.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шоороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кызласов И.Л. Начало обсуждения материалов гробницы Майхан-Ул // Вопросы тюркологии. 2012. №2. С. 95–110.

Осава Т., Сузуки К., Лхүндэв Г. Заамарын Шороон Довоос олдсон мөнгөн сав дээрх руни бичээс // Археологийн суудлал. 2011. Т. XXX. Т. 139–145.

Очир А., Эрдэнэболд Л. Нуудэлчдийн урлагийн галерей. Улаанбаатар : Бэмби-сан, 2012. 108 т.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Уйгурын язгууртны бунханта булш // Археологийн суудлал. 2008. Т. XXVI. Т. 328–368.

Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунханта булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар : [Б. и.], 2013а. 165 т.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунханта булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар : [Б. и.], 2013б. 290 т.

Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев Ч. Древнетюркский культово-поминальный комплекс Шивээт улаан. Астана : Филиал Ин-та археологии им. А.Ф. Маргулана в г. Астана, 2016. 272 с.

Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. С. 283–287.

Сарткожаулы К., Очир А., Эрдэнэболд Р., Каржаубайулы Ж. Древнетюркский мавзолей раннего средневековья (предварительный обзор) // Вопросы тюркологии. 2012. №2. С. 80–94.

Серёгин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серёгин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Центральной Азии / Васютин С.А., Дашковский П.К., Крадин Н.Н. и др. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 131–143.

Ташак В.И. Отдел истории и культуры Центральной Азии в 2007–2012 гг. // Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 90-летию Института). Иркутск : Оттиск, 2012. С. 205–236.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 113–128.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн суудлал. 2011. Т. XXX. Т. 147–190.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон довд 2011 онд явуулсан археологийн судалгаа // Археологийн суудлал. 2012. Т. XXXII. Т. 229–258.

Эрдэнэболд Л. Исследование саркофагов уйгурских аристократов на территории Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск : ИрГТУ, 2011. С. 500–510.

Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Путу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 455–462.

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. VI, №2. P. 9–20.

Munkhtulga R. Silver Vessels from Ancient Turkic Period Found in Mongolia // ACCU Nara International Correspondent. 2013. Vol. 12. P. 27–32.

Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 16–26.

Otgonbayar Ch. Rare Archaeological Musical Artefacts from Ancient Tombs in Mongolia // Studia instrumentorum musicae popularis. 2016. Vol. IV. P. 225–250.

Solongo S., Ochir A., Tengis S., Fitzsimmons K. Geochronology of the Royal Tomb at Ulaankhermiin Shoroon Bumbagar, Mongolia // 40th International Symposium on Archaeometry. Los Angeles, 2014. P. 153.

Solongo S., Ochir A., Tengis S., Fitzsimmons K., Hublin J.-J. Luminescence dating of mortar and terracotta from a Royal Tomb at Ulaankhermiin Shoroon Bumbagar, Mongolia // Science and Technology of Archaeological Research. 2016. Vol. 2. №2. P. 235–242.

Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tomb in Mongolia // The Silk Road. 2014. Vol. 12. P. 13–24.

N.N. Seregin

“ELITE” BURIAL COMPLEXES OF THE TURKIC TIME IN MONGOLIA: RESULTS AND PROSPECTS OF RESEARCH

The article considers the results of the study of «elite» burial complexes of the Turkic time excavated on the territory of Mongolia – Shoroon Dov (Shoroon Bumbagar-I) and Shoroon Bumbagar-II (Mayhan-uul) the sites. There is no doubt that the analysis of materials from the objects that do not have analogies in the archaeology of early medieval nomads is only beginning, and the interpretation of the data obtained is the subject of a separate work. At the same time, some aspects of the study of the complexes are already presented in the scientific literature. The first of the considered sites, Shoroon Dov (Shoroon Bumbagar-I), was excavated by the Russian-Mongolian expedition in 2009. A summary monograph and a series of articles by Russian and Mongolian archaeologists and specialists from the far abroad show the results of the analysis of the funeral constructions, the research of anthropomorphic microsculptures, the interpretation of the epitaph performed by Chinese characters, as well as possible determining of historical context of the mound. This information was used in 2011 during the excavations of the second “elite” complex – Shoroon Bumbagar-II (Mayhan-uul). Over the years, considerable work has been done to study the materials of this site and some results have also been published. Most of the researchers dated these objects as the second half of the 7th century AD and associated them with periods of nomadic dependence on Tang China. Further expedition work as well as a detailed analysis of the already received materials will significantly expand the understanding the history of nomads’ nobles in the Turkic period.

Key words: “elite” burial complexes, Mongolia, Turkic time, history of research, interpretation.

References

Altynbekov K. Problemy konservatsii drevnetyurksskogo mavzoleya Maykhan uul na territorii Mongolii [Problems of Conservation of the Ancient Türkic Mausoleum of Mayhan Uul in the Territory of Mongolia]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. T. II* [Archeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Perspectives. Vol. II]. Almaty : Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana KN MON RK, 2011. Pp. 288–294.

Altynbekov K. Problemy konservatsii podzemnogo mavzoleya Maykhan-uul v Tsentral’noy Mongolii [Problems of Conservation of the Underground Mausoleum of Mayhan-Uul in Central Mongolia]. *Drevnie kul’tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal’skoy Sibiri. T. 3. Khukh-Khoto : Muzei Vnutrenney Mongolii, 2015* [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 3. Hohhot: Museum of Inner Mongolia, 2015]. Pp. 1225–1233.

Bayar D. Novye arkheologicheskie raskopki na pamyatnike Bil’ge kagana [New Archaeological Excavations on the Bilge Kagan Monument]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2004. №4 (20). Pp. 73–84.

Bayar D., Amartuvshin Ch., Enkhtor A., Gerelbadrakh Zh. Bilge khany takhilyn ongony sudal-gaa // *Arkheologiyin sudlal. 2003. T. XXI. Pp. 75–83* (in Mongolian).

Buraev A.I. Antropologicheskoe izuchenie skul’pturnykh izobrazheniy iz kurgana Shoroon Dov [Anthropological Study of Sculptural Images from the Shoroon Dov Mound]. *Kul’turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia]. 2011a. №4 (35). Pp. 68–70.

Buraev A.I. Novye dannye o srednevekovykh kochevnikakh Tsentral’noy Azii (po materialam mongol’skikh ekspeditsiy) [New Data on Medieval Nomads of Central Asia (Based on Mongolian Expeditions)]. *Kochevye tsivilizatsii i strany Dal’nego Vostoka: dialog kul’tur* [Nomadic Civilizations and Countries of the Far East: Dialogue of Cultures]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2011b. Pp. 57–62.

Buraev A.I. Veroyatnye etnicheskie prototipy skul'pturnykh izobrazheniy iz kurgana Shoroon Dov [Probable Ethnic Prototypes of Sculptural Images from the Shoron Dov Burial Mound]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri*. T. 2 [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 2]. Ulan-Bator : Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012a. Pp. 337–342.

Buraev A.I. Skul'pturnye izobrazheniya vsadnikov iz kurgana Shoroon Dov [Sculptural Images of Horsemen from the Shoron Dov Mound]. *Mir Tsentral'noy Azii-3* [World of Central Asia-3]. Ulan-Ude ; Irkutsk : Ottisk, 2012b. Pp. 296–303.

Buraev A.I. Kurgan Shoroon Dov. Skul'pturnye izobrazheniya iz dereva [Sculptural Images of Wood]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2013. №8. Pp. 67–74.

Buraev A.I. Skul'ptury tanskogo vremeni iz kurgana Shoroon Dov v Tsentral'noy Mongolii [Sculptures of Tang Time from the Shoron Dov Mound in Central Mongolia]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri*. T. 2. *Khukh-Khoto : Muzey Vnutrenney Mongolii*, 2015 [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 2. Hohhot: Museum of Inner Mongolia, 2015]. Pp. 600–606.

Vasyutin S.A. “Narod tokuz-oguzov byl moy sobstvennyy narod” (etnopoliticheskoe konstruirovaniye v tyurkskikh i uygurskikh tekstakh) [“The people of Tokuz-Oguzes was my own people” (Ethnopolitical Construction in Turkic and Uighur Texts)]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri*. T. 3. *Khukh-Khoto: Muzey Vnutrenney Mongolii*, 2015 [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 3. Hohhot: Museum of Inner Mongolia, 2015]. Pp. 1017–1025.

Ganiev R.T. Vostochnye tyurki i Kitay v 630–679 gg. v Tsentral'noy Azii [Eastern Turks and China in 630–679 in Central Asia]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 2011. №4 (38) [Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The Science. Society. Human. 2011. №4 (38)]. Pp. 93–108.

Gorbunov V.V., Serov V.V. Numizmaticheskiy kompleks iz tyurkskogo kurgana Shoron Bumbagar [Numismatic Complex from Turkic Mound of Barrow Shoron Bumbagar]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya*. 2015. №4/1 (88) [News of Altai State University. Series: History, Political Science. 2015. №4/1 (88)]. Pp. 72–78.

Danilov S.V. Shoroon Dov – “zemlyanoy bugor” [Shoron Dov – “Earthen Hillock”]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First-Hand]. 2010. №6. Pp. 88–99.

Danilov S.V., Ochir A., Erdenebold L., Buraev A.I., Saganov B.V., Batbold Kh. Kurgan Shoroon Dov i ego mesto v obshchey sisteme arkheologicheskikh pamyatnikov tyurkskoy epokhi Tsentral'noy Azii [Shoron Dov Mound and its Place in the General System of Archaeological Monuments of the Turkic Era of Central Asia]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. Pp. 254–257.

Kubarev G.V., Kubarev V.D. Pogrebenie znatnogo tyurka iz Balyk-Sooka (Tsentral'nyy Altay) [Burial of the Noble Turk from Balyk-Sook (Central Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2003. №4. Pp. 64–82.

Kyzlasov I.L. Nachalo obsuzhdeniya materialov grobnitsy Maykhan-Ul [Beginning of the Discussion of the Materials of the Mayhan-Ul Tomb]. *Voprosy tyurkologii*. 2012. №2 [Questions of Turkology]. Pp. 95–110.

Osava T., Suzuki K., Lkhyndev G. Zaamaryn Shoroon Dovoos oldson mengon sav deerkh runi bi-chees // *Arkheologiyin suudlal*. 2011. T. XXX. Pp. 139–145 (in Mongolian).

Ochir A., Erdenebold L. Nuudelchdiyn urlagiyn galerey. Ulaanbaatar : Bembi-san, 2012. 108 p. (in Mongolian).

Ochir A., Erdenebold L., Odbaatar Ts., Ankhbayar B. Uyguryyn yazguurtny bunkhant bulsh // *Arkheologiyin suudlal*. 2008. T. XXVI. Pp. 328–368 (in Mongolian).

Ochir A., Danilov S.V., Erdenebold L., Tserendorzh Ts. Ertniy nyudelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalгаа. Tөv aymgiyn Zaamar sumyn Shoroon bumbagar dursgalyn maltlaga sudalгаа. Ulaanbaatar : [B. i.], 2013a. 165 p. (in Mongolian).

Ochir A., Erdenebold L., Kharzhaubay S., Zhantegin Kh. Ertniy nuudelchdiyn bunkhant bulshny maltlaga sudalгаа. Ulaanbaatar : [B. i.], 2013b. 290 p. (in Mongolian).

Samashev Z., Tseveendorzh D., Ongaruly A., Chotbaev Ch. Drevnetyurkskiy kul'tovo-pominal'nyy kompleks Shiveet ulaan [Ancient Turkic Cult-Memorial Complex Shivet Ulaan]. *Astana : Filial In-ta arkheologii im. A.F. Margulana v g. Astana*, 2016. 272 p.

Sartkozhauly K. Drevnetyurkskiy podzemnyy mavzoley (provizornoe kratkoe opisaniye) [Ancient Turkic Underground Mausoleum (Provisional Brief Description)] *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. T. II* [Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Perspectives. Vol. II]. Almaty : Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana KN MON RK, 2011. Pp. 283–287.

Sartkozhauly K., Ochir A., Erdenbold R., Karzhaubayuly Zh. Drevnetyurkskiy mavzoley rannego srednevekov'ya (predvaritel'nyy obzor) [Ancient Turkic Mausoleum of the Early Middle Ages (Preliminary Review)]. *Voprosy tyurkologii. 2012. №2* [Questions of Turkology. 2012. №2]. Pp. 80–94.

Seregin N.N. Sotsial'naya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Social Organization of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region and Central Asia (Based on the Materials of Funerary Complexes)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 206 p.

Seregin N.N. "Elitnye" pogrebal'nye komplekсы rannesrednevekovykh tyurokov Tsentral'noy Azii ["Elite" Funerary Complexes of the Early Medieval Turks of Central Asia]. Vasyutin S.A., Dashkovskiy P.K., Kradin N.N. *Elita v istorii drevnykh i srednevekovykh narodov Evrazii : kollektivnaya monografiya* [Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia: a Collective Monograph]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 131–143.

Tashak V.I. Otdel istorii i kul'tury Tsentral'noy Azii v 2007–2012 gg. [Department of History and Culture of Central Asia in 2007–2012]. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN (k 90-letiyu Instituta) [Institute of Mongology, Buddhism and Tibetology of the SB RAS (to the 90th Anniversary of the Institute)]. Irkutsk : Ottisk, 2012. Pp. 205–236.

Teterin Yu.V. Pogrebenie znatnogo tyurka na Srednem Enisee [Burial of a Noble Turk in the Middle Yenisei]. *Pamyatniki kul'tury drevnykh tyurok v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Monuments of the Culture of Ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 113–128.

Erdenebat U., Batsaykhan Z., Dashdorzh B., Amarbileg Ch. Arkhangay aymgiyn Khotont sumyn nutag Olon dov khemeekh gazar 2010 ond khiysen arkheologiyshinzhilgee // *Arkheologiysh suudlal. 2011. T. XXX. Pp. 147–190.* (in Mongolian).

Erdenebat U., Batsaykhan Z., Dashdorzh B. Arkhangay aymgiyn Khotont sumyn nutag Olon dov 2011 ond yavuulsan arkheologiysh suudalga // *Arkheologiysh suudlal. 2012. T. XXXII. Pp. 229–258* (in Mongolian).

Erdenbold L. Issledovanie sarkofagov uygurskikh aristokratov na territorii Mongolii [The Study of Sarcophagi of Uighur Aristocrats in the Territory of Mongolia]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri. Vyp. 2* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Issue 2]. Irkutsk : IrGTU, 2011. Pp. 500–510.

Erdenebold L., Tserendorzh Ts. Issledovanie grobnits s zakhoronenyami vel'mozh aymaka «Pugu» [Research of tombs with Graves of the Grandees of the "Pugu" Aimag]. *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii* [Actual Questions of Archaeology and Ethnology of Central Asia]. Irkutsk : Ottisk, 2015. Pp. 455–462.

Arden-Wong L. Tang Governance and Administration in the Turkic Period // *Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. VI, №2. Pp. 9–20.*

Munkhtulga R. Silver Vessels from Ancient Turkic Period Found in Mongolia // *ACCU Nara International Correspondent. 2013. Vol. 12. Pp. 27–32.*

Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // *The Silk Road. 2010. Vol. 8. Pp. 16–26.*

Otgonbayar Ch. Rare Archaeological Musical Artefacts from Ancient Tombs in Mongolia // *Studia instrumentorum musicae popularis. 2016. Vol. IV. Pp. 225–250.*

Solongo S., Ochir A., Tengis S., Fitzsimmons K. Geochronology of the Royal Tomb at Ulaankhermiin Shoroon Bumbagar, Mongolia // *40th International Symposium on Archaeometry. Los Angeles, 2014. Pp. 153.*

Solongo S., Ochir A., Tengis S., Fitzsimmons K., Hublin J.-J. Luminescence Dating of Mortar and Terracotta from a Royal Tomb at Ulaankhermiin Shoroon Bumbagar, Mongolia. *Science and Technology of Archaeological Research. 2016. Vol. 2. №2. Pp. 235–242.*

Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Murals and Figurines from the Recently-Discovered Tomb in Mongolia // *The Silk Road. 2014. Vol. 12. Pp. 13–24.*

ВОИНСКИЕ КЕНОТАФЫ С КОПЬЯМИ ЭПОХИ БРОНЗЫ (по материалам «колесничных» культур)

Рассматриваются воинские кенотафы с копьями примерно одного хронологического горизонта (синташтинские, петровские, покровские, абашевские). Обращение к этому периоду обусловлено тем, что наиболее крупные изменения происходят в начале II тыс. до н.э., когда на историческую арену вышла колесничная аристократия. Наибольший интерес представляют кенотафы с копьями. Высказано предположение о том, что кенотафы с копьями не следует однозначно связывать со смертью людей. Возможно, они представляли собой огромные тайники, но не в понимании современного человека, а с точки зрения древних людей, которые их создавали не для того, чтобы сделать информацию недоступной, а стремились сохранить сведения в наиболее понятной для современников форме и в самых значимых местах. Такие тайники должны были обеспечить права племени на территорию и тем самым исключить притязания возможных соперников. В пользу этого предположения свидетельствует стремление древнего населения выделить на местности рассматриваемые курганы с кенотафами. Кроме того, эти кенотафы особым образом организовывали пространство самого ритуального комплекса. К тому же все кенотафы с копьями представляли собой ямы крупных размеров с мощным деревянным перекрытием, которое иногда имело достаточно сложную конструкцию. Опираясь на сведения античных источников, автор приходит к выводу, что находки копий в кенотафах также можно интерпретировать как демонстрацию прав на занятую территорию.

Ключевые слова: эпоха бронзы, синташтинский тип, петровский тип, покровский тип, абашевская культура, кенотаф, копье.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-07

Кенотафы – не содержащие останков людей погребальные комплексы – были присущи многим культурным образованиям эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии. В данной статье рассматриваются воинские кенотафы с копьями примерно одного хронологического горизонта (синташтинские, петровские, покровские, абашевские). Обращение к этому периоду обусловлено тем, что наиболее крупные изменения происходят в начале II тыс. до н.э., когда на историческую арену вышла колесничная аристократия. В.С. Бочкарев [2010, с. 98] считает, что за счет мобилизации всех доступных ресурсов ей удастся создать мощный экономический и военный потенциал, сплотить население в этническом и религиозном отношении, построить монументальные крепости, гробницы, святилища.

Среди воинских кенотафов наибольший интерес представляют те, в составе инвентаря которых имеются копья. Копья – достаточно редкая находка в погребальных комплексах этого периода, как правило, указывающая на их неординарный характер. Н.М. Малов, рассматривая погребения покровской культуры с наконечниками копий, отмечает, что копья служили своеобразным знаком престижности военного дела и материальной ценности для мужской части архаичных «лидеров-героев» покровской культуры. Он приходит к выводу, что «наконечник копья – достаточно эффективное, престижно-ценное и дорогое, не только “военное”, но и “сакральное” оружие данной (покровской. – С.С.) культуры. Его первобытно-престижная значимость и ценность, как инсигнии “военной и духовной” власти, была здесь гораздо выше, чем у топора, булавы, трости, посоха и плети» [Малов, 2003, с. 200].

Археологическая характеристика кенотафов с копьями

Курган Халвай-3 (Костанайская область, Казахстан), погребения 1 и 9, синташтинский тип. Всего в кургане обнаружено 11 погребений. Из них пять – синташтинские, среди которых два кенотафа с копьями (№1 и 9). Синташтинские погребения относились к числу основных, располагались под насыпью кургана. Яма №1 находилась в южной разрушенной части кургана, имела прямоугольную форму, размеры $2,9 \times 2,3 \times 1,1$ м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Над ямой находилось перекрытие из больших бревен. Под перекрытием в южном, северном и западном углах зафиксированы три сосуда. Кроме этого, в погребении найдены колчаный набор из 10 каменных наконечников стрел, бронзовый наконечник копья с остатками древка, два песта, топор-тесло с деревянной рукояткой и кожаной оплеткой. Дно и стенки были устланы корой. Костей человека не обнаружено. Яма №9 находилась в восточной части кургана, имела прямоугольную форму, размеры $3,2 \times 2,57 \times 3$ м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Перекрытие из бревен березы и сосны было уложено поперек ямы. Между бревен зафиксирован камыш, которым связаны бревна и заткнуты щели перекрытия. Перекрытие поддерживалось четырьмя столбиками, попарно расположенными вдоль длинной оси ямы у восточной и западной стенок. На перекрытии в юго-западном углу обнаружен череп барана. Под перекрытием найдены два втульчатых бронзовых наконечника копья с деревянными обломанными древками, у западной стенки зафиксирована береста почти прямоугольной формы, в ней находилось восемь каменных наконечников стрел и человеческие зубы. В яме также обнаружены точильный камень, два песта, два бронзовых ножа, бронзовый топор и «колчаный набор» из трех бронзовых, девять каменных и три деревянных наконечников стрел, а также шесть сосудов. Дно и стены ямы облицованы корой [Логвин, Шевнина, 2011, с. 291–292].

Курганная группа «Близнецы» у с. Кумак (Соль-Илецкий район Оренбургской области, Южное Приуралье), погребение 6 курган №1, ранний (петровский) этап западноалакульской культурной группы, кулевчинская фаза (по В.В. Ткачеву). Погребение 6 кургана №1 представляло собой могильную яму размером $2,7 \times 1,65 \times 1,54$ м, ориентированную по линии З–В. Костяк человека отсутствовал. Восточная половина ямы была пуста, в западной части на дне сохранились остатки растительной подстилки, а также найден инвентарь. В северо-западном и юго-западном углах могилы стояли два больших сосуда. В меньшем из них (юго-западном) находился бронзовый наконечник копья с ребром, переходящим на литую втулку. В нижней части втулки имелись отверстие для прикрепления к древку и валик. Э.А. Федорова-Давыдова полагала, что копьё лежало вдоль южной стенки ямы, опираясь первоначально концом древка о дно могилы, а втулкой наконечника – о край сосуда. Во втулке сохранился обломок дерева. Там же, у южной стенки, найдено большое каменное лощило, а в центре западной части ямы – бронзовый нож ранней формы со слабо выраженными выемками по бокам [Федорова-Давыдова, 1960, с. 56–57].

В.В. Ткачев относит памятник к раннему (петровскому) этапу западноалакульской культурной группы, к ее поздней кулевчинской фазе. Он отмечает, что для памятников раннеалакульского (петровского) времени в Южном Приуралье характерно присутствие раннесрубного следа в их погребальном обряде и материальном комплексе [Ткачев, 2007, с. 321–338, 343, рис. 78].

Курганная группа близ г. Покровска (современный г. Энгельс, Нижнее Поволжье), курган №8, покровский тип (покровская АК). Курган №8 имел диаметр 2 м, высоту – 0,72 м. Могила размером 3,7 × 2,16 × 1,0 м, ориентированная по линии Ю–С, имела поперечное перекрытие из деревянных плах. В западной и северной частях ямы зафиксированы остатки столбов. На дне обнаружен сосуд, около которого далее к востоку лежали кости барана и ребра коровы, а рядом – колчаный набор из семи наконечников стрел, среди которых пять кремневых и два костяных, еще дальше к востоку лежал бронзовый наконечник копья длиной 21,3 см, с овально-ромбическим сечением стержня пера, втульчатый, с манжетой и ушком. Манжета узкая – 0,5–0,8 см, с литейным дефектом в виде небольшого разрыва. Рядом с копьем помещен бронзовый нож, который условно относится к типу без выделенного черенка, с зауженной пяткой и листовидным клинком. Костяк погребенного в могиле отсутствовал. По всей могиле заметна зола [Малов, 2003, с. 168–170].

Отнесение данного погребения к кенотафам не бесспорно. П.С. Рыков, исследовавший данный курган, полагал, что кости человека могли разложиться, так как большое ребро коровы было найдено почти совершенно истлевшим, а бронзовые вещи покрыты толстым слоем патины и накипи [Малов, 2003, с. 168]. Н.М. Малов [1989, с. 93] и В.А. Лопатин [2010, с. 167] считают, что погребение из кургана №8 являлось кенотафом.

Курган у Ивановского разъезда (Нижнее Поволжье), погребение 8, покровский тип (покровская АК). Одиночный курган располагался на высоком участке коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов. Погребение 8 (кенотаф) являлось основным в кургане, находилось в центре подкурганного пространства и было окружено кольцевым материковым выкидом. Погребение имело сложную деревянную конструкцию перекрытия со столбовыми опорами, продольными балками и имитацией двускатной кровли дома. Могильная яма размером 3,6 × 2,9 м, глубиной 2,06 м от 0R, а в материковом грунте 1,1 м, ориентирована по линии Ю–С. Кости человека не обнаружены. В северной половине ямы находились два сосуда. Под горшками зафиксированы незначительные остатки органической подстилки в виде розовато-серого волокнистого тлена (камыш?). На других участках из-за нарушения дна могилы норами подстилка прослеживалась небольшими, слабо заметными фрагментами. Между сосудами на 0,2 м севернее линии их размещения находился бронзовый двулезвийный нож с перекрестьем и ромбическим окончанием черенка. Около сосуда №2, опираясь лезвийной частью на его восточный край, острием на север лежал бронзовый наконечник копья. На его поверхности плотно «накипел» древесный тлен, что позволило В.А. Лопатину предположить, что копье было помещено в деревянный футляр, предохранявший заточенное лезвие от случайных повреждений. Копье имело литую втулку, листовидное перо и ромбическое сечение стержня. Нижний край втулки усилен манжетой, ширина которой составляет 1,5 см. В 1 см выше манжеты имеется округлое ушко. В полости втулки сохранилась часть древка. По мнению В.А. Лопатина, учитывая расстояние от наконечника копья до южной стенки, можно предположительно определить длину древка в 2–2,5 м. В одной из нор обнаружен короткий бронзовый крючок длиной 2,2 см, предположительно, наконечник стрела или посоха, возможно, в вотивном воплощении [Лопатин, 2010, с. 160–162, 164].

Курган №1 могильника Селезни-2. А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин [1998, с. 3] относят курган №1 к *доно-волжской* или *волго-донской* [Пряхин, 2000, с. 80–87] *абашевской культуре*. Курганная группа Селезни-2 – парная, располагалась

на левом берегу р. Челновая. Раскопанный курган №1 отличался более крупными размерами. Под центром насыпи, внутри ограниченного выкидами пространства, оказались четыре располагавшиеся попарно по линии 3–В могильные ямы и остатки девяти жертвенников. Во всех могилах отсутствуют костяки людей. Все четыре погребения образуют компактно расположенную группу с фиксируемой последовательностью совершения захоронений. Первоначально сооружены могилы-3 и 4, затем могилы-1 и 2, но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным – это подтверждается однотипностью встреченных в могилах вещей. Выкиды из всех погребений лежали на погребенной почве, что свидетельствует о возведении насыпи уже над всем комплексом погребений и жертвенников. Все могилы имели деревянные перекрытия. Копье происходило из могилы-3, размеры которой – 2,8 × 4,8 м, глубина – 1,3 м от уровня погребенной почвы. В западной стенке могильной ямы обнаружен воткнутый в нее почти на всю длину пера бронзовый цельнолитой наконечник копья. На полу могильной ямы найдены бронзовое обоюдоострое шило, жальце с притупленным краем, два вставных шипа от псалиев, разных по характеру изготовления и орнаментации, округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями, два астрагала, два треугольных кремневых наконечника стрел, два сосуда. У северо-восточного угла ямы, уже за ее пределами, на уровне погребенной почвы найдены маленький орнаментированный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания, псалий с четырьмя вставными шипами и щитком правильной круглой формы (лицевая поверхность псалия и торцы шипов орнаментированы), каменное орудие. Помимо погребений в кургане выявлены остатки девяти жертвоприношений. Наибольший интерес представляют жертвоприношения №3, 4 и 5, которые выявлены по центральной оси кургана в направлении 3–В. Все они совершены примерно на уровне погребенной почвы. В каждом из них, судя по сохранившимся зубам, находилось по два черепа лошадей, возможно, и кости ног. Эти жертвоприношения как бы объединяли четыре погребения в одну систему. Всего же в жертвенниках обнаружены останки 12 особей лошадей [Пряхин, 2000, с. 82, 84–85; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 3–4, 14–18, 24–25].

Исследователи отмечают, что все погребения кургана №1 могильника Селезни-2 – престижные захоронения военной знати – колесничих, во всех обнаружены псалии, связанные с конской упряжью, а также бронзовые жальца, которые, вероятно, имели отношение к управлению лошадью. Во всех погребениях присутствуют предметы вооружения: бронзовое копье (могила-3), ножи-кинжалы (могилы-1, 2, 4), наконечники стрел (во всех могилах). Престижным предметом является булава из мраморовидного известняка, относящаяся к разновидности грушевидных с бортиком (могила-1). В каждой паре захоронений присутствует по одному ритуальному, богато орнаментированному сосудику с четко выраженной календарной символикой. Высокому статусу соответствуют находки в погребениях альчилов кабана (могилы-1, 3, 4), клыков медведя и кабана в погребениях 1 и 2. Это, по мнению А.Д. Пряхина, по видимому, результат престижных охот – развлечение элиты. О наличии системы престижных жертвоприношений свидетельствует принесение в жертву 12 коней [Пряхин, 2000, с. 85; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 28–29].

Курган у с. Большая Плавица (Добринский район Липецкой области), погребение 2, покровско-абашевский круг памятников. Одиночный курган располагался на невысокой первой надпойменной террасе левого берега р. Плавицы. В кургане

10 погребений, из них четыре относятся к покровско-абашевскому кругу памятников. Погребение 2 (кенотаф) являлось основным в кургане, находилось в центре подкурганного пространства и было окружено четырьмя жертвенниками (№1–4). Могильная яма имела значительные размеры – 3,15 × 1,6 м, углублена в материк на 0,3–0,4 м, ориентирована по линии Ю–С. На уровне погребенной почвы прослежено поперечное перекрытие из плах толщиной до 0,2 м. Перекрытие было посыпано углями и мелом чересполосно с запада на восток (ширина полос – около 0,2 м). На перекрытии обнаружены два копыта и кость передней ноги лошади. В северо-западном углу перекрытия, непосредственно на фрагменте деревянной плахи, зафиксировано скопление красной охры, рядом с ним – сосуд №1. Точно под скоплением охры на перекрытии, в северо-западном углу могильной ямы, был устроен жертвенник в виде ямы диаметром 0,4 м и глубиной 0,1 м от уровня пола в северной части ямы. В заполнении жертвенника обнаружены части нижней челюсти и жаберные крышки крупной хищной рыбы (возможно, щуки). Могильная яма имела сложную конструкцию благодаря наличию ступеней в северной, центральной и юго-западной частях ямы. Ступень в центре ямы делила ее на две почти равные части – северную и южную. При этом южная часть располагалась ниже уровня северной на 0,15 м. На полу могилы в обеих частях зафиксированы остатки органической подстилки бледно-пурпурного цвета. На северной ступени стоял миниатюрный сосудик №2 с колоколовидным профилем, под венчиком – два отверстия. Вся его внутренняя поверхность была покрыта мелом. В северо-восточном углу располагался сосуд №3. В южной части могилы на остатках подстилки обнаружены костяная пряжка с одним большими отверстием в центре и двумя маленькими с краю. Южнее пряжки находились пять костяных вставных шипов от псалиев и костяное кольцо. Четыре шипа лежали отдельно от пятого, находившегося рядом с кольцом. Кольцо орнаментировано, вероятно, оно служило вставной втулкой в псалий с деревянным щитком. Два из пяти шипов значительно сработаны, три другие сохранили орнамент на торцах. По мнению Е.Н. Мельникова [2003, с. 239–241], в могилу положили старые и уже изрядно изношенные костяные вещи. Он считает, что перед нами двухкамерный склеп-кенотаф, в котором керамика помещена в северную часть, изделия из кости – в южную.

С погребением-кенотафом 2 связано четыре жертвенника. Жертвенник №1 находился в 1 м южнее погребения 2, прорезал могильный выкид из него, имел вид ямы ступенчатой конструкции. В древности он был перекрыт деревянными плашками, на которые положили череп коня и три астрагала между двумя его передними ногами. Восточнее костей в это перекрытие было воткнуто копьё с бронзовым наконечником. Наконечник литой, имеет манжету внизу втулки и ушко. Восточная часть перекрытия жертвенника рядом с копьем была посыпана углями, а внизу, в самой глубокой части ямы, вероятно, горел небольшой костер (угли, включения пепла и золы, незначительные фрагменты кальцинированных костей). Жертвенник №2 находился в 2 м к северо-востоку от погребения 2. Представлял собой отдельные части туши кабана, уложенные на деревянную основу. Рядом и поверх костей кабана были насыпаны угли. Жертвенник №3 находился в 6 м к западу от погребения 2, содержал череп жеребца без нижней челюсти. Жертвенник №4 находился в 2 м к северо-западу от погребения 2. Создан с уровня погребенной почвы. Круглая в плане яма диаметром около 1 м и глубиной до 0,6 м в материке имела деревянное перекрытие. В заполнении ямы встречены угли,

небольшие кальцинированные кости, лопатка крупного животного. Этот жертвенник устроен до создания погребения 2. Кроме того, в 1,5 м к западу от погребения на древней почве стояла нижняя часть сосуда №4, внутри которого найдены отдельные угольки и зола [Мельников, 2003, с. 241, 244].

Е.Н. Мельников отмечает определенное сходство материалов погребения 2 из кургана у с. Большая Плавица с материалами кургана №1 Селезни-2. Это орнамент, нанесенный на сосуд №1, находившийся на перекрытии, тип наконечника копья, кожаная пряжка, орнамент на торцах псалиев [Мельников, 2003, с. 245–246].

Хотелось бы отметить более существенное сходство с курганом №1 Селезни-2, а именно своеобразное сочетание кенотафов и жертвенников, представляющих единую композицию: четыре ямы и девять жертвенников в кургане Селезни-2, одна яма и четыре жертвенника в кургане у с. Большая Плавица. Несмотря на то, что копье из кургана у с. Большая Плавица происходило не из самого кенотафа, а из связанного с ним жертвенника, эту вещь, безусловно, надо рассматривать в рамках всего ритуального комплекса. Более того, как в кургане №1 Селезни-2, так и в кургане у с. Большая Плавица копья находились в аналогичном положении: воткнутое в стенку могилы (Селезни-2) или в перекрытие жертвенной ямы (Большая Плавица).

Интерпретация кенотафов с копьями

Наиболее распространен следующий подход к определению кенотафов рассматриваемого периода. Кенотафы – привилегия знати, в них часто встречаются находки оружия, что позволяет предполагать «военный характер этого времени и связанные с ним значительные людские потери. В сражениях воины нередко пропадают бесследно, но нельзя не воздать герою погребальные почести, поскольку только в этой обрядности умерший может получить возможность перехода из мира живых в мир мертвых для воссоединения с предками и встречи с богами. Это, пожалуй, основная предпосылка такого явления, как кенотаф – символическое погребение без останков умершего» [Лопатин, 2010, с. 164].

Таким образом, к кенотафам традиционно относят не содержащие останков людей погребальные комплексы, соответственно, они автоматически включаются в состав погребений. Вместе с тем в последнее время наметились и другие подходы к интерпретации кенотафов. Так, М.В. Андреева, рассматривая кенотафы восточноманьчжурской катакомбной культуры, вообще ставит под сомнение связь между созданием кенотафов и смертью людей, тем более смертью, носящей экстраординарный характер. Она акцентирует внимание на более ярко выраженную по сравнению с погребениями жертвоприносительную функцию кенотафов. М.В. Андреева приходит к выводу, что «...квазимогильное сооружение и содержащиеся в нем приношения направлялись похороненным в кургане (и в целом – в могильнике) предкам/сородичам. Изоморфность реальным погребениям, равно как и практика досыпок насыпи в связи с созданием кенотафов и более того – возведение новых насыпей над основными кенотафами, подчеркивают заместительный характер данной жертвы, приносимой мертвым за живых» [Андреева, 2008, с. 305–306]. Рассматривая неординарный по составу и количеству инвентаря кенотаф из могильника Хар Зуха-I восточноманьчжурской катакомбной культуры, М.А. Очир-Горяева и М.В. Андреева [2016, с. 355–372] также отмечают наличие в нем следов жертвоприносительных действий, но совершавшихся в адрес божества или богов.

С определенной долей осторожности можно высказать предположение о том, что кенотафы с копьями также не следует однозначно связывать со смертью людей. Возможно, они представляли собой огромные тайники, но не в понимании современного человека, а с точки зрения древних людей: «...древние люди создавали тайники отнюдь не для того, чтобы сделать информацию недоступной и закодированной. Они стремились сохранить ее в самых “верных” местах и в наиболее доступной для понимания своих современников форме, поскольку информация должна была обеспечить права племени на территорию и тем самым исключить притязания возможных конкурентов. Теперь же оказывается, что нам нужно... расшифровать предложенную систему знаков, и ...правильно ее интерпретировать» [Ершова, 2007, с. 350].

В пользу этого заключения свидетельствует стремление древнего населения выделить на местности рассматриваемые курганы с кенотафами. Так, курганная группа Селезни-2 – парная, располагалась на левом берегу р. Челновая. Раскопанный курган №1 отличался более крупными размерами. Курган у Ивановского разъезда – одиночный, располагался на высоком участке коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов. Курган у с. Большая Плавица – одиночный, располагался на невысокой первой надпойменной террасе левого берега р. Плавицы.

Кроме того, кенотафы особым образом организовывали пространство самого ритуального комплекса. В Селезни-2 – это четыре располагавшиеся попарно по линии З–В кенотафа под центром насыпи, внутри ограниченного выкидами пространства, и девять особым образом расположенных жертвенников. В кургане у с. Большая Плавица кенотаф являлся основным в кургане, находился в центре подкурганного пространства и был окружен четырьмя жертвенниками. В кургане у Ивановского разъезда – кенотаф с копьем являлся основным, он находился в центре подкурганного пространства и был окружен кольцевым материковым выкидом. В кургане Халвай-3 было два кенотафа с копьями, они относились к числу основных погребений в кургане, над которыми возведена насыпь.

Все кенотафы с копьями представляли собой ямы крупных размеров с мощным деревянным перекрытием, иногда достаточно сложным, со столбовыми конструкциями, а в кургане у Ивановского разъезда с имитацией двускатной кровли дома. В кургане у с. Большая Плавица кенотаф имел поперечное перекрытие из плах толщиной до 0,2 м, перекрытие было посыпано углями и мелом чересполосно с запада на восток (ширина полос – около 0,2 м). Восточная часть перекрытия жертвенника рядом с копьем была посыпана углями, В могиле-9 кургана Халвай-3 между бревен зафиксирован камыш, которым были связаны бревна и заткнуты щели перекрытия. Таким образом, прослеживается тенденция, с одной стороны, создать монументальный комплекс, а с другой – надежно «запечатать» в нем определенную информацию.

Находки копий в кенотафах также можно интерпретировать как демонстрацию прав на занимаемую территорию. Символично само расположение этого оружия в некоторых кенотафах. В погребении 3 кургана №1 могильника Селезни-2 «в западной стенке могильной ямы обнаружен воткнутый в нее почти на всю длину пера бронзовый цельнолитой наконечник копья с ромбическим стержнем, боковым ушком и манжетой на втулке» [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 17]. В кургане у с. Большая Плавица копье с бронзовым наконечником был воткнуто в перекрытие жертвенника. Наконечник копья литой, имел манжету внизу втулки и боковое ушко.

Сохранилось свидетельство Диодора (XVII, 17), правда, относящееся к более позднему времени, где копье выступало как символ власти над территорией. В начале Восточного похода (334 г. до н.э.) Александр Македонский, подплывая к азиатскому берегу, метнул копье в материк, который предстояло завоевать. Древний историк пишет об этом так: «Сам он, подойдя к берегам Трояды с шестьюдесятью военными кораблями, первым из македонян метнул с корабля копье, которое вонзилось в землю, спрыгнул на берег сам и воскликнул, что принимает Азию от богов как добычу, завоеванную копьем» (цит. по: [Фролов, 2012, с. 62–63]). Э.Д. Фролов [2012, с. 62] интерпретирует эти действия, как «несомненно хорошо продуманный жест Александра Македонского», но нельзя исключать предположения, что это отголосок достаточно древнего ритуала, связанного с утверждением прав на занимаемую или завоеванную территорию.

Определенную аналогию подобным действиям с копьем, по-видимому, представляют материалы кургана, исследованного на могильнике Нураталды-1 в Центральном Казахстане, который отнесен исследователями к нуртайской (петровской) культуре (1-я четверть II тыс. до н.э.). Под курганной насыпью была зафиксирована четырехугольная ограда из плит, установленных на ребро. Внутри ограды – одно взрослое и три детских погребения, центральную часть занимали погребение взрослого в очень крупном каменном ящике и одно детское, принадлежавшее мальчику. Между этими двумя центральными погребениями находилось парное захоронение лошадей, уложенных головами на запад. В том кургане также обнаружен жертвенный комплекс или клад бронзовых изделий в виде компактно сгруппированного набора втульчатых наконечников копья и дротика и трех двулезвийных ножей срубно-андроновского типа, воткнутых остриями в землю. И.А. Кукушкин и В.Г. Ломан [2014, с. 585–586] видят аналогии подобным действиям с бронзовым оружием в обрядовых традициях сейминско-турбинского населения Западной Сибири. К сожалению, не уточняется конкретное местонахождение комплекса бронзовых изделий в кургане ни в стратиграфическом отношении (насыпь кургана, уровень погребенной почвы – ?), ни в планиграфическом. Но, как отмечают исследователи, «все материалы были зафиксированы в закрытом археологическом комплексе». Кроме того, представляет интерес положение, что материалы нураталдинского кургана «существенно расширяют границы нуртайской колесничной культуры в южном направлении» [Кукушкин, Ломан, 2014, с. 586]. Безусловно, нет оснований считать уникальный набор бронзовых изделий, обращенных острием к земле, кенотафом. Но он с определенной долей вероятности может быть интерпретирован как вариант «тайника», связанного с символической демонстрацией прав на территорию, тем более, что в его состав входит втульчатый наконечник копья, а сам курган находится на южной границе нуртайской колесничной культуры. Количество оружия в составе жертвенного комплекса, а также, возможно, парное захоронение лошадей в кургане, могли символизировать не только права на территорию, но и дополнительно демонстрировать военное могущество населения, создавшего данный ритуальный комплекс.

Вероятно, копье, не только вонзенное в стену ямы, в землю или в деревянное перекрытие, но и помещенное в обширную яму-кенотаф, также являлось символическим утверждением прав на территорию. Об особом отношении к этому оружию свидетельствуют материалы кургана у Ивановского разъезда, где бронзовый наконечник копья

находился в деревянном футляре. В двух случаях реконструируется ситуация, когда наконечник копья опирался о край сосуда, а древком, вероятно, о дно или противоположную стенку ямы (Близнецы; курган у Ивановского разъезда). Сохранившиеся остатки древков также свидетельствуют о том, что в кенотаф-«тайник» помещался не просто наконечник копья, а все оружие целиком, что, вероятно, являлось демонстрацией его боевых качеств. Кроме того, наконечники копий из Покровского кургана, из кургана у Ивановского разъезда, из кургана №1 Селезни-2, из кургана у с. Большая Плавица были снабжены ушком. Как убедительно показал В.С. Бочкарев, ушки наконечников копий не имели утилитарного значения, а предназначались для крепления различного рода подвесок. Благодаря подвесным регалиям копье приобретало особый статус и важное символическое значение [Бочкарев, 2010, с. 140–142]. Таким образом, в определенном отношении можно говорить о «сакрализации» копья как символа прав на завоеванную территорию.

Сооружение кенотафов, связанных с символическим утверждением прав на территорию, вероятно, сопровождалось достаточно сложными ритуалами, связанными с состязанием воинов в метании копья, стрельбе из лука, т.е. опять же демонстрацией воинами своего мастерства. Это подтверждается как находками копий, так и обнаружением наконечников стрел в рассмотренных выше кенотафах. Присутствие в кенотафе из Большой Плавицы пяти костяных вставных шипов (из них три сохранили орнамент на торцах) и орнаментированного костяного кольца от псалиев, наличие в каждом кенотафе из кургана №1 могильника Селезни-2 псалиев со сложным, вероятно, солярным орнаментом могут свидетельствовать не только о конных состязаниях, но, возможно, о парадных выездах на колесницах. В отличие от синташтинских захоронений колесничих в селезневском и большеплавицком кенотафах отсутствуют углубления для установки колес, которые собственно и символизировали саму колесницу. Однако, как отмечают А.В. Епимахов и И.В. Чечушков [2008, с. 483], «несмотря на отсутствие находок повозок, нет никаких сомнений в знакомстве местного (абашевского. – С.С.) населения с колесницей, что прямо подтверждается находками псалиев со следами сработанности...». Как свидетельствуют материалы таких памятников, как Селезни-2 и Большая Плавица, во время отправления подобных обрядов или празднеств имели место жертвоприношения лошадей, ритуальная охота на кабана (жертвенник №3 из Большой Плавицы) или других диких животных, ритуальная игра в кости с использованием альчиков кабана (Селезни-2).

В комплексах Селезни-2 и Халвай-3 присутствуют изделия, которые могут свидетельствовать еще об одном значимом моменте таких празднеств. В двух синташтинских кенотафах с копьями из кургана Халвай-3 содержалось по два каменных песта в каждом. Подобная традиция характерна прежде всего для захоронений воинов-колесничих в памятниках синташтинского типа, входящих в Синташтинский комплекс, где в могилах широко представлены «давяльные камни» для приготовления священного напитка наподобие индийского Сомы [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992]. Согласно «Ригведе» именно напиток Сомы обеспечивал воинам победу в колесничих состязаниях и, возможно, в реальных военных действиях. Во всех четырех кенотафах могильника Селезни-2 присутствуют достаточно однотипные каменные орудия, но они определяются исследователями как кузнечные орудия труда, свидетельствующие «о наделении захороненных сакральными производственными функциями, реализуе-

мыми через идею “кузнеца”» [Пряхин, 2000, с. 85]. С этим выводом сложно согласиться. Следует учитывать факт нахождения каменных изделий в могильнике Селезни-2 в комплексах с колесничной атрибутикой. Следовательно, в рамках ритуала они также могли использоваться в качестве «давящих камней» для приготовления священного напитка. Употребление священного напитка, дающего прилив физических сил, могло быть частью субкультуры воинов-колесничих, которые, возможно, были не только его потребителями, но и изготовителями. Синташтинские памятники и селезневский ритуальный комплекс отражают, вероятно, раннюю стадию развития культа, когда приготовлением напитка занимались сами воины, тогда как в «Ригведе» эта роль отводится уже жрецам [Сотникова, 2016, с. 174–175].

Обращает на себя внимание еще одна своеобразная черта кенотафов с копьями. Все они содержат свидетельства контактов с другими, в основном «колесничными» культурами. А.В. Логвин и И.В. Шевнина отмечают явные абашевские параллели в материалах синташтинских погребений кургана Халвай-3. В том числе абашевской чертой они считают отсутствие костяков в погребениях 1 и 9. Орнаментация сосудов из этих кенотафов имеет аналогии в уральской абашевской культуре. Бронзовый вислообушный топор из погребения 9 имеет сильно скошенную верхнюю грань обуха и четкий перегиб в профиле, отделяющий обушную часть от клинка, что характерно для традиционного абашевского типа топоров. Бронзовый наконечник копья из погребения 1 имеет короткое треугольное перо, ромбическое сечение ребра жесткости, разомкнутую втулку. Исследователи относят данный наконечник к разряду КД-2 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, основные технологические типологические параллели которого могут восходить к металлопроизводству абашевского типа. Два литых наконечника из ямы №9, по их мнению, относятся к турбинским литым копьям [Логвин, Шевнина, 2011, с. 293]. Таким образом, в кургане Халвай-3 следы межкультурных взаимодействий представлены прежде всего в материалах кенотафов. В кенотафе с копьем из Покровска обнаружен сосуд с признаками абашевской керамической традиции [Малов, 2003, с. 169]. Обращаясь к материалам могильника Селезни-2, Н.М. Малов отмечает, что сосуды из погребения 3 кургана №1 (кенотаф с копьем) разнокультурные. Один из них не типичен для абашевских памятников, но близок по форме и технологии к сосуду из покровско-срубного погребения 6 Чардымского кургана №1. Дисковидная костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями, также происходящая из этого погребения, относится к типу, характерному для покровских памятников. Кроме того, один из сосудов погребения 1 кургана №1 данного могильника он относит к покровскому типу и отмечает, что «по морфологическим признакам эти покровские сосуды индивидуальной формы сходны не с абашевской, а с некоторой синташтинской и потаповской острореберной керамикой [Малов, 2014, с. 209–210]. Е.Н. Мельников [2003, с. 245–246] отмечает наличие в покровско-абашевских материалах погребения 2 (кенотаф) из кургана у с. Большая Пластица влияние традиций финального этапа среднедонской катакомбной и воронежской культур.

Представляется, что зафиксированные в рассматриваемых кенотафах следы контактов являются отражением определенной традиции, выработанной «колесничными» культурами. В.С. Бочкарев [2010, с. 52–53] считает возможным говорить о «культурном космополитизме» колесничной аристократии того периода, элементы которого заметны в богатых погребениях и на отдельных предметах. Синташтинские, петровские,

покровские, абашевские, покровско-абашевские кенотафы с копьями демонстрируют заметную однотипность, что обусловлено, по-видимому, не только их хронологической близостью, но и тем, что в этот беспокойный, насыщенный военными столкновениями период военной знатью были выработаны общие традиции символического утверждения или демонстрации прав на занимаемую территорию. Ярким проявлением этой традиций являлось сооружение в наиболее «верных» местах кенотафов-«тайников», в составе которых, наряду с другим оружием, присутствовали бронзовые наконечники копий.

Библиографический список

Андреева М.В. Кенотафы восточноманьчжской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы // Археология Кавказа и Ближнего Востока : сборник к 80-летию Р.М. Мунчаева. М. : Таус, 2008. С. 298–306.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. : Инфо Ол, 2010. 231 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск : ООО «Аналитик», 2008. С. 480–500.

Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М. : Культурный центр «Новый Акрополь», 2007. 392 с.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. 1. С. 584–587.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения – 2011 : материалы Междунар. археол. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.). Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 291–296.

Лопатин В.А. Курган у Ивановского разъезда // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований 2005–2006 гг.). Саратов : Научная книга, 2010. С. 156–174.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 82–101.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов : Научная книга, 2003. С. 157–219.

Малов Н.М. Необычное парное погребение из Покровского кургана №35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П.С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 205–212.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие : материалы Междунар. науч. конф. Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 239–247.

Очир-Горяева М.А., Андреева М.В. Кенотаф позднекатакомбного времени из могильника Хар Зуха-1 в Калмыкии // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 355–372.

Пряхин А.Д. К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 80–87.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж : ВГУ, 1998. 44 с.

Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск : Изд. дом «Наука», 2016. 290 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии, археологии, 2007. 384 с.

Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры) // Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1960. С. 56–59.

Фролов Э.Д. Копье как орудие и символ знатности у древних греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб. : СПбГУ, 2012. С. 57–64.

S.V. Sotnikova

WARRIOR CENOTAPHS WITH SPEARS OF THE BRONZE AGE (on the Materials of “Chariot” Cultures)

The article considers military cenotaphs with spears of approximately one chronological horizon (Sintashta, Petrovsky, Pokrovsky, Abashevskie). The appeal to this period is due to the fact that the biggest changes occur here in the beginning of the 2nd millennium BC, when the chariot aristocracy entered the historical arena. The greatest interest is paid to cenotaphs with spears. It is suggested that cenotaphs with spears should not be unambiguously associated with the death of people. Perhaps they were huge hiding places, not in the understanding of modern man, but from the point of view of the ancient people who created them not to make information inaccessible, but to preserve information in the most understandable form for contemporaries and in the most significant places. Such hiding places were supposed to ensure the rights of the tribe to the territory and thereby exclude the claims of possible rivals. This assumption is supported by the desire of the ancient population to mark on the area the burial mounds with cenotaphs. Besides, these cenotaphs in a special way organized the space of the ritual complex itself. In addition, all the cenotaphs with spears were large pits with strong wooden ceiling, which sometimes had a rather complex design. Based on the information of ancient sources, the author comes to the conclusion that the finds of copies in the cenotaphs can also be interpreted as demonstrating the rights to occupied territory.

Key words: Bronze Age, Sintashta type, Petrine type, Pokrovsky type, Abashev culture, cenotaph, spear.

References

Andreeva M.V. Kenotafy vostochnomanychskoy katakombnoy kul'tury kak pogrebal'no-zhertvennye komplekсы [The Cenotaphs of the East Manych Catacomb Culture as Funeral and Sacrificial Complexes]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu R.M. Munchaeva* [Archaeology of the Caucasus and the Middle East: a Collection for the 80th anniversary of R.M. Munchaev]. М. : Taus, 2008. Pp. 298–306.

Bochkarev V.S. Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy [Culturogenesis and the Ancient Metal Production of Eastern Europe]. SPb. : Info Ol, 2010. 231 p.

Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological Monuments of Aryan Tribes of Ural-Kazakhstan Steppes. Chelyabinsk : Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1992. Ch. 1. 408 p.

Epimakhov A.V., Chechushkov I.V. “Gorizont kolesnichnykh kul'tur” Severnoy Evrazii: poeticheskaya metafora i istoricheskoe sodержanie [“Horizon of Chariot Crops” of Northern Eurasia: Poetic Metaphor and Historical Content]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Vyp. XXI* [Problems of History, Philology, Culture. Issue XXI]. М. ; Magnitogorsk ; Novosibirsk : OOO “Analitik”, 2008. Pp. 480–500.

Ershova G.G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Mezoamerika [Ancient America: Flight in Time and Space. Mesoamerica]. М. : Kul'turnyy tsentr “Novyy Akropol”, 2007. 392 p.

Kukushkin I.A., Loman V.G. Kratkie itogi issledovaniy elitnykh kurganov epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [Brief Results of Studies of Elite Barrows of the Bronze Age of Central Kazakhstan]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan' : Otechestvo, 2014. Vol. 1. Pp. 584–587.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Kurgan Khalvay 3 (predvaritel'noe soobshchenie [Kurgan Halvay 3 (Preliminary Report)]. *Margulanov Readings – 2011: Materials of the International. Archaeologist. Conf.* (Astana, April 20–22, 2011)]. Astana : ENU im. L.N. Gumileva, 2011. Pp. 291–296.

Lopatin V.A. Kurgan u Ivanovskogo raz'ezda [Kurgan at the Ivanovo Passage]. *Arkheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezh'ya: ot ranney bronzy do srednevekov'ya* (po materialam issle-

dovaniy 2005–2006 gg.) [Archaeological Monuments of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on the 2005-2006 Research Materials)]. Saratov : Nauchnaya kniga, 2010. Pp. 156–174.

Malov N.M. Pogrebal'nye pamyatniki pokrovskogo tipa v Nizhnem Povolzh'e [Funeral Monuments of the Pokrovsky Type in the Lower Volga Region]. Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of Eastern European steppe]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. Issue 1. Pp. 82–101.

Malov N.M. Pogrebeniya pokrovskoy kul'tury s nakonechnikami kopiy iz Saratovskogo Povolzh'ya [Burials of the Pokrovsky Culture with Spearheads from the Saratov Volga Region]. Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya v 2001 godu [Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 2001]. Saratov : Nauchnaya kniga, 2003. Issue 5. Pp. 157–219

Malov N.M. Neobychnoe parnoe pogrebenie iz Pokrovskogo kurgana №35 nachala epokhi pozdney bronzy: po materialam raskopok P.S. Rykova [An Unusual Pair Burial from Pokrovsky Barrow No. 35 of the Beginning of the Late Bronze Age: Based on the Excavations by P.S. Rykov]. Aarii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh : sb. pamyati E.E. Kuz'minoy [Aria of the Eurasian Steppes: the Era of Bronze and Early Iron in the Steppes of Eurasia and Adjacent Territories: Collection in Memory of E.E. Kuzmina]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 205–212.

Mel'nikov E.N. Pokrovsko-abashevskie pogrebeniya kurgana u s. Bol'shaya Plavitsa [Pokrovsko-Abashevo Burial Mound near the Bolshaya Plavitsa Village]. Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Cheboksary : Chuvashskiy gos. in-t gumanit. Nauk [Abashevskaya Cultural and Historical Community: Origins, Development, Heritage: Materials of the Intern. Scientific Conference in Cheboksary: Chuvash State. Institute of Humanitarian Science]. 2003. Pp. 239–247.

Ochir-Goryaeva M.A., Andreeva M.V. Kenotaf pozdnekatakombnogo vremeni iz mogil'nika Khar Zukha I v Kalmykii [Cenotaph of Late Catacombs Time from the Har Zuch-I Cemetery in Kalmykia]. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2016. Issue 244. Pp. 355–372.

Pryakhin A.D. K otsenke prestizhnykh zakhoroneniyy volgo-donskoy abashevskoy kul'tury kurgana Selezni-2 [To the Estimation of Prestigious Graves of the Volga-Don Abashev Culture of the Selezny-2 Mound]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000. №1. Pp. 80–87.

Pryakhin A.D., Moiseev N.B., Besedin V.I. Selezni-2. Kurgan dono-volzhskey abashevskoy kul'tury [Drake-2. The Mound of the Don-Volga Abashev Culture]. Voronezh : VGU, 1998. 44 p.

Sotnikova S.V. Pogrebal'nye pamyatniki sintashtinskogo i andronovskogo naseleniya kak istochnik po rekonstruktsii ritualov i predstavleniy [Funeral Monuments of the Sintashta and Andronovo Population as a Source for the Reconstruction of Rituals and Representations]. Omsk : Izd. dom "Nauka", 2016. 290 p.

Tkachev V.V. Step'i Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Age]. Aktobe : Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii, arkheologii, 2007. 384 p.

Fedorova-Davydova E.A. Andronovskoe pogrebenie XV–XIII vv. do n.e. (K voprosu o periodizatsii andronovskoy kul'tury) [Andronovo Burial of the 15th–13th Centuries. BC (On the Question of the Periodization of the Andronovo Culture)]. Trudy GIM. M., 1960. Vyp. 37 [Proceedings of the GIM. Issue 37]. Pp. 56–59.

Frolov E.D. Kop'e kak orudie i simvol znatnosti u drevnikh grekov [Spear as a Weapon and Symbol of Nobility of the Ancient Greeks]. Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon: Studies and Publications on the History of the Ancient World]. SPb. : SPbGU, 2012. Issue 11. Pp. 57–64.

Ю.С. Худяков¹, А.Ю. Борисенко², Ж. Орозбекова¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПАНЦИРНЫХ ДОСПЕХОВ ВОИНОВ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ*

Рассматривается эволюция защитного вооружения, в том числе металлических панцирей в составе оружейных комплексов древних кочевников Саяно-Алтая в конце I тыс. до н.э. – I-й половины I тыс. н.э., которая произошла под влиянием кочевых объединений центральноазиатских этносов хунну и сяньби. Анализируются находки панцирных пластин в булан-кобинских, кок-пашских и берельских памятниках на территории Алтайской горной области. Прослеживается влияние древних кочевников Центральной Азии на развитие панцирных доспехов кочевых племен, проживавших на Алтае в хунно-сяньбийскую эпоху. Сравнительный анализ защитного вооружения кочевников, проживавших в этот период на Алтае и Тянь-Шане, позволил выяснить, что древние кочевники Южной Сибири испытывали влияние в оружейном производстве со стороны хунну и сяньби. В то же время какого-либо влияния на них в сфере оружейного производства кочевых племен Тянь-Шаня не прослеживается.

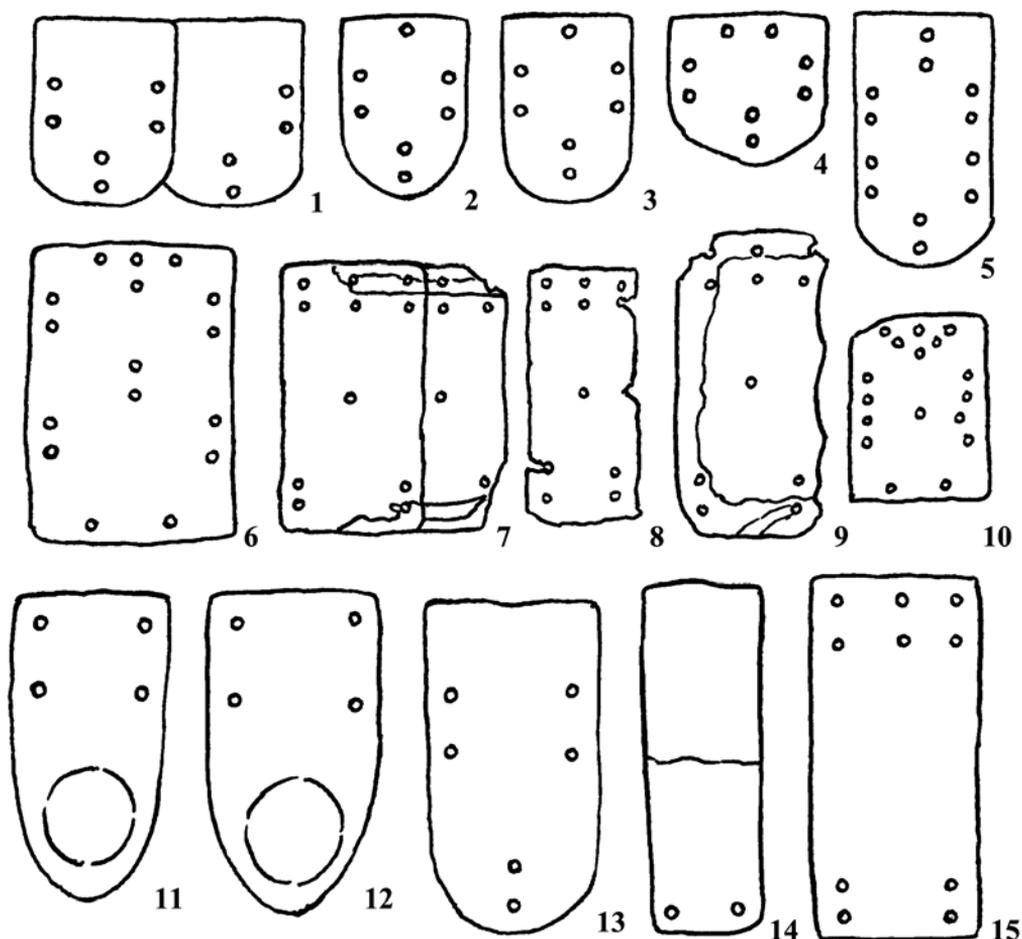
Ключевые слова: кочевники, хунну, сяньби, древние тюрки, воины, панцирные доспехи, сравнительный анализ, Саяно-Алтай, Тянь-Шань.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-08

Весьма значимым периодом в истории развития средств индивидуальной металлической защиты древних кочевых этносов в степях Центральной Азии, включая районы Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, была хунно-сяньбийская «эпоха», охватывающая исторический период с конца III в. до н.э. по V в. н.э., в течение которой в этом регионе господствовали могущественные кочевые объединения, возглавляемые племенами хунну, сяньбийцев и жужаней. Судя по изученным к настоящему времени археологическим памятникам и находкам, в данном историко-культурном регионе защитные доспехи, составленные из железных панцирных пластин, впервые появились на вооружении у хуннских воинов. Об этом свидетельствуют находки фрагментов панцирного чешуйчатого доспеха из железных пластин с закругленным одним краем, соединенных в горизонтальные ряды, который был обнаружен на хуннском Иволгинском городище, исследованном на территории Западного Забайкалья [Давыдова, 1985, с. 49, рис. IX.-19, 19a]. На пластинах имеется три пары округлых отверстий для крепления с помощью шнуров или ремешков, расположенные с двух длинных сторон и закругленного края каждой из подобных пластин (рис.-1). Не вполне ясно, почему на противоположном от закругленного края окончании пластины отсутствуют отверстия, хотя она должна была крепиться к налегающему сверху следующему ряду пластин. Вполне вероятно, что данные фрагменты защитного доспеха можно отнести к типу нагрудного панциря.

Если судить по этим весьма редким находкам деталей защитного доспеха, подобные нагрудные панцири в хуннском войске могли иметь отдельные, вероятно, наиболее хорошо вооруженные, оснащенные эффективными средствами индивидуальной

* Работа выполнена по проекту №0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Формы железных панцирных пластин воинов хунно-сяньбийского времени:
1 – Иволгинское городище, культура хуннов; 2–5 – Лаохэшэнь, культура сяньби;
6 – Чендек; 7–9 – Яломан-II, булан-кобинская культура; 10 – Кок-Паш,
кок-пашская культура; 11–15 – Акчий-Карасу, кенкольская культура (без масштаба)

металлической защиты хуннские воины. В то же время, судя по многочисленным находкам костяных накладок луков и железных наконечников стрел, военных успехов в боях с противниками хуннские войска добивались преимущественно с помощью атак легковооруженной конницы в рассыпном строю, обстреливая врагов стрелами различных форм из сложносоставных луков. Однако многократные военные победы хуннских войск над войсками других древних кочевых племен Центрально-Азиатского историко-культурного региона со временем должны были привести к тому, что древние племена кочевников стали заимствовать у хунну различные наиболее эффективные виды оружия. Вероятнее всего, основными предметами вооружения, которые стремились заимствовать древние кочевники у хунну, были сложносоставные луки и разные типы стрел с железными трехлопастными и плоскими наконечниками, предназначенные для поражения легковооруженных противников. Вполне вероятно, что к периоду

хуннского доминирования в кочевом мире могут восходить наиболее ранние опыты противостояния некоторых древних центральноазиатских и саяно-алтайских nomadов с хуннскими воинами, которые имели в своем распоряжении нагрудные панцири. Однако эти военные столкновения с воинами, оснащенными нагрудными панцирями, не привели к широкому или повсеместному освоению характерных в этот период для хунну металлических защитных доспехов древними кочевниками Саяно-Алтая. Судя по находкам железных пластин от нагрудного панциря в материалах культур древних nomadов Южной Сибири, можно предполагать, что такие доспехи могли быть заимствованы у хунну в начале I тыс. н.э. воинами булан-кобинской культуры Горного Алтая [Соёнов, Эбель, 1992, с. 42–43; Горбунов, 2003, рис. 5–11].

Значительные изменения в составе комплекса вооружения древних кочевников произошли в последующие военно-исторические периоды хунно-сяньбийской эпохи, когда в Центрально-Азиатском регионе стали господствовать древние монгольские кочевые этносы, сяньбийцы и жужани. В то время наметилось более широкое освоение наступательного оружия ближнего боя и металлических панцирей в культурах древних nomadов Центральной Азии и Южной Сибири. Сяньбийские воины несколько уступали хунну в обладании средствами поражения противника стрелами из сложносоставных луков в дистанционных боях. Поэтому у них получили более существенное развитие оружие ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты воинов. В сяньбийских памятниках, исследованных китайскими археологами в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, были обнаружены панцирные пластины прямоугольной формы с закругленным краем и отверстиями для крепления со всех четырех сторон (рис.-2–5). В числе этих металлических деталей был исследован и реконструирован один полный набор пластин, входивших в состав панциря и шлема. В дальнейшем эти средства индивидуальной металлической защиты были реконструированы китайскими исследователями в виде чешуйчатого панциря-жилета, составленного из пластин с закругленным нижним краем. На оплечьях подобные пластины были размещены горизонтально. Ими предложена реконструкция пластинчатого шлема со сферическим куполом и бармицей. Купол был составлен из сферического навершия, длинных, сужающихся к верху пластин, а бармица – из коротких пластин с закругленным нижним краем [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 41, рис. V.-1–3]. Надо полагать, что использование металлических панцирей и шлемов существенно расширило возможности сяньбийских панцирных всадников успешно противостоять своим основным противникам – хуннским воинам во время обстрела из луков с их стороны на дистанционной фазе сражений. После перехода непосредственно к ближнему бою сяньбийцы могли наносить своим противникам поражающие удары с помощью высокоэффективных копий и пик, предназначенных для пробивания вражеских доспехов, а также в результате применения мечей и палашей [Худяков, 2005, с. 27]. Вероятно, под влиянием военных успехов сяньбийцев в ходе войн с хунну среди кочевников Центрально-Азиатского региона получили более широкое распространение основные виды оружия ближнего боя и защитного вооружения, в том числе бронебойные копья, длинные мечи и палаши, защитные металлические панцири. В составе комплекса вооружения древних nomadов улуг-хемской культуры в Туве были представлены копья с железными втульчатыми наконечниками с линзовидным в сечении, удлинненным пером с остроугольным острием [Стамбульник, 1983, с. 39]. В материалах данной культуры имеются предметы торевти-

ки, в том числе поясные бляхи и накладки, украшенные изображением крылатого коня – единорога и других животных, выполненных в своеобразном зверином стиле, которые свидетельствуют о значительном политическом и культурном, а, возможно, и других направлениях влияния сяньбийцев на древних кочевников улуг-хемской культуры [Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 165]. Надо полагать, что данные находки являются важным свидетельством военно-политических и культурных контактов сяньбийцев с древними кочевниками улуг-хемской культуры на территории Тувы. В этом отношении оружейный комплекс улуг-хемской культуры имеет определенные схожие черты с вооружением последующей кокзельской культуры. В предметном комплексе этой культуры, памятники которой также находятся в Туве, имеются вотивные модели наконечников копий, мечей и палашей. Однако сведения об использовании кокзельскими номадами средств индивидуальной металлической защиты ограничены. В то же время оружие данных культур существенно отличается от вооружения чаатинской культуры середины I тыс. н.э. в Туве. В наборе боевых средств этой культуры содержатся лишь некоторые предметы вооружения дистанционного боя и короткоклинковое оружие рукопашного боя [Худяков, 2005, с. 34, 43]. В археологических комплексах таштыкской культуры в соседней Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи найдены фрагменты кибитей и костяные накладки сложносоставных луков, железные и костяные наконечники стрел, а также модели кинжалов, железный меч и палаш [Худяков, 2005, с. 40]. Единичная находка бронзовой подвесной бляхи с характерным для сяньбийцев орнаментом в виде переплетенных змей обнаружена в таштыкской грунтовой могиле в Минусинской котловине [Вадецкая, 1992, с. 241]. Она может свидетельствовать об определенных политических и культурных контактах носителей таштыкской культуры с сяньбийцами.

В памятниках булан-кобинской культуры на территории Горного Алтая были обнаружены разнообразные предметы вооружения ближнего боя, в том числе копья, мечи, палашы и кинжалы. В могильниках Чендек и Яломан-II найдены скопления панцирных пластин, несомненно, входившие в состав металлических доспехов [Соёнов, Эбель, 1992, с. 42–43; Горбунов, 2003, рис. 5–11]. Среди них представлены железные пластины подпрямоугольной формы, часть которых имела один зубчатый край и была обтянута кожаным покрытием (рис.-6–9). В памятниках кок-пашской культуры на территории Восточного Алтая в составе комплекса вооружения древних номадов также представлены палашы, металлические панцири и защитные пояса [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 23–25; Худяков, 2005, с. 45]. В составе кок-пашских доспехов были пластины прямоугольной формы (рис.-10). В памятниках айрыдашского типа представлены предметы вооружения дистанционного боя и кинжалы [Худяков, 2005, с. 47]. В состав предметного комплекса верхнеобской культуры входили панцири, собранные из железных пластин [Уманский, 1974, с. 141–143, рис. 4.-2; Худяков, 1986, с. 121]. Исследователями предложены разные варианты реконструкции доспеха из памятника Татарские могилки на Верхнем Чумыше. Согласно одной из них доспех выглядел в виде нагрудного панциря с горизонтальным расположением пластин, согласно другой он представлял собой доспех, состоящий из двух частей – нагрудника и наспинника, составленных из вертикально расположенных пластин [Уманский, 1974, рис. 4.-2; Горбунов, 2003, рис. 19.-3]. В середине I тыс. н.э., на рубеже эпохи раннего средневековья, из Турфана на южную сторону Алтайских гор жужанями были

переселены древние тюрки, во главе которых находился правящий аристократический род Ашина. Древние тюрки должны были «добывать железо» и поставлять в качестве дани железные изделия, вероятнее всего, оружие, для жужаньских правителей [Бичурин, 1998, с. 225]. К культуре ранних тюрок отнесены памятники берельского типа в Горном Алтае и Верхнем Прииртышье. В оружейном комплексе ранних тюрок в составе берельского предметного комплекса представлены различные виды оружия ближнего боя, а также панцирные доспехи, составленные из железных пластин [Тетерин, 2004, с. 55–63].

Судя по достигнутым к настоящему времени результатам предшествующих исследований оружейных комплексов древних кочевников Саяно-Алтая хунно-сяньбийской эпохи, наиболее существенное влияние со стороны центральноазиатских кочевников в процессе освоения наступательного оружия ближнего боя и защитных доспехов испытали древние кочевники булан-кобинской и кок-пашской культур Горного Алтая. Однако в памятниках этих культур достаточно ограниченно представлены предметы защитного вооружения, которые можно было бы считать заимствованными у центральноазиатских кочевников, вероятнее всего, у хунну и сяньбийцев.

В то же время на южных окраинах Центрально-Азиатского историко-культурного региона, в горных и степных районах Притяньшанья и Семиречья, а также в сопредельных территориях Восточного Туркестана и Казахстана проживали воинственные древние кочевники – носители кенкольской культуры. Вполне возможно, что они совершали походы в северные районы степей Казахстана и в некоторых случаях достигали территории степного Алтая. В пользу этого предположения свидетельствуют материалы раскопок известного памятника Тугозвоново, расположенного в равнинной части Алтая. В конце 1950-х гг. в долине р. Чарыша обнаружено погребение знатного воина с палашиком и кинжалом, довольно схожее по обряду захоронения и облику сопроводительного инвентаря с памятниками кенкольской культуры Тянь-Шаня и Семиречья [Уманский, 1978, с. 134–142]. В предметном комплексе кенкольской культуры, наряду с оружием дистанционного боя, достаточно широко представлены мечи и палаши, панцирные и кольчатые доспехи, характерные для древних воинов данной культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 88–98]. Для определения сходства и отличия между средствами индивидуальной металлической защиты воинов из памятников булан-кобинской, кок-пашской культур, берельских и кенкольских комплексов необходимо сопоставить предметы защитного вооружения из комплексов данных культур.

В составе оружейных комплексов отмеченных выше культур горного и степного Алтая, а также Верхнего Прииртышья представлены панцири, составленные из прямоугольных железных пластин, часть которых имела округлые верхние края. Вполне вероятно, что в составе горизонтальных рядов они размещались вертикально, округлыми краями кверху и связывались между собой шнурами или кожаными ремешками. Пластины соединялись в горизонтальные ряды таким образом, чтобы округлые окончания пластин одного ряда частично накладывались поверх выше расположенного ряда [Горбунов, 2003, рис. 10]. Как было упомянуто выше, применительно к доспехам носителей верхнеобской культуры из памятника Татарские могилки был предложен и другой вариант горизонтального расположения пластин в составе нагрудного доспеха [Уманский, 1974, с. 141–143; рис. 4.-2]. Конструктивные особенности нагрудных панцирей и расположение пластин из воинских захоронений

в памятниках Чендек и Яломан-II в Горном Алтае позволили исследователям также предложить разные варианты реконструкции доспехов. В.И. Соёнов и А.В. Эбель [1992, рис. 4, 8] реконструировали панцирь из погребения воина в могильнике Чендек в виде нагрудника с горизонтальным расположением пластин в его составе. Такой вариант реконструкции в известной мере согласуется с расположением пластин в воинском погребении, где они были положены горизонтально в составе вертикальной полосы защитного покрытия [Соёнов, Эбель, 1992, рис. 2]. В.В. Горбунов предложил иной вариант реконструкции, при котором пластины в составе горизонтальных рядов нагрудника размещены вертикально, по ламеллярному принципу. Края пластин со всех сторон обернуты полосками кожи и прошиты кожаными ремешками. Подобный вариант реконструкции панцирного доспеха предложен им для расположения пластин, найденных при раскопках памятников Чендек и Кызыл-Таш [Горбунов, 2003, рис. 6.-3; 7-11; 21.-1-7]. Судя по имеющимся материалам из раскопок, в комплексе средств металлической защиты воинов булан-кобинской культуры преобладали нагрудные панцири с вертикальным расположением пластин. Вполне вероятно, что они могли быть заимствованы непосредственно у хунну либо у других древних кочевых этносов Центрально-Азиатского региона, находившихся в военно-политической зависимости от хуннских шаньюев. Набор средств индивидуальной металлической защиты в памятниках кок-пашской культуры Восточного Алтая довольно разнообразен. Согласно предложенной исследователями реконструкции, на могильнике Кок-Паш было обнаружено два панцирных набора из железных пластин, которые сохранились фрагментарно. Один из них реконструирован в виде нагрудника с окантовкой по краю, другой – в виде панцирной нагрудной части, дополненной чешуйчатой защитной «юбкой». В составе защитного вооружения выделены также защитные пояса с железными пластинами и поножи [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 24–25]. Можно предположить, что из этих реконструкций именно нагрудный панцирь восходит к хуннским и булан-кобинским доспехам схожей конструкции. О найденном на данном памятнике другом панцире, защитных поясах и поножах, рисунки которых в книге кемеровских исследователей не приведены, судить сложно.

На могильнике Берель обнаружен фрагмент панцирного доспеха, состоящий из нескольких пластин с окантовкой по краю. В 1965 г. А.А. Гаврилова [1965, с. 55–56; рис. 4, 13] отнесла этот памятник к племенам теле, потомкам хунну, и отметила хуннское и сарматское влияние в берельском вооружении. Одним из авторов настоящей статьи берельский доспех был определен в качестве нагрудного панциря с горизонтальным расположением пластин [Худяков, 1986, с. 131–132]. В.В. Горбунов [2003, рис. 20.-2] предложил вертикальное расположение пластин данного доспеха с окантовкой по нижнему краю. В 2004 г. Ю.В. Тетерин [2004, с. 62; рис. 10.-2] высказал предположение, согласно которому доспех из этого памятника был нагрудным, но пластины в составе панцирного набора должны были располагаться вертикально, однако разместил их вверх окантовкой. Согласно современной оценке, берельский доспех необходимо определить в качестве нагрудного защитного покрытия, в составе которого пластины составлены вертикально в горизонтальные ряды с округлыми концами наверху и окантовкой по нижнему краю. Данные ряды располагались в составе доспеха по ламеллярному принципу, который получил распространение у центральноазиатских кочевников. Вероятно, берельские нагрудные панцири по своим конструктивным осо-

бенностям могут восходить к хуннским прототипам, которые получили свое дальнейшее развитие в течение периодов доминирования в Центрально-Азиатском регионе сяньбийцев и жужаней.

При сопоставлении булан-кобинских, кок-пашских и берельских панцирей со средствами индивидуальной металлической защиты воинов кенкольской культуры было определено, что древние номады Притяньшанья имели в своем распоряжении более разнообразные пластинчатые и кольчатые защитные доспехи, чем кочевники Горного Алтая. На вооружении у кенкольских воинов были панцири, составленные из горизонтально расположенных прямоугольных пластин, входивших в состав оплечий, панцирного жилета и разделенного на части панцирного подола. Кенкольские тяжеловооруженные всадники имели на вооружении эффективные панцири, включавшие пластинчатые оплечья и жилет, составленный из железных пластин, а также двучастный подол из прямоугольных пластин с округлым нижним краем, набранные по ламеллярному принципу (рис.-13). Пластины нагрудника и часть пластин оплечий были дополнительно снабжены выгнутыми округлыми сферическими выступами, которые должны были повышать эффективность защитного доспеха в условиях применения против такого защитного покрытия разных видов колющего и рубящего оружия ближнего и рукопашного боя (рис.-11–12). В состав такого доспеха входили нарукавники из горизонтально расположенных пластин. На вооружении у кенкольских воинов были панцири из горизонтально размещенных пластин прямоугольной формы (рис.-14, 15). В распоряжении воинов были также кольчатые и комбинированные кольчато-пластинчатые доспехи, сфероконические шлемы и щиты округлой формы, дополненные металлическими окантовками [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 92–99; рис. 12, 14]. Несмотря на то, что военные отряды кенкольских воинов, по-видимому, эпизодически совершали военные походы в северные степные районы и иногда оказывались на территории Верхнего и Среднего Прииртышья, в непосредственной близости от территории Саяно-Алтая, их высокоразвитый для 1-й половины I тыс. н.э. комплекс вооружения, включавший эффективные средства ведения дистанционного и ближнего боя, а также индивидуальной металлической защиты, по всей видимости, не оказал сколько-нибудь заметного или достаточно существенного влияния на развитие защитных доспехов местных южносибирских кочевых племен, в том числе на панцирную защиту ранних тюрок, переселенных жужанями на южные склоны Алтайских гор из Восточного Туркестана в середине I тыс. н.э. Вполне вероятно, что кенкольские панцирные и кольчатые доспехи оказались достаточно сложными для изготовления в местных кустарных условиях, характерных для оружейного ремесла ранних тюрок и других этнических групп саяно-алтайских кочевников. Древнетюркские мастера-оружейники смогли в полной мере освоить производство ламеллярных панцирей в течение последующего периода, на рубеже эпохи раннего средневековья, поставляя произведенное ими оружие в качестве дани правителям Жужаньского каганата. Надо полагать, что возможность необходимого обеспечения своих воинов эффективным наступательным оружием и защитным вооружением позволила тюркам под предводительством своих правителей из правящего рода Ашина в результате развернувшихся военных действий одержать убедительную победу над своими противниками – жужанями и объединить в середине I тыс. н.э. под своей властью все кочевые племена степного пояса Евразии в рамках Первого Тюркского каганата.

Библиографический список

- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы : ТОО «Жалын баспасы», 1998. Т. I. 390 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 236–246. (Археология СССР).
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 143 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1985. 111 с.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–106.
- Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей. Л. : Наука, 1983. С. 33–41.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1. С. 37–82.
- Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.
- Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 129–163.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в II–V вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 19–55.
- Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 163–169.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko, Z. Orozbekova

EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARMOUR OF WARRIORS OF THE XIONGNU AND XIANBEI TIMES OF THE SAYAN AND ALTAI MOUNTAINS AND TIAN SHAN

Article considers the evolution of protective armament, including metallic armour in the composition of weapon complexes of the ancient nomads of the Sayan and Altai Mountains in the end of the 1st millennium B.C. – the 1st half of the 1st millennium A.D. That evolution occurred under the influence of the nomadic unions of Central Asian ethnoses of the Xiongnu and Xianbei people. Consideration is given to the findings of armour plates in the Bulan-Kobin, Kok-Pash and Berel monuments in the territory of the Altai Mountains region; to the influence of the ancient nomads of Central Asia on development of the armour of nomadic tribes residing in the Altai Mountains in the Xiongnu and Xianbei times. Comparative analysis of protective armament of the nomads residing in the Altai Mountains and Tian Shan during that period allowed the authors to find out that the ancient nomads of Southern Siberia came under the influence in weapon manufacture from the direction of the Xiongnu and Xianbei people. At the same time no influence is traced in this sphere from the nomadic tribes of Tian Shan.

Key words: nomads, Xiongnu, Xianbei, Old Turkic people, warriors, armour, comparative analysis, Sayan and Altai Mountains, Tian Shan.

References

Bichurin N.Ya. Sbranie svedenii o narodakh, obitavchil v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of Data on the People Living in Central Asia in Ancient Times]. Almati : Jalin baspasi Publ., 1998. T. I. 390 p.

Bobrov V.V., Vasiutin A.S., Vasiutin S.A. Vostochnii Altai v epolhu Velikogo pereselenia narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Era of the Great Migration (the 3rd–7th Centuries)]. Novosibirsk : IAET Publ., 2003. 224 p.

Vadeckaia E.B. Tachtikskaiia kultura [Tashyk Culture]. Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifosarmatskoie vremja [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow : Nauka Publ., 1992. Pp. 236–246.

Gavrilova A.A. Mogilnik Kudirge kak istoshnik po istorii altaiskikh plemen [Burial Ground Kudyrge as a Source on History of the Altai Tribes]. Moscow ; Leningrad : Nauka Publ., 1965. 143 p.

Gorbunov V.V. Voennoie delo naselenia Altaia v III–XIV vv. Ch. I. Oboronitelnoie vooruzhenie (dospekhi) [Warfare in the Altai Population in the 3rd–14th Centuries. Part. 2. Offensive Arms (Weapons)]. Barnaul : Alt. Un-t Publ., 2003. 174 p.

Davidova A.A. Ivolginskii kompleks (gorodiche i mogilnik) – pamjatnik khunnu v Zabaikalie [Ivolginsky Complex (Settlement and Burial Ground) – a Monument to the Huns in Transbaikalia]. Leningrad : Lty. Un-t Publ., 1985. 111 p.

Kojomberdiev I.K., Hudyakov Yu.S. Kompleks voorukenia kenkolskogo voina [Complex of Armament of the Kenkol Warrior]. Voennoie delo drevnego naselenia Severnoi Azii [Military Science of the Ancient Population of Northern Asia]. Novosibirsk : Nauka Publ., 1987. Pp. 75–106.

Soenov V.I., Ebel A.V. Kurgani gunno-sarmatskoi na Verhnei Katuni [Burial Grounds in the Xiongnu and Sarmatian Times in the Upper Course of the Katun River]. Gorno-Altaiisk : Gor.-Alt. ped. In-t Publ., 1992. 116 p.

Stambulnik E.U. Novie pamjatniki gunno-sarmatskogo vremeni v Tuve (Nekotorie itogi rabot) [The New Monuments of the Xiongnu and Sarmatian Times in Tuva (Certain Results of the Works)]. Drevnie kulturi evraziiskikh stepei [The Ancient Cultures of Eurasian Steppes]. Leningrad : Nauka Publ., 1983. Pp. 33–41.

Teterin Yu.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaia berelskoi epokhi [The Armament of Nomads of the Altai Mountains of the Berel Time]. Voennoie delo narodov Sibiri i Centralnoi Azii [The Military Science of the People of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib Un-t Publ., 2004. Issue 1. Pp. 37–82.

Umanskii A.P. Mogilniki verkhneobskoi kulturi na Verkhnem Chumishe [Burial Grounds of the Upper Ob Culture in the Upper Course of the Chumysh River]. Bronzovii i zheleznyi vek Sibiri [The Bronze and Iron Ages of Siberia]. Novosibirsk : Nauka Publ., 1974. Pp. 136–149.

Umanskii A.P. Pogrebenie epokhi velikogo pereselenia narodov na Charishe [The Burials of the Era of Migration Period at the Charysh River]. Drevnie kulturi Altaia i Zapadnoi Sibiri [Ancient Cultures of the Altai Mountains and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka Publ., 1978. Pp. 129–163.

Hudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovikh kochevnikov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii [Arms of the Medieval Nomads in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka Publ., 1986. 268 p.

Hudyakov Yu.S. Vooruzhenie zentralno-aziatskikh nomadov v II–V vv. n.e. [Armament of Central Asian Nomads in the 2nd–5th Centuries AD]. Voennoie delo nomadiv Centralnoi Azii v sianbiiskuiu epokhu [Warefare of Central Asian Nomads in Sianbi Era]. Novosibirsk : Novosib. Un-t Publ., 2005. Pp. 19–55.

Hudyakov Yu.S., Alkin S.V., Yui Su-Khua. Sianbi i Yujnaia Sibir [The Xianbei and Southern Siberia]. Drevnosti Altaia. Izvestia laboratorii arkheologii [Antiquities of the Altai Mountains. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altaiisk : GAGU Publ., 1999. №4. P. 163–169.

Hudyakov Yu.S., Yui Su-Khua. Kompleks vooruzhenia sianbi [Complex of Armament of the Xianbei]. Drevnosti Altaia. Izvestia laboratorii arkheologii [Antiquities of the Altai Mountains. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altaiisk : GAGU Publ., 2000. №5. Pp. 37–48.

Arman Z. Beisenov¹, Lorenzo Kreshioli²,
Gulnara S. Jumabekova¹, Galiya A. Bazarbayeva¹, Elena Barinova³

¹*A.Kh. Margulan Archaeology Institute, Almaty, Kazakhstan;*

²*Ca' Foscari University of Venice, Venice, Italy;*

³*Ligabue Study and Research Center, Venice, Italy*

THE EARLY IRON AGE BURIAL GROUND KASPAN-6 IN JETYSU*

The article presents results of the research work on the kurgans of the Saka time in Jetysu. Based on the analysis of burial construction elements it is assumed that socially important people were buried in the Kaspan kurgans. Some elements of complex funeral and commemorative events were revealed. A number of elements such as parameters of grave construction, presence of earthwork, clay filling, dromos, skull trepanation allow speaking about elite features of such burials.

In 2013–2015 the expedition of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology with the Legabue Study and Research Centre (Venice, Italy) conducted research of a large burial ground Kaspan (Kerbulak District, the Almaty region). Besides the authors, on the Kazakh side such researchers as K.A. Jambulatov, T.M. Duisenov, D.B. Duisenbay took an active part in field works and Massimo Kazarin (Legabue Study and Research Center) and Nicolò Fiore (University Ca' Foscari) participated in the work on the Italian side.

The studied area is a part of south-east Jetysu (From Kazakh “jety” – seven, “su” – river. The Land of Seven Rivers). The region includes different natural landscape zones: mountains with eternal snow, vast piedmont plains, sandy deserts, numerous rivers. In the north it is bounded by the Lake Balkhash. The geographic region, called the Ile-Balkhash basin, is identified with the names of the Jetysu seven major rivers. The largest river is the Ile. The rest of the rivers are Karatal, Bien, Aksu, Lepsy, Baskan, Sarkand originate in Jetysu Alatau. A large number of these mountain rivers flow into the Lake Balkhash.

Monuments near the village Kaspan are confined to the towering points on the ground, they are located in the valley of the Bizhe (Byzhy) river. The valley is surrounded by the Jetysu Alatau mountains. It is known that treasure was found in the Bizhe valley, in an area of modern Algabas village. It belongs to the early Saka time.

Key words: Jetysu, Saka time, early nomads, kurgan, funeral rites, ritual, grave constructions, migration.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-09

Introduction

In 2013–2015 the expedition of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology and the Legabue Study and Research Centre (Venice, Italy) conducted studies of a large burial ground Kaspan (Kerbulak District, Almaty region). Besides the authors, K.A. Jambulatov, T.M. Duisenov, D.B. Duisenbay took active part in field works from Kazakhstan and Massimo Kazarin (Legabue Study and Research Center) and Nicolò Fiore (University Ca' Foscari) on the Italian side.

The studied area is a part of south-east Jetysu (From Kazakh “jety” – seven, “su” – river. The Land of Seven Rivers). The region includes different natural landscape zones: mountains with eternal snow, vast piedmont plains, sandy deserts, numerous rivers. In the north it is bounded by the Lake Balkhash. The geographic region, called the Ile-Balkhash basin, is identified with the names of the Jetysu seven major rivers. The largest river is Ile. The rest of the rivers are Karatal, Bien, Aksu, Lepsy, Baskan, Sarkand originate in Jetysu Alatau. A large number of these mountain rivers flow into the Lake Balkhash (Fig. 1; 2).

* Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект №2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века Степной Евразии».

Fig. 1. The location of the Kaspan

Fig. 2. The burial ground Kaspan-6 (Photo from the mound 1)

Monuments near the village Kaspan are confined to the towering points on the ground, they are located in the valley of the river Bizhe (Byzhy). The valley is surrounded by Jetysu Alatau mountains. It is known that treasure was found in the valley Bizhe, in an area of modern village Algabas. It belongs to the early Saka time [Akishev K.A., Akishev A.K., 1978].

The Burial Ground Kaspan-6, kurgan №1

The burial ground Kaspan-6 kurgan №1 is south in the chain and the largest one. Its height is 3 m, and diameter is 36 m (Fig. 3). The top of the kurgan is flattened, the sink diameter is about 3 m, the western slope of the kurgan is flatter. The section features: the profile of the kurgan through the east-west has shown the following construction elements: under the turf a loose layer of aeolian sediment is fixed. Above the grave clay fill in the depth of 1,40 m from the top is fixed, over the top there is a layer of small stones. The fill is dense, solid, from well washed homogeneous clay. There is very loose, uniform brown, soft and light soil around it.

Fig. 3. The burial ground Kaspan-6, mound 1, the profile

Along the edges of the clay fill the earthwork is fixed, it is built around the grave. It is on the platform underlying all the layers of the mound – dense clay or compacted clay fill (?). The depth of the platform from the top of the kurgan is 2,9 m. The height of the earthwork was 1,6–1,9 m above the platform. It can be assumed that it was built before the final backfill of the grave (?).

Between the layer of the turf and the earthwork the mound consists of light gray-brown rather loose soil, apparently, put on top of the earthwork. It is fortified in the hill beside the small and medium-sized stones – crepidoma. Finally, on the surface and behind the crepidoma rather loose darker gray-brown soil is fixed which is probably an aeolian deposit (?).

In the deepening of the center of the grave there was a round pit which appeared due to the robbery. Very hard ground in the clay fill is traced in the grave. The earthwork is at the depth of 0,78 m. The sink smoothly passes into predatory hole, which has rounded contours.

Some human bones can be found in the part which was robbed. It is shifted to the southwest part of the grave and is fixed in its southern wall.

After sampling a layer of stones in the robbed part the burial of the animal probably of a dog [The arhaeozoologist P.A. Kosintsev thinks] was found (Fig. 4). The animal is in situ, lying compactly, and is possibly transferred in running posture. The top of the animal was covered with liquid clay (?).

About 30 poles, originating at the edge of the grave were revealed in the south-western wall of the grave. The exact number is difficult to calculate due to the very poor state of preservation. Poles are laid closely together. Their diameter is 3–13 cm, length was 3 m, at the east – 4 m. The tree on the south-west wall of the chamber part is absent. This suggests that the robbery took place after the pole overlapping the chamber fell down (Fig. 5).

The burial chamber is subrectangular with rounded corners, measuring $4,1 \times 4,7$ m, oriented in the general angle of the compass. Its depth is 2,2 m.

The grave itself, into which originally the dead were put is oval, relatively deepened to the chamber bottom on 0,30 m. It is located along the north-eastern wall of the grave. In the east wall there is a small niche with fragments of human bones. At the bottom of the grave

Fig. 4. The burial ground Kaspan-6, mound 1. The burial of the dog in the robbed part

many pieces of wood and human bones were found. Among them there were skull fragments of three people, including one child. Skulls, as well as many bones are broken and scattered. Their positions suggest that the dead were laid with their heads in the east-west-south direction. The pit is elongated along the line west-north-west to east-south-east.

The bottom part of the grave has pits from back posts. In total, there are six of the pits which were filled by clay and later a post was put there.

On the east-south side of the grave there was dromos (Fig. 6), covered with poles across the length. The number of poles is 19. Their diameter was – 5–15 cm. Dromos dimensions: $1 \times 2,5$ m length 4,45 m and depth – 0,3–1,8 m.

During excavations the crepidoma construction was identified: it is based on a large plate and boulders, which are oriented along a circle line by a long axis. They are close to each other, flat and are on the edge. There are 5–6 of such rows, and the layer is one. From above they are sprinkled with smaller stones. Crepidoma width was 3,2–4,8 m.

In the west part of the kurgan a fallen stela was discovered. Perhaps it was originally dug, or put among the rocks by narrow ends of crepidoma (?). Dimensions: $1,2 \times 0,2$ m.

Fig. 5. Kaspan-6, mound 1, the chamber

Fig. 6. Kaspan-6, mound 1, the chamber

The Burial Ground Kaspan-6, kurgan №4

Kaspan-6, kurgan №4. The height of the kurgan is over 3 m, the diameter is 30 m. At the top of the kurgan under the sod the stelae was found. Stelae dimensions are: 83 × 45 (36) × 22 cm.

The top of the kurgan is flattened; in the center the earthwork is fixed. In terms of the kurgan the earthwork is fixed around the grave. The boundaries of the earthwork are marked by several lenses – thin layers of dense clay. The earthwork fill is loose soil of a light brown colour. In touchline four earthwork layers are traced. Perhaps, they suggest that the earthwork was poured into four stages, and each time the earthwork slopes were compacted. This results in a thin layer of dense gray-yellow clay, poured in the liquid state (or compacted wet clay) on the top of the mound of loose structure. In certain places this crust is 6 cm thick.

The stratigraphic section shows the barrow platform – rammed or poured dense clay of light gray colour. Its capacity is up to 8 cm. Under it the mainland is fixed (Fig. 7).

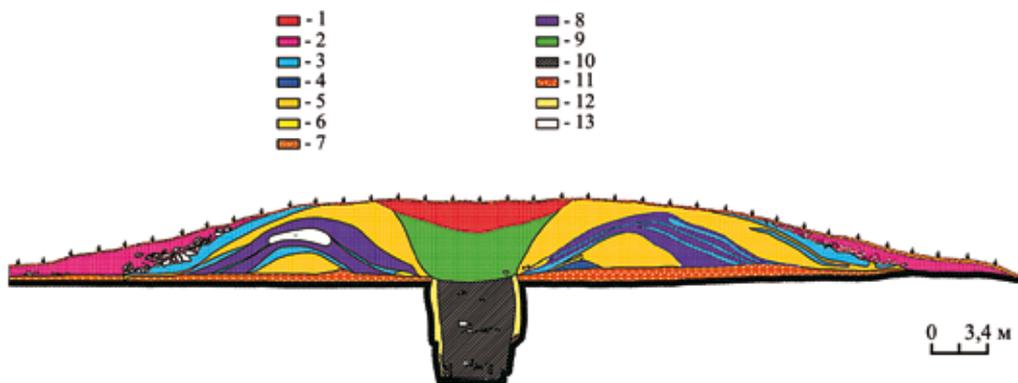

Fig. 7. Kaspan-6, mound 4, the profile. Legend: 1 – the loose brown soil; 2 – the loose brown soil; 3 – the white dense clay; 4 – the light gray dense clay; 5 – the loose light brown soil; 6 – the loose red-brown soil; 7 – the turf; 8 – the dense light loam; 9 – the dense light loam; 10 – the dense gray-yellow clay; 11 – the light gray very dense clay; 12 – the sand; 13 – the hole

As a result of the excavation works it can be assumed that the kurgan was erected on a pre-aligned and filled slurry or compacted (?) platform. In the center of the site the grave was dug. Later, when a person was buried there, the grave was filled with slurry. Over the grave a clay structure, which initially, had the shape of a dome was revealed. Its top is revealed below the top of the kurgan to 1 m. The dome diameter is 1,5–2 m above and $3,8 \times 4$ m at the base, its height – 2 m. The top of the dome was reinforced by a layer of small and medium-sized stones.

In general, the clay conglomerate over the grave is very hard and dense (or moistened with compacted clay) with two layers of stones. They were likely used as packers and a layer of small stones was on the top structure. White thin dense layer of soil in the conglomerate may reflect a certain state of clay fill – sedimentation, hardening. As a result, the dome was very dense and hard. It stands on the clay fill, which marks the contours of the grave. In general, the grave was covered with the dome.

The whole complex consists of two components, a large grave with the conglomerate in the form of a dome and a small pit on the south side of it.

The grave had clay fill. According to the identified edges of the grave two boundaries were recorded different in color and density. This may reflect two stages of the pit fill or its drying. Around the grave two rows of pits on vertical poles installed on the level below the kurgan platform were fixed. Some pits are doubled. In addition to round pits square ones were identified as well. The outer circle of the grave was formed by larger pits. In general, pits from the poles apparently were in some circles – around each fill.

Several layers of stones were found in the fill of the main grave. At the depth of -0,14 to -0,82 m a stone structure in the form of an oval was fixed. It is based on large rocks in a single layer, over which smaller stones were put. At the southernmost point of the stone structure a phalanx of human foot was fixed.

Some vertical crack were identified in the pit (2). Perhaps they were formed as a result of the shrinkage of the clay fill. According to one of the cracks along the bottom pole some rounded pits were identified.

When extracting the grave fill its shape was identified: oval and elongated along the west-east line. At the point 0,98 m in the south part of the pit wall an animal skeleton – perhaps of a fox (?) was found. The limbs of the animal are under the body, it is in relaxed posture, its head is turned to the east.

At the depth of 1,7 m in the layer of very dense clay another layer of small stones, pieces of the two poles were revealed. On the walls of the pit a layer of sand was identified. Its capacity increases to the bottom as the “run-off” down to 30 cm. At the depth of -1,8 m a third layer of stones is fixed.

At the depth of 1,83 to 2,49 m a pile of stones, elongated along the west-east line, mostly tiled were revealed in the pit. Stones from the grave construction are recorded lower – at the depth of -3,23 m. At the heart of it the fence facing slabs along the west wall of the pit is viewed. Inside the fence, in the western half the type of construction resembling the box is determined which is elongated along the northwest-southeast line. In the corners of the pit the remnants of a tree with the diameter of 3–4 cm were found. At the depth of -2,88 to -3,19 m after the removal of small stones construction plates were revealed, made in the form of a box installed along the western wall of the grave. In the bottom part, especially in the west end, cluster bronze/copper beads, wood fragments, the

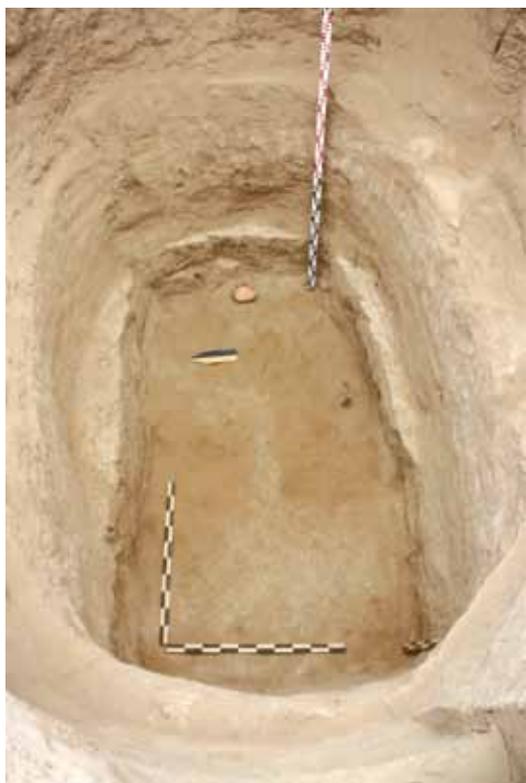

Fig. 9. Kaspan-6, mound 4, the chamber.
The fragment of the occipital bone
of the skull at the *east end*

remains of poles were found. In the south-west corner of the pit seven plates, standing in an inclined position in three rows close to each other, the height of which is 15–20 cm above the floor, they are at different heights. In the other parts there are scattered plates, stones and human bones (Fig. 8). Only one fragment of the occipital bone of the skull at the east end of the pit was apparently preserved in situ (Fig. 9). Among the other findings a comb made of horn or bone can also be called. Pit on the bottom has subrectangular form and is focused on the east-west line.

In the south towards the grave there are stones at the mouth of the pit. They were in clay fill of gray-yellow color. It is a shallow pit with sharp edges in the form of a rectangle with rounded corners, elongated along the west-east line.

At the distance of about 3 m from the edge of the kurgan mound the ring of stones on the average width of 3,5 m crepidoma was found. Stones are of medium and small size. They lie in a single layer on a slope embankment, at least – in 2–3 layers (small). Larger ones are at the bottom

Fig. 8. Kaspan-6, mound 4, the chamber

layer, small were put on top. Large stones are put in order, close to each other. Crepidoma goes down on floors of the kurgan under the sod on a slope embankment, resting on the platform. Its total capacity reaches 0,7 m.

In addition three more stelae were found on top of the kurgan during the excavations. Fallen stela was found on the east side of the grave, on the inside edge of the earthwork. The difference in height between the stelae 1 and 3 is 0,80 m.

In the laboratory of radiocarbon dating in Belfast (United Kingdom, project curator S. Svyatko) and in the laboratory of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (performer – M.A. Kulkova) calibrated dates were obtained which are defined with the interval from the end of the 8 to the middle of 5 cc. BC. e., that coincides with the peak of the Saka culture.

AMS ¹⁴C dates of the analysed samples from the burial ground Kaspan-6, kurgans №1, 4

Lab number	Monument	¹⁴ C BP	Calibrating date (1σ)	Calibrating date (2σ)
UBA-24075	Kaspan-6, kurgan №4	2466±33	68,3% Cal BC 751–682 (0,384) 669–634 (0,189) 628–613 (0,066) 592–516 (0,361)	95,4% Cal BC 765–471 (0,946) 466–430 (0,054)
SPb-1445	Kaspan-6, kurgan №1	2500±45	68,2% Cal BC 772–731 (15,2%) 691–660 (11,8%) 651–544 (41,3%)	95,4% Cal BC 794–477 (94,3%) 444–432 (1,1%)

Discussion

Thus, the excavations revealed some constructions belonging to the Saka time, which demonstrate new features of funeral rites for Jetysu. These include: the use of liquid clay, the construction of grave structures in the form of a dome from sterile clay, construction of the earthwork around the grave pit, mix of clay, wood and collective burial of people and dogs.

Some of the identified features allow speaking about complex funeral rites and when they took place the grave pit was open for a while. The construction of burial and memorial structures is a gradual long-term process. The question about the ritual character of the robbery arises.

The idea that the grave pit was open for some time can be proved by such facts as broken and scattered plates of stone construction at the bottom of the kurgan №4, and the number of plates is at higher level than on the east and west walls; there is very firm ground – fill of the grave with layers of stones and over a pit in the kurgan mound (?). The kurgan №1 has obvious traces of the robbery, not only predatory one with a dog burial, but also with scattered bones of people over the grave. At the same time such facts as fallen ceiling of the burial chamber of the poles possibly indicate phasing of burial and funeral rites.

The fact that the graves in Kaspan could be open for some time, and after a series of stages of burial and funeral actions were filled with clay and covered can be proved by analogies identified in Tuva [Kilunovskaya, 2014]. According to archaeological materials many facts proving the presence of dromos tombs in the early Iron Age burial grounds in various regions of the Eurasian steppe are known. Dromos is common for the monuments of the Saka time in the Aral Sea region [Itina, Yablonsky, 1997], they are present in the monuments of the

South Ural Sarmatians [Ochir-Goryaeva, 2012]. The reason for existence in the South Ural kurgans in the 6th–5th cc. BC. of the Saka cultural parallels allowed the researchers to suggest that at the end of the 6th c. BC. a large group of nomads of the Aral Sea region was included into the South Ural Union. The elitist nature of these kurgans is worth paying attention to [Gutsalov, 2007]. Specialists on funerary monuments of the South Ural generalized materials on dromos structures in the region, taking into account the results of K.F. Smirnov's research [Moshkova, Malashev, Meshcheryakov, 2011, p. 302]. The earliest burial refers to the 7th – the middle of the 6th cc. BC – to the 4th BC. According to new data, among kurgans of Tasmola culture of Central Kazakhstan over 20 tombs with dromos graves were recorded (Bakybulak, Karashoky, Nurken-2, Sherubay, Taldy-2, etc.). Dromos is quite heterogeneous. A.Z. Beisenov suggested that dromos is a common feature of the funeral rite of the early Saka population of the east of the Eurasian steppe, which originated from the late Bronze Age. He believes that for the Saka era of Kazakhstan dromos should be considered a local tradition [Beisenov and etc., 2015, p. 18].

On the people's skulls from the elite Tasmola burials traces of trepanation were revealed. Facts of posthumous trepanation in burials of Pazyryk, Sagly and other archaeological cultures are also associated with high social status of the dead. These findings of posthumous trepanation indicate the existence of the complex traditions of farewell and burial of representatives of the tribal nobility of the population of Central Kazakhstan and Central Asia [Beisenov et al., 2015, p. 129, 133].

The analysis of the Saka funerary monuments in Saryarka in the context of the formation of the early Saka cultural complex allowed A.Z. Beisenov to include monuments of Biyken and Mayemer cultures of Altay, Tasmola culture of North and Central Kazakhstan, South Ural, Tagar kurgans of Podgornov stage, monuments of Besshatyr culture of Jetysu, which are genetically related to Begazy-Dandybay culture. Mausoleums of the pre-Saka time of North Tagisken are close to them [Beisenov, 2014].

Stelae in kurgan construction is one of the characteristic features of the early Saka kurgans of Altai and East Kazakhstan. Researchers interpret them as symbols of the hearth, home, certificate on the territory of the universe axis (the World Tree). Such elements as the dromos, stelaes and animal burials are common for the burials of the early Saka Mayemer culture [Jumabekova, Bazarbayeva, 2011]. Graves of dromos type are widespread in Jetysu [Ismagil, 1996]. New data suggests that the Jetysu mountain valleys are zones of active contacts in the Saka time, as well as the starting point for the migration of some tribes to the west and north-west. Comparative analysis of the funerary monuments of the end of the 2nd – first half of the 1st millennium BC of Ural-Kazakhstan steppes leads to the conclusion about the possibility of removing crop of the early nomads from the preceding cultures of the Late Bronze Age.

Dog's burial is another unusual tradition. This element of the funerary tradition can be found in the wider area of the Scythian/Saka world. It is proposed to consider these facts as a reflection of the cult of the dog guarding this place and serving as a guide to the underworld [Gutsalov, 2005, p. 442]. As for dog burials in the kurgan №9 of the burial ground Karagai-Bulak of the Usun time A.K. Abetekov reconstructs the situation as follows. This tomb was robbed long after the burial, then the tomb was closed by stones and the dog was buried there. Then, at a higher horizon at slab of rock the second dog was burned and buried [Abetekov, 1978].

Based on the analysis of dog graves on the territory of Olbia it has been suggested that the dogs played a role of sacrificial animals and apotropaion. Dogs buried directly in the graves can be seen as guardians of the underworld, conductors, taking the dead souls to another world. In one of the burials the presence of the dogs is explained by the fear of persecution of the executed [Papanova, 2004]. Dog graves on the territory of the Northern Black Sea have been divided into three areas by V.S. Sinika. However, the purpose of the dog burial is reconstructed by the researcher, as a symbolic protection and accompanying of the buried into another world [Sinika, 2006, p. 59]. It has also been concluded based on the graves of horse and dog that they had special status in the funeral and memorial rites. Perhaps this is the status of mediators – translators from one world to the other [Hrshanovsky, 2000]. The overview of dogs and other animals' burials (pigs, horses) in Novosibirsk Ob is provided in a joint article of T.N. Troitskaya and A. Shishkin [Troitskaya, Shishkin, 2004]. The ritual meant implementation of the bloody sacrifices and took place after breaking the grave. The purpose of the ritual was to create a barrier that protects the living from the adverse effect of the lower world.

As for the dog burial in Jetysy, we believe that in this case we deal with a similar ritual of grave robbery and dog sacrifice.

Conclusion

Thus, we can assume that in Kaspan kurgans socially important persons were buried. In addition to the stated above features of elitism, the craniotomy can be named as well as one of the facts, which was revealed on the preserved skull fragment from the kurgan №4 by the anthropologist Ye. Kitov.

References

- Abetekov A.K. O pogrebenii sobaki v usun'skom kurgane v Chujskoj doline [About Dog Burials in Usun Kurgan in the Chui Valley]. BRAI (Brief Reports of Archaeology Institute). 1978. №154. Pp. 59–65.
- Akischev K.A., Akischev A.K. Problema hronologii rannego jetapa sakskej kul'tury [The Problem of the Early Stages Chronology of the Saka Culture]. Archaeological Monuments of Kazakhstan. Alma-Ata : Nauka, 1978. Pp. 8–63.
- Beisenov A.Z. Drevnie sokrovishha Saryarki [Ancient Treasures of Saryarka]. Almaty, 2014. 196 p.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov Ye.P., Kitova A.O. Naselenie Central'nogo Kazahstana v I tysjacheletii do n.je [The Population of Central Kazakhstan in the 1st Millennium BC]. A.Kh. Margulan Institute of Archaeology. Almaty. 2015. 188 p.
- Gutsalov S.Y. Volch'e plemja (k semantike obraza volka v iskusstve drevnih kochevnikov Juzhnogo Urala) [Wolf Clans (to the Semantics of the Image of the Wolf in the Art of Ancient Nomads of the South Ural)]. Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In Memory of Olkhovskiy V.S. Collective Articles. Moscow, 2005. Pp. 37–447.
- Gutsalov S.Y. Pogrebal'nye pamjatniki kochevoj jeliti Juzhnogo Priural'ja srediny I tys. do n.je. [Funerary Monuments of the South Ural Nomadic Elite in the Middle of the 1st Millennium BC]. Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2007. №2 (30). Pp. 75–92.
- Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. V poiskah sledov svernuvshejsja pantery: k izucheniju pamjatnikov Majemerskoj stepi [In Search of Traces of a Coiled Panther: Studies of the Monuments of the Mayemer Steppe]. History and Archaeology of Semirechye Collective Articles. Almaty, 2011. Pp. 67–88.
- Ismagil R. Sarmatskoe okno v Evropu [Sarmatian Window to Europe]. Questions of Archaeology of Western Kazakhstan. Collective articles. Vol. 1. Samara, 1996. Pp. 176–211.
- Itina M.A., Yablonsky L.T. Saki Nizhnej Syrdar'i (po materialam mogil'nika Juzhnyj Tagisken) [Lower Syr-Darya Saka (Based on the Materials of the Burial Ground South Tagisken)]. Moscow : "Russian Political Encyclopedia", 1997. 187 p. with illustrations.

Kilunovskaya M.E. Zakonomernosti "razgrablenij" kurganov skifskogo vremeni v Tuve [Patterns of "Looting" Kurgans of the Scythian Period in Tuva]. Abstracts. Proceedings of the IV (XX) All-Russia Archaeological Congress in Kazan. Kazan, 2014. Vol. II. Pp. 110–112.

Moshkova M.G., Malashev V.Y., Meshcheryakov D.V. Dromosnye i katakombnye pogrebenija Juzhnogo Priural'ja savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and Catacomb Burials of South Ural of Savromat and Early Sarmatian Time]. Funeral Rite of the Early Eurasian Nomads: Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia. Vol. III. Collective articles. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center RAS, 2011. Pp. 302–317.

Ochir-Goryaeva M.A. Drevnie vsadniki stepej Evrazii [Ancient Horsemen of Eurasian Steppes]. Moscow : Taus, 2012. P. 472.

Papanova V.A. Pominal'no-pogrebal'nye obrjady nekropolja Ol'vii, svjazannye s kul'tom htonicheskikh bogov i geroev [Memorial-Funeral Rites of Olbia Necropolis Associated with the Cult of Chthonic Gods and Heroes]. Proceedings of the Faculty of History of Zaporizhzhya State University. Zaporozhye, 2004. Vol. 18. Pp. 296–299.

Sinika B.C. O kul'te sobaki u skifskogo naselenija Severnogo Prichernomor'ja v VI–II vv. do n.je [The cult of Dog in the Scythian Cult of the Northern Black Sea Coast Population in the 6th–2nd cc. BC]. International Relations in the Black Sea Basin in the Scythian and Ancient times: Collective Articles of XI International Scientific Conference. Rostov-on-Don, 2006. Pp. 58–60.

Troitskaya T.N., Shishkin A.S. O nekotoryh pogrebenijah zhivotnyh v Novosibirskom Priob'e [Some Burials of Animals in Novosibirsk Ob]. Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 2004. №4. Pp. 114–118.

Hrshanovsky V.A. Zhertvoprinoshenie v pogrebal'no-pominal'noj obrjadnosti evropejskogo Bospora II v. do n.je. – IV v. n.je. (po materialam arheologicheskikh raskopok nekropol'ev Ilurata i Kiteja) [Sacrifice in the Funeral and Memorial Rites in European Bosphorus in the 2nd BC – 4th BC (Based on Archaeological Excavations and Ilurat and Kitei Necropolis). Sacrifice: Ritual in Culture and Art from Ancient Times to the Present Day. Moscow, 2000. Pp. 241–252.

А.З. Бейсенов, Л. Крешиоли, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Е. Барина **МОГИЛЬНИК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА** **КАСПАН-6 В ЖЕТЫСУ**

Изложены результаты исследования курганов сакского времени в Жетысу. На основе анализа элементов погребальной конструкции высказано предположение о том, что в курганах Каспана захоронены социально значимые лица. Выявлены элементы сложного и продолжительного цикла погребально-поминальных действий. Ряд элементов (параметры погребального сооружения, наличие вала и глиняной заливки, дромоса, трепанация черепа) позволяет говорить об элитарном характере таких погребений.

В 2013–2015 гг. экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана совместно с Центром научных исследований Легабуе (Венеция, Италия) проводились исследования большого могильника Каспан (Кербулакский район, Алматинская область). Помимо авторов, с казахстанской стороны активное участие в полевых исследованиях принимали К.А. Жамбулатов, Т.М. Дюсенов, Д.Б. Дуйсенбай, с итальянской стороны – Массимо Казарин (Центр научных исследований Легабуе) и Николо Фиор (Ка'Фоскари университет).

Рассматриваемый участок относится к юго-восточной части Жетысу (в переводе с казахского «жеты» – семь, «су» – вода; другими словами: «Страна семи вод/рек»). Данный регион включает разные природно-ландшафтные пояса: горы с вечными снегами, обширные предгорные равнины, песчаные пустыни, многочисленные реки. На севере он ограничен озером Балхаш. Географический регион, называемый Иле-Балхашским бассейном, отождествляется с названиями семи главных рек Жетысу. Самая крупная река – Иле. Остальные реки – Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд – берут свое начало в Жетысу Алатау. Большое количество этих горных рек впадают в озеро Балхаш.

Памятники в районе с. Каспан приурочены к возвышающимся точкам на местности, находятся в долине р. Бижэ (Быжы). Долину окружают горы Жетысу Алатау. Известно, что ранее в долине Бижэ, в районе современного с. Алгабас, был найден клад, датируемый раннесакским временем.

Ключевые слова: Жетысу, сакский период, ранние кочевники, курганы, погребальный обряд, ритуал, погребальные конструкции, миграции.

Gulnara S. Jumabekova, Galiya A. Bazarbayeva

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

NEW RESEARCH RESULTS OF TURGAY NOMADS' CULTURE*

The article presents the brief results of field research conducted in 2015. The purpose of this work was to obtain new data on Turgay nomadic culture from the early Iron Age and to the time of the ethnographic present. The work was done by two teams. As a result, the first (under the guidance of A.Z. Beisenov) revealed monuments of religious architecture of the Kazakhs. Preliminary analysis of the epitaphs on kulpytas (read by A.Z. Beisenov) can be considered as an informative source for the further studies of the written traditions of the Turgay Kazakhs [Beisenov, Jumabekova, Bazarbayeva, 2015a]. Turgay kulpytas as a historical source, as monuments of folk culture, need protecting. The main task of the second group was to study the burial ground of Tasmola culture located near the Ashutasty village in the Arkalyk district of the Kostanay region. Architectural features of the ground constructions, elements of funeral rites as well as analysis of the obtained findings allow us to refer the investigated subject to 7–6 cc. BC. Along with the excavation of the kurgan №10 reconnaissance study of another burial ground Ashutasty-2 of Tasmola culture took place. The complex includes an object with stone ridges and several kurgans, elongated into the chain on the north-south line. A specific feature of this monument is the discovery in the ridge of statuary monuments, made of stone: sculpture and anthropomorphic stele.

Key words: Turgay, Saka, the Kazakhs, culture, funeral rites.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-10

Introduction

In the field season of 2015 two teams of prehistoric archaeology department of A.Kh. Margulan Archaeology Institute conducted research and stationary works in Turgay.

The research work on the ethnoarcheology was done by first Turgay team (under the guidance of A.Z. Beisenov). In the course of exploration work in south Turgay kulpytas was studied which was available in the cemeteries of the 19th – early 20th centuries. The preliminary analysis of the epitaphs gives very interesting results. In particular, the nature of gravestone inscriptions can clearly show that there are three traditions. They mark periods of the Kazakh history is associated with the ritual of constructing kulpytas with certain inscriptions. In the first tradition the epitaph was made only in Arabic script (The inscriptions were read by A.Z. Beisenov). In the second tradition the inscriptions were made in Arabic script and the Cyrillic alphabet. The third tradition depicts only the Cyrillic alphabet. The analysis of such small nuances depicts a relatively short period of time associated with the transformation of the written traditions of the Turgay Kazakhs [Beisenov, Jumabekova, Bazarbayeva, 2015a]. Turgay kulpytas as a historical source and monuments of national culture requires preservation.

According to A.Z. Beisenov' epitaphs' analysis connects the population of Turgay with such regions as Karkaraly, Bayanaul, Ulytau, Semey. The same tradition is fixed on the memorials of all Kazakh Upland. The similarities with the Central Kazakh tradition in the analysis of features of Mazar architecture is especially clearly seen. Fine lines, traced in the decoration of bricks have direct analogies in the monuments of Central Kazakhstan [Beisenov, Jumabekova, Bazarbayeva, 2015a].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект №2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»).

The Burial Ground Ashutasty-1, kurgan №10

In 2015 the monuments of the Early Iron Age and the Middle Ages were researched. A stationary object for studying by Turgay second team was scheduled (under the guidance of G.A. Bazarbayeva), whose main task was to study the monument of Tasmola culture located near the village Ashutasty (Fig. 1; 2) in the Arkalyk district of Kostanay region [Beisenov, Jumabekova, Bazarbayeva, 2015b]. The doctoral student of L.N. Gumilyov Eurasian National University R.J. Baidaly and 3rd year student of Kostanay State Pedagogical Institute A.V. Ionenko took part in the excavation.

Fig. 1. Location of the burial grounds Ashutasty-1 and Ashutasty-2 near the village with the same name. Done by S. Ishangali

Fig. 2. The burial ground Ashutasty-1

The object studied in 2015 (kurgan №10) is located near one of the five large burial grounds, forming the core of the monument. The complex includes constructions with stone ridges which are known in science as kurgans “with a moustache”. This type of monument is distinguished by M.K. Kadyrbayev as one of the benchmark features of Tasmola culture [Kadyrbayev, 1966]. The kurgan, studied mainly due to excavation work, is an integral part of a system of burial and memorial constructions of the burial ground Ashutasty-1.

The object was heavily sodden before the research works. After removing the eolian layer the following parameters of the kurgan were designated: diameter – 16,5 m, height – 1 m (Fig. 3). The ground part of the kurgan is a shell of carefully laid stones of small, medium and large sizes. At the base of the mound the crepidoma built of massive sparry stones was revealed. There are several stages of monument construction. Initially, an area occupying about 227 square meters has been prepared. In the center of it an oval grave was dug oriented along the northwest-southeast line, its dimensions are 1,95 × 2,45 m (Fig. 4; 5; 6). The grave is full of stones of various sizes, reaching the depth of 1,6 m, in dense ground of dark brown color with gray (gold) and black mixture. Stones in the graves were neatly stacked on each other forming layers. Stones were laid over the grave during the burial ritual and building a construction. Judging by some of the surviving in situ human bones, the buried was laid with his head oriented to the north-west. At the bottom the grave was blocked by a tree across the long axis.

Fig. 3. Burial ground Ashutasy-1, kurgan №10 after erasing eolian deposit

Fig. 4. Burial ground Ashutasy-1, kurgan №10 after removing “shell”.
Taken from the north side

Fig. 5. Burial ground Ashutasty-1, kurgan №10 after removing “shell”.
Taken from the west side. In the foreground there is a stela

Another interesting thing about the burial construction is recess in the mechanical parts of the grave as well as in the walls and in the bottom. The mechanical recesses in the wall of the grave have one small stone each. The depth of the pits in the bottom of the end walls is 0,13 and 0,2 m; their diameter is 0,45 and 0,5 m. The grave parameters at the bottom make $2,9 \times 1,9$ m depth – 1,8 m (Fig. 7).

One of the final stages of a long funeral ritual was crepidoma around the grave. From the outside, it traced a series of vertically mounted sparry large stones and plates. They were supported by sparry stones or plates. At the heart of crepidoma there are sparry large stones arranged along the circumference from the middle of the slope of the kurgan. Several radially extended sparry large stones were fixed. First, inner circle is an even row laid out in a number of the larger stones or plates put at the distance of about 5 meters from the grave (up to 80 cm in length). Setting of plates put on the top of each other is traced (4–5 layers). Perhaps,

Fig. 6. Burial ground Ashutasty-1, kurgan №10. Stelae

Fig. 7. Burial ground Ashutasty-1, kurgan №10. Chamber

in addition to practical, constructive purpose, it served as a kind of boundary between the worlds of the living and the world of the dead. The next step was building of a ground-based construction. When building allegedly earthen blocks of turf and soil excavated from the grave were used. In the filling of the grave there are traces of fire exposure, which are reflected by the presence of layers of ash in the touchline. The anthropomorphic stone stele was found in the south-west sector.

Despite the fact that the grave was robbed in the ancient times, it was possible to receive several findings. These are zoomorphic images made of foil (Fig. 8.-1) and a bronze arrowhead (Fig. 8.-2). Unfortunately, no remains of the skull were found, mainly because of the robbery. However, some teeth were found. According to Ye.P. Kitov, teeth may have fallen from the skull during the robbery.

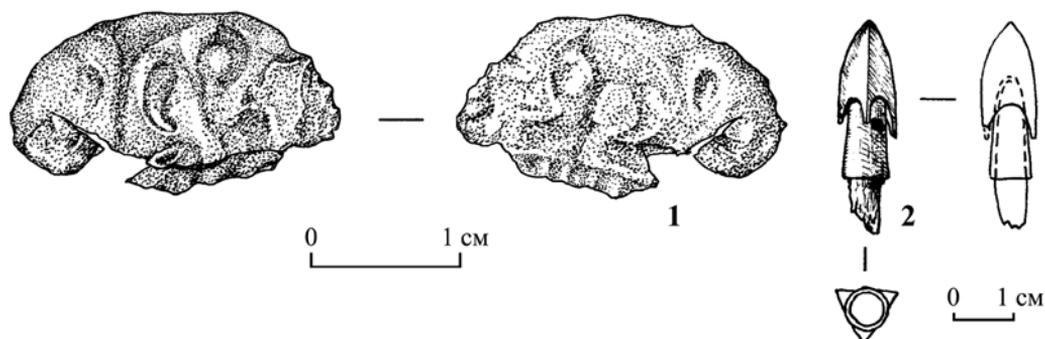

Fig. 8. Burial ground Ashutasty-1, kurgan №10. Findings:
1 – zoomorphic image; 2 – arrowhead

It is possible to give cultural and chronological definition of the monument due to the features of burial structure of the kurgan (Fig. 2; 3) and arrowheads (Fig. 4.-2). This type of surface structures was recorded during the excavations in East Saryarka. The arrowhead

is made of bronze, triangular, notched at the base of the faces forming nip with protruding hub. The conclusions made by I.N. Medvedskaya [1972] about the monuments of Central Asia and Kazakhstan say that the petiolate complexes in the absence of three-blade socketed arrowheads belong to the 7 c. BC. Triangular tips with a hidden hub are common for late Aldybel monuments of Tyva. In Uyuk-Sagly quivers of the end of the 6th–4th cc. BC stemmed arrowheads dominated. A socketed group of arrows is represented by a small percentage of triangular forms. Their presence indicates early (within that period) date of the complex. Accordingly, the general trend of arrow set development in the Scythian time on the territory of Tuva is aimed at a gradual reduction in the percentage of socketed arrows.

A set of arrows from Arjan-1 socketed group and the absence of stemmed arrowheads suggests the emergence of the latter in Tuva in the mid – 8 century BC.

In one of the Saka reference monuments – kurgan Arjan-2 in Tyva two arrows were found, which can be compared with the small set from Kyuzeli-Gyr and a quiver from the kurgan №53 of South Tagisken. This is a three-blade socketed arrowhead with aquifolium head from grave 26 (type 1D1) and trihedral-three-blade with a triangular head and a long hub from the quiver 1, grave 25 (type 1E1). The latter sample is unique, as it has simulated casting spikes under the base of the blades. Except for this detail, it reminds the arrows of VI-B type by K.F. Smirnov's classification [Smirnov, 1961], which date back to the 6th c. BC. A three-blade arrowhead from grave 26 has a hub that extends to the tip. This feature is considered to be an early one. A.I. Melyukova [1964] marked the emergence of a form of arrows with aquifolium pen in Scythian complexes in the second half of the 7th century BC. Recent developments made for a series of arrowheads from the monuments of the western periphery of the steppe world, also indicate early emergence of this type of arrows based on Central European chronological scale. The researchers ascertain the presence of a significant percentage of three-blade with aquifolium head shape found in the death layers of the Hallstatt period settlement Ha C2/D1 along with two blade ones.

All the arrowheads having analogs from the kurgan Arjan-2 can be dated within the 8th–6th centuries BC. Some types of them are found in the early Uyuk-Sagly complexes in the 6th–5th BC, but they may have an earlier start date [Chugunov, 2011].

M.K. Kadyrbayev [1966] indicates that Tasmola monuments of the 5th–3th cc. BC can be characterized by, among other things, the most widely used standard format of bronze socketed triangular arrowheads.

L.T. Yablonsky among socketed triangular arrowheads distinguishes: Division C. Type 1 – with a slightly arched shaped head and a protruding hub. Subtype 1 – with a long hub and unallocated base faces (Uigarak №6) [Yablonsky, 2006]. Subtype 2 – with a short hub and lowered ends of the base faces (Uigarak №7, 8; Kyuzeli-gyr №33) [Yablonsky, 2006]. Type 2 – with a vaulted head and shorter projecting hub, roller along the entire length of the head and a dedicated base faces (Sakar-Chaga №25) [Yablonsky, 2006]. Type 3 – with asymmetrically-rhombic or domed head, with a hidden hub and drooping ends of faces (South Tagisken №24) [Yablonsky, 2006].

The approximate dates of the arrowheads of this type fits into the framework of the 8th c. BC. to the first half of the the 5th century BC.

In general, given the characteristics of the architecture of ground constructions, burial rite, the studied kurgan №10 in the burial ground Ashutasty-1 should be referred to the 7th–6th centuries BC.

At the same time the reconnaissance study of another burial belonging to Tasmola culture (Ashutasty-2) located near the village Ashutasty was carried out (Fig. 1). The complex includes an object with stone ridges and several mounds, which are elongated into the chain on the north-south line. A specific feature of this monument is two statues in the ridges (Fig. 9; 10). The statue, identified in the north stone ridges is pretty sketchy. However very

Fig. 9. Burial ground Ashutasty-2, kurgan №3A. Statue

Fig. 10. Burial ground Ashutasty-2, kurgan №3A. Anthropomorphic stelaе

clear traces of undermining its ancient stonecutter are fixed: the neck and the outline of the head are depicted. Many details of the statue of the south stone ridges were revealed. Eyes, nose, ears, and “weapon” (?) are clearly seen on the head. Details are not worked by deep grooves. The preliminary analysis of the sculptures allows synchronizing them with the well-known iconic monuments of Tasmola culture area. In East Saryarka in recent years there has been a breakthrough in relation to the fact that the number of sources allowed identifying with certainty the sculptures of the Saka range [Kurmankulov, Ermolenko, 2014; Ermolenko, Kurmankulov, Khasenova, 2015].

Discussion

In the context of the analysis of sculpture monuments special attention should be paid to the results of excavations conducted by Kostanay archaeologists in the field season 2013 on the kurgan Ashutasty-30 [Shevnina, Seitov, 2014]. I.V. Shevnina and A.M. Seitov studied objects belonging to the Early Iron Age, which contained the child burial. According to pa-

leoanthropological definition, the deceased is 1,5 years old [Shevnina, Seitov, 2014, p. 274]. The peculiar feature of this monument is the complete lack of clothing items from the accompanying complex. The archaeologists from Kostanay note the burial of the child was accompanied by individual fragments of the sheep skeleton located at the feet of the deceased [Shevnina, Seitov, 2014, p. 274]. The archaeozoologist P.A. Kosintsev thinks that the animal is about 2 years old [Shevnina, Seitov, 2014, p. 274]. Perhaps the lack of accompanying objects of the complex is due to the age of the child. We can assume that he has not reached the stage when one can wear jewelry, amulets made of more durable material. It is possible that charms could be available in the burial. However, made of organic material, they have not survived.

The analysis of the accompanying meat from the kurgan Ashutasty-30 allows drawing analogies fixed in the culture of the Kazakh food tradition. The meal intended for children – “Bala tabak” (“bala” – in Kazakh is “child”; “tabak” – is “dish”) usually included the pieces of meat from the loin of the animal – “bel omyrtka”, tibia – “asykty jilik” [Beisenov, Bazarbaeva, Duisenbay, 2017]. Only a shoulder bone is not in that list. Although the materials of Tasmola culture show the presence of the right shoulder bone of an animal which was a widespread phenomenon [Kadyrbayev, 1966].

Another very interesting element of the ritual of the kurgan Ashutasty-30 is a stone stela, which was found on the west side. According to I.V. Shevnina and A.M. Seitov the presence of a stela in a child burial emphasizes the particular attitude towards him [Shevnina, Seitov, 2014].

The stela excavated by us and a similar finding from the kurgan Ashutasty-30 prove the fact that the kurgan Ashutasty-30 belongs to Tasmola culture. The scope of its existence, according to A.Z. Beisenov [2015], quite clearly fits into the gap between the 8 and 5 centuries BC.

Conclusion

The research results received in 2015 prove the necessity of studying the region and monuments of the nomad culture from the early Iron Age to the ethnographic present.

References

Beisenov A.Z. Poselenija i mogil'niki sakskoj jepohi Central'nogo Kazahstana [Saka Settlements and Burial Grounds in Central Kazakhstan]. Saryarka Saka Culture in the Context of the Studies of the Ethnic, Cultural and Social Processes in Steppe Eurasia. Collective Articles Devoted to the Outstanding Kazakh Archaeologist K. Akishev. Almaty : Begazy-Tasmola, 2015. Pp. 7–34.

Beisenov A.Z., Bazarbaeva G.A., Duisenbay D.B. Detskie pogrebeniya sakskoj epohi Tsentralnogo Kazahstana [Children Burials of the Saka Time in Central Kazakhstan]. Samara Scientific Herald. T. 6. №1 (18). 2017. Pp. 89–94.

Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Iskusstvo sakov Saryarki [The Art of Saryarka Sakas]. Almaty : Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan : Begazy-Tasmola, 2015a. 168 p.

Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Izuchenie pamjatnikov tasmolinskoj kul'tury v Zapadnoj Saryarke [Studies of Tasmola Cultural Monuments in Western Saryarka]. Archaeology of Western Siberia and Altay: the Experience of Interdisciplinary Research. Collective Articles Devoted to the 70th Anniversary of prof. Y.F. Kiryushin. Barnaul : Publishing House of the Altay University Press, 2015b. Pp. 294–297.

Chugunov K.V. Arjan-2: rekonstrukcija jetapov funkcionirovanija pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa i nekotorye voprosy ego hronologii [Arjan-2: Reconstruction Phase of Funeral-Memorial Complex and Some Questions of its History]. Russian Archaeological annual. St. Petersburg, 2011. Vol. 1. Pp. 262–335.

Ermolenko L.N., Kurmankulov J.K., Khasenova A.D. Novye dannye o specificheskoj raznovidnosti izvajanij sakskoj jepohi [New Data on Specific Statues of Saka Time]. Herald of Kemerovo State University. 2015. №1 (61). Vol. 3. Pp. 26–32.

Kadyrbayev M.K. Pamjatniki tasmolinskoj kul'tury [Monuments of Tasmola Culture]. Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M. Ancient Culture of Central Kazakhstan. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–433.

Kurmankulov J., Ermolenko L. Drevnosti Saryarki: kamennye izvajanija [Antiquities of Saryarka: Stone Sculptures]. Book-album in Kazakh, Russian and English languages. Karagandy, 2014. 168 p.

Medvedskaya I.N. Nekotorye voprosy hronologii i bronzovyh nakonechnikov strel Srednej Azii i Kazahstana [Some Questions of Chronology of Bronze Arrowheads from Central Asia and Kazakhstan]. Soviet archaeology. 1972. №3. Pp. 76–89.

Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov [Scythian Armament]. Moscow : Nauka, 1964. 113 p.

Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov [Savromats Armament]. Materials and Research on the Archaeology of the USSR. 1961. Vol. 101. 168 p.

Shevnina I.V., Seitov A.M. Detskoe pogrebenie rannego zheleznogo veka iz Turgaja [Early Iron Age Child Burial from Turgay]. Reaching the Heights of Archaeology: Collective Articles of the International Scientific Conference “Ancient and Medieval States in the Territory of Kazakhstan”, Devoted to the 90th Anniversary of K.A. Akishev. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2014. Pp. 273–280.

Yablonsky L.T. Materialy dlja klassifikacii nakonechnikov strel rannesakskogo tipa (po nahodkam v Juzhnom Priaral'e) [Materials for the Classification of the Early Saka Arrowheads (on the Findings from the South Aral Sea Area). Antiquities of the Scythian period. Moscow, 2006. Pp. 77–298.

Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ТУРГАЯ

Изложены краткие результаты полевых исследований 2015 г. Целью проведенных работ было получение новых данных о культуре кочевников Тургая, начиная от эпохи раннего железного века и завершая временем этнографической современности. Работы проводились силами двух отрядов. В результате исследований первого отряда (рук. А.З. Бейсенов) выявлены памятники культовой архитектуры казахов. Предварительный анализ эпитафий на кулпытасах [прочтены А.З. Бейсеновым] позволяет рассматривать их как информативный источник для изучения письменной традиции казахов Тургая. Тургайские кулпытасы как исторический источник, как памятники народной культуры, требуют их сохранения. Основной задачей второго отряда было изучение кургана на могильнике тасмолинской культуры, расположенного близ с. Ашутасты в Аркалыкском районе Костанайской области. Особенности архитектуры наземного сооружения, элементы погребального обряда, а также анализ полученных находок позволяют датировать исследованный объект VII–VI вв. до н.э. Одновременно с раскопками кургана №10 выполнялось рекогносцировочное исследование еще одного могильника тасмолинской культуры – Ашутасты-2. Данный комплекс включает в себя объект с каменными грядами и несколько курганов, вытянутых в цепочку по линии Ю–С. Особенностью данного памятника является обнаружение в грядах статуарных памятников, изготовленных из камня, – изваяния и антропоморфной стелы.

Ключевые слова: Тургай, саки, казахи, культура, погребальный обряд.

А.Л. Ивлиев¹, Н.Н.Крадин¹, А.В. Харинский²,
А. Очир³, С.А. Васютин⁴, Е.В. Ковычев⁵, Л. Эрдэнэболд⁶

¹*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН,
Владивосток, Россия;*

²*Иркутский государственный технический университет, Иркутск, Россия;*

³*Международный институт изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО,
Улаанбаатар, Монголия;*

⁴*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;*

⁵*Забайкальский государственный университет, Чита, Россия;*

⁶*Монгольский государственный университет науки и технологий,
Улаанбаатар, Монголия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ХУННСКОГО ГОРОДИЩА ТЭРЭЛЖИЙН-ДУРВУЛЖИН*

В 2015 г. российско-монгольская экспедиция провела исследования на городище Тэрэлжийн-дурвулжин в Монголии. Памятник имеет форму неправильного квадрата. На валу находятся угловые башни, по центру каждой из сторон имеются ворота. Внутри городища расположены четыре платформы, связанные попарно дорожками. В процессе раскопок найдено большое количество черепицы и кирпичей. В статье даются технологический и типологический анализы черепицы, которая датируется, скорее всего, временем династии Западная Хань, что подтверждается данными радиоуглеродного анализа. Отсутствие массовых находок (керамика, кости, палеоботанические остатки) вызывает вопрос о функциях городища. В результате геофизических исследований также не найдено никаких объектов на территории памятника. Авторами обсуждается, могло ли быть данное городище административным, экономическим, религиозным или каким-либо иным центром.

Ключевые слова: хунну, городища, Монголия.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-11

Введение

Первые городища Хуннской империи были исследованы на территории Западного Забайкалья (Бурятия). В течение длительного времени изучалось Иволгинское городище, расположенное около г. Улан-Удэ [Давыдова, 1985; 1995]. Это был настоящий город, в котором проживало несколько тысяч человек. Город был крупным аграрно-ремесленным центром того времени [Крадин, 2005], неподалеку находился синхронный ему могильник [Давыдова, 1996]. Позднее исследовано городище Баян-Ундэр, которое было идентифицировано как ставка военачальника [Данилов, 1998, 2011]. Между тем на территории Монголии находится гораздо больше городищ хунну [Hayashi, 1984; Данилов, 2004, с. 34–56]. Необходимость их изучения была востребована достаточно давно. Как писала еще в своей первой монографии А.В. Давыдова [1985, с. 22], «... на хуннских поселениях в Монголии отмечено большое количество кровельной черепицы, чем они существенно отличаются от Иволгинского городища».

Эта мысль стимулировала интерес многих исследователей. Однако только с начала нового тысячелетия ситуация изменилась. Монголия стала открытой страной, и с течением некоторого времени там начали вестись широкомасштабные археологические исследования разных исторических периодов, в том числе и хуннского време-

* Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта РГНФ-Монголия №15-21-03001а(м) «Города Хуннской империи».

ни [Крадин, Кан Ин Ук, 2013]. Сначала стали изучаться элитные курганы хуннского времени, и были сделаны многие выдающиеся открытия [Brosseder, 2009]. Несколько позднее исследователи обратились к изучению поселений [Ramseyer, Pousaz, Törbat, 2009] и городищ хунну [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011; Эрэгзэн, Баярсайхан, Алдармөнх, 2014].

В настоящей статье вводятся в научный оборот результаты исследований на городище Тэрэлжийн-дурвулжин совместной экспедиции российских и монгольских исследователей в 2015 г. Этот памятник был обследован еще в 1925 г. выдающимся российским монголоведом Б.Я. Владимирцовым. Он даже провел там небольшие раскопки. Позднее памятник исследовался Х. Пэрлээ [1957, с. 44; 1961, с. 32–33], который произвел небольшие раскопки на одной из платформ (платформа №2, раскоп №1). В 2007–2088 гг. работы проводила российско-монгольская экспедиция под руководством С.В. Данилова и Л. Эрдэнэболда (платформа №1, раскоп №2). Исследовалась самая большая платформа [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011]. В 2015 г. работы на памятнике были возобновлены нашей экспедицией. Раскапывалась платформа №4.

Описание памятника и раскопок в 2015 г.

Городище Тэрэлжийн-дурвулжин находится в южных отрогах Хэнтэя. Памятник расположен у подножия отрогов горы Мунхжаргалант в долине горной р. Тэрэлж (правый приток Керулена), которая находится примерно в 300 м к западу и юго-западу от городища. Городище по форме близко к квадрату (рис. 1). Оно окружено невысоким валом рвом, который сохранился лишь частично. Поскольку городище ориентировано не по сторонам света, как и объекты, расположенные на памятнике, мы условно решили принять сторону, близкую к подножию горы, за северную, а другие стороны, валы и прочие объекты соответственно именовать условно западной, южной и восточной. Длина сторон разная: северный вал – 227 м, восточный – 221 м, южный – 213 м, западный – 226 м.

Высота валов различная, как и степень их сохранности. Южный вал сохранился лучше всего. Ближе к юго-восточному углу его ширина 11–12 м у подошвы и 2 м вверху. Высота вала до 1,5 м снаружи и 0,5–0,6 м изнутри. Западный вал сильно расплыт. Между западным валом и рвом имеется что-то похожее на платформу шириной около 6 м. На северном и восточном валах встречена черепица. Ров плохо выражен. С севера и востока его ширина до 2 м, глубина до 0,1–0,2 м. Только в северо-восточном углу ров шире до 4 м и его глубина до 0,3 м. Западный ров выражен несколько лучше. Его ширина до 3 м, глубина 0,2–0,3 м.

На городище имеется четверо ворот, которые находятся примерно по центру (с некоторым смещением). В районе ворот во рву имеются перемычки. Ворота без дополнительных укреплений. Их ширина примерно 3 м. В районе западных и восточных ворот на поверхности обнаружена черепица. По всей видимости, на каждом углу стояли башни.

Скопление галечника зафиксировано на северо-восточном, северо-западном и юго-западном углах. Галька находилась также на валу сразу к западу от северных ворот. Возможно, в этом месте была расположена башня. Кроме этого, к югу от западных ворот зафиксирован выступ на внутренней поверхности вала размером 6 × 6 м. Не исключено, что здесь также находилась башня. К югу от восточных ворот на восточном валу примерно в 42 м находится скопление галечника. Не исключено, что здесь также была башня.

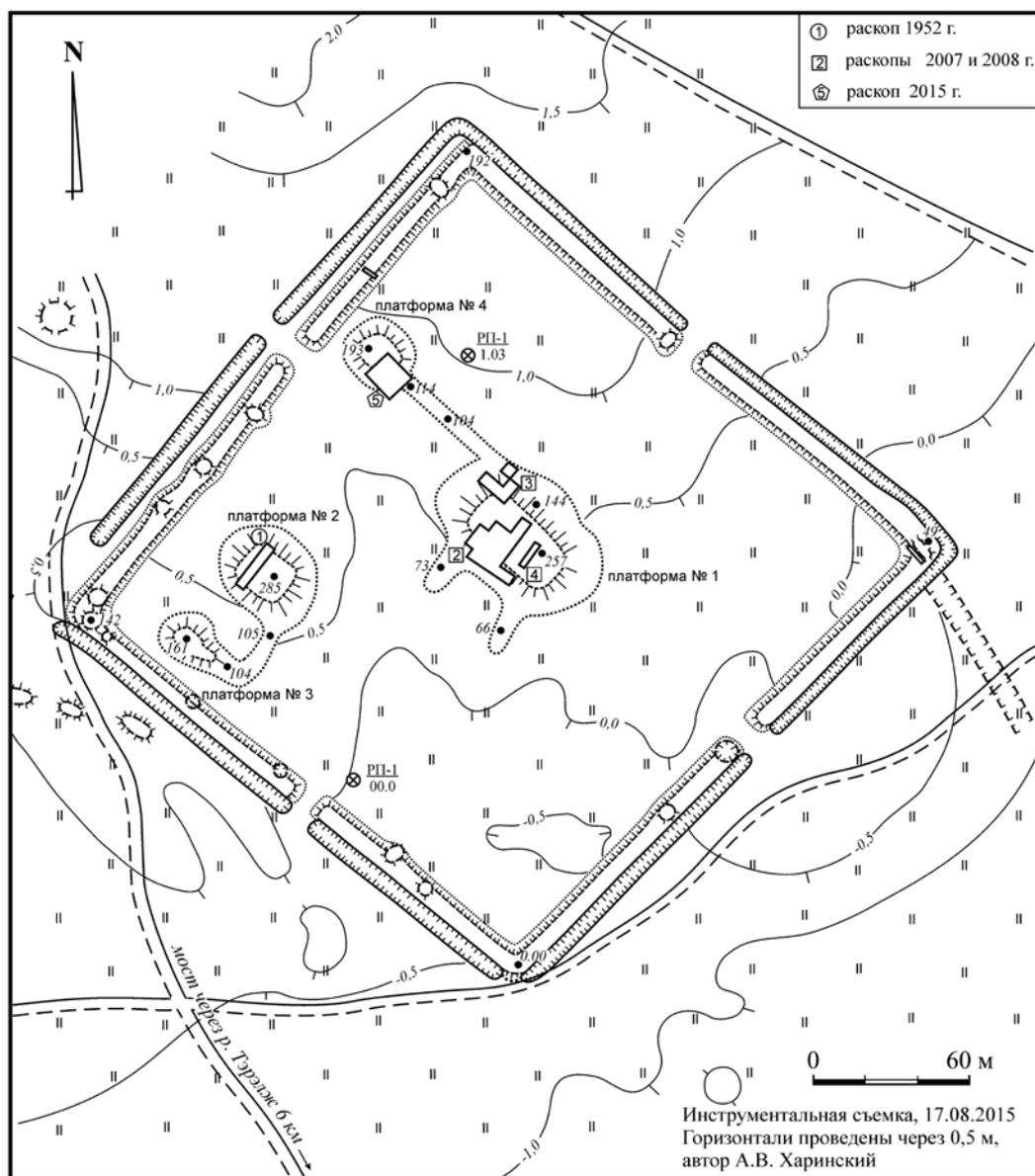

Рис. 1. Городище Тэрэлжийн-дурвулжин

На городище имеются четыре платформы, которые попарно связаны специальными дорожками. Все платформы ориентированы условно в широтном направлении параллельно северному и южному валу. В центре городища находится самая большая платформа (№1) высотой около 2 м, овальной формы. Ее длина – примерно 47–48 м, ширина – 25 м. С южной части от платформы отходят «усы». Длина западных «усов» – 11 м, ширина – 5 м. На краю находится тарбаганья нора, из которой видны фрагменты черепицы, лежащие слоями. Длина восточных усов – 11 м, ширина – 8 м. На данной платформе в 2007–2008 гг. проводились исследования под руководством С.В. Данило-

ва и Л. Эрдэнэболда. К югу от платформы №1 находится небольшая возвышенность овальной формы размером примерно 16×10 м и высотой 0,1–0,2 м.

С северной стороны платформы №1 в западном направлении (т.е. параллельно северному валу) идет дорожка к платформе №4, которая находится неподалеку от западных ворот. Ширина дорожки – 8 м, высота – 0,4 м.

Размеры платформы №4: длина – 28 м, ширина – 17 м, высота 1–1,2 м.

В юго-западном углу находится платформа №2. Ее размеры: длина – 32 м, ширина – 28 м, высота 2,3–2,5 м. К югу от нее в непосредственной близости от южного вала находится платформа №3. Ее размеры: длина – 16 м, ширина – 14 м, высота 0,9–1,2 м. Платформы № 2 и 3 соединены дорожкой П-образной формы. Ширина дорожки – 8 м, высота – 0,4–0,5 м.

Место для раскопа было выбрано на восточном склоне платформы №4. Основанием для выбора послужило стремление изучить одну из платформ с целью выявления архитектурно-строительных особенностей различных конструкций на памятнике, а также желание изучить одну из условно называемых дорожек между платформами.

В данном месте был разбит раскоп размером 12×12 м (предварительно предполагалось сделать его размером 12×17 м, охватив всю сторону платформы целиком). Раскоп ориентирован по сторонам платформы, поэтому его расположение не соответствует сторонам света (примерно с отклонением на 40°). Раскоп был разбит на метровые квадраты и на сектора размером 6×6 м. В направлении с запада на восток была дана нумерация латинскими буквами от А до L, а в направлении с юга на север – арабскими цифрами от 1 до 12. Соответственно в направлении с запада на восток сектора получили наименование в первом ряду – I и II и во втором ряду – III и IV. Между секторами оставлены контрольные бровки шириной 0,5 м.

Затем были начаты раскопки платформы по пластам. Фактически сразу же появилась черепица. В то же самое время никаких следов столбовых конструкций, каменных баз не зафиксировано. Массовые находки (черепица и кирпичи) фиксировались поквратно и по пластам, в результате чего была получена подробная картина распределения материалов. Во всех пластах преобладали в основном очень мелкие фрагменты черепицы, что говорит о силе удара при разрушении круши. Лишь в нескольких квадратах пласта 1 вес черепицы превышал 1 кг. Основное направление развала крыши над платформой/зданием (по верхним слоям) – южная, юго-юго-западная сторона сектора. По насыщенности фрагментами черепицы (пласт 2) особенно выделяются примыкающие к западной бровке квадраты. По всей видимости, это стало результатом разрушения здания на платформе, крыша которого заваливалась в юго-западном направлении. При этом следов пожара не отмечено.

Описание черепицы

Основную массу находок в раскопе №3 составила кровельная черепица. Кроме нее были найдены облицовочные кирпичи и железное шило. Всего в ходе работ на раскопе площадью 144 м^2 получено 51620 фрагментов черепицы общим весом 2556,08 кг. Вся эта черепица относится к двум видам, в комплексе образующим набор, необходимый для черепичной кровли. Эти виды: плоская (нижняя по своему положению на крыше), желобчатая (верхняя, накрывающая стыки между плоскими черепицами). Разновидностью последнего вида является фронтальная черепица с концевым диском на нижнем торце. Так как все полученные в ходе раскопок материалы оставались на

постоянное хранение в Монголии, в ходе камеральной обработки в полевом лагере экспедиции всем обрабатываемым находкам присваивались индивидуальные номера, которыми мы и будем пользоваться в дальнейшем изложении.

К общим особенностям всей черепицы следует отнести состав ее глиняного теста, цвет поверхности, следы обработки на поверхностях и боковых и торцевых гранях. Вся черепица сформована из глиняного теста с примесью частиц камня – окатанных песчинок и осколков – размером от мельчайших до 0,5 см длиной. Преобладают частицы белого камня, скорее всего, кварца. Данные наблюдения сделаны визуально. Петрографический анализ аналогичной черепицы с соседней платформы, где российско-монгольской экспедицией под руководством С.В. Данилова и А. Очира был разбит раскоп №2, был опубликован ранее. Согласно полученным тогда данным, кроме кварца в составе минерального отощителя есть полевые шпаты, чешуйки слюды, относительно крупные обломки гранитного состава и овальные обособления аргиллита [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011, с. 38–41].

Петрографический анализ двух образцов черепицы из раскопа №3, проведенный в Лаборатории геологии и магматизма древних платформ ИЗК СО РАН, показал при наличии указанных выше минералов довольно разный состав образцов. Так, основу первого из них составляет глинистое вещество с примесью гидроокислов железа (около 45%), около 40% составляют терригенные материалы: кварц, полевые шпаты, редко – обломки гранитов, слюда, очень редко – амфибол. 15% в составе образца образуют фрагменты шамота. У второго образца минеральные компоненты преобладают, а глинистый цемент составляет только 35%. В составе минеральных компонентов 18% кварца, 20% полевых шпатов, не менее 25% обломков гранитов, 2% мусковита, менее 1% амфибола. При этом шамот отсутствует.

Как правило, вся черепица серого либо бурого цвета. Иногда цвет черепицы в изломе отличается от цвета ее поверхностей, как, например, у фрагмента желобчатой черепицы №40 (раскоп №3, сектор IV, кв. h-10/11, пласт 3) при темно-серой глине на изломе выпуклая поверхность светло-серая, а вогнутая – бурая; у фрагмента такой же черепицы №41-3 (раскоп №3, сектор IV, кв. h-10, пласт 3) поверхности светло-серые, а внутри черепок бледно-бурый. На поверхностях всей черепицы есть следы выбивки в виде вертикальных или косых параллельных борозд шириной 1–3 мм и глубиной не более 1 мм (рис. 2.-1).

Подобная выбивка характерна для черепицы ханьской эпохи (III в. до н.э. – начало III в. н.э.) в Китае, однако там она представляет собой оттиски веревки [Лю, Чжан, 2007], здесь же следы веревки в отпечатках никак не прослеживаются. Орудие, которым производилась выбивка, скорее всего, было длинной деревянной лопаточкой с вырезанными на ней параллельными канавками. Иногда на следы вертикальной бороздчатой выбивки накладывались следы наклонной выбивки; также наблюдаются наложенные друг на друга следы наклонной выбивки в разных направлениях, как, например, у фрагмента плоской черепицы №33 (раскоп №3, сектор III, кв. d-12, пласт 3) (рис. 2.-4). Довольно часто, преимущественно на вогнутой стороне, следы выбивки заглаживались. Также на вогнутой стороне желобчатой черепицы встречаются следы выбивки в виде сетки из прямоугольных ячеек размерами 4 × 5–7 мм, как у фрагмента №40 (раскоп №3, сектор IV, кв. h-10/11, пласт 3) (рис. 2.-2). Кроме того, на вогнутой стороне черепиц встречается и специфическая выбивка в виде трех параллельных бо-

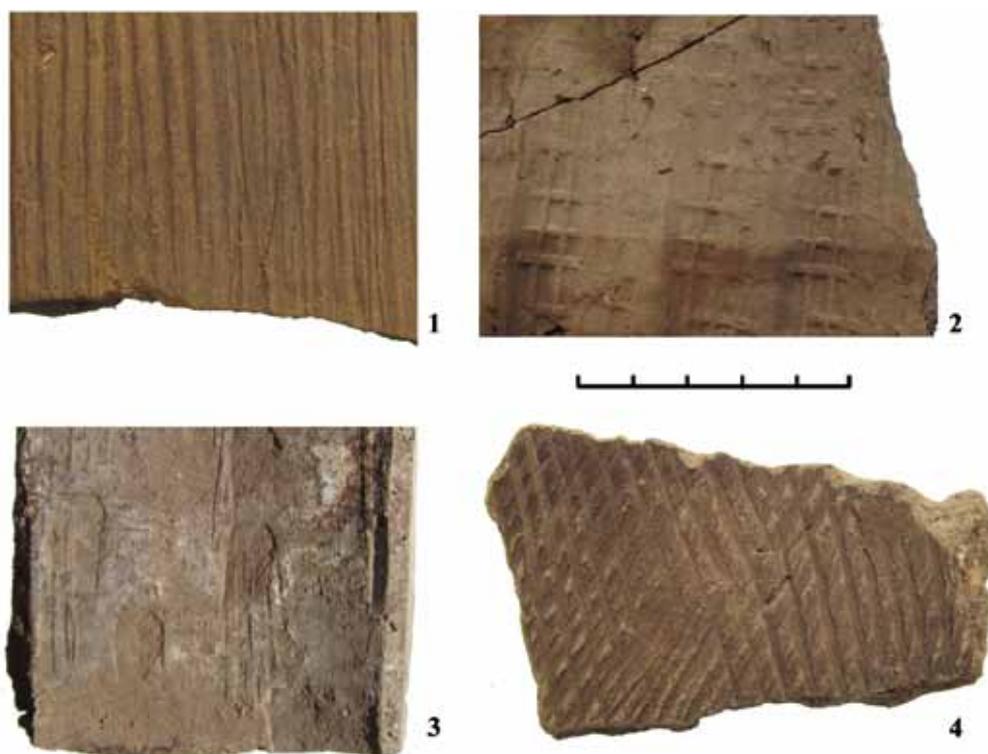

Рис. 2. Варианты выбивки на поверхности черепицы:

- 1 – вертикальная желобчатая (№74, Р. 3, с. IV, пл. 3, кв. g-10); 2 – сетчатая (№40, Р. 3, с. IV, кв. h-10/11, пл. 3); 3 – специфическая (№46, Р. 3, с. II, кв. h-5, пл. 3); 4 – разнонаправленная наклонная желобчатая (№33, Р. 3, с. III, кв. d-12, пл. 3)

роздок, сочетающихся с вдавлениями в форме прямоугольника с двумя скошенными углами, либо трапеции. Так, у фрагмента желобчатой черепицы №46 (раскоп №3, сектор II, кв. h-5, пласт 3) на вогнутой стороне есть следы специфической выбивки в виде трех параллельных валиков длиной около 5,5 см и общей шириной 0,8–1 см и трапециевидных вдавлений (рис. 2.-3). Возможно, что последние – отскии торца орудия, которым наносились параллельные валики. Выбивка нередко заглаживалась возле торцов черепицы, при этом наблюдается срезание поверхности широкой пологой фаской, примыкающей к торцевой грани черепицы. Иногда фаски срезались с обеих сторон черепицы – выпуклой и вогнутой. Торцы и боковые грани черепицы оформлены срезанием в ходе разрезания цилиндрической заготовки до обжига. Поэтому боковые грани ровные, гладкие. Изредка след разреза не доходит до края вогнутой стороны черепицы, и здесь наблюдается след разлома подсушенной заготовки, как на фрагменте стыковочного уступа желобчатой черепицы №68 (раскоп №3, сектор II, кв. l-4, пласт 5). Иногда следы выбивки в виде оттиска повторяющегося штампа длиной 1,5–3 см можно видеть и на торце черепицы. Довольно часто преимущественно на вогнутой стороне черепиц прослеживаются стыки глиняных лент, из которых формовалась трубчатая заготовка черепицы. В районе стыков наблюдаются вдавления разной формы. Ширина глиняных лент – 3,5–5 см.

Плоская черепица

Плоская черепица слегка вогнутая таким образом, что четыре соединенные боковыми гранями черепицы образуют близкую к цилиндру усеченно-коническую трубу. Правда, измерения диаметра такой трубы по фрагментам сохранившихся целиком торцов плоской черепицы показывают, что труба-заготовка разрезалась на не очень одинаковые части, так что четырех одинаковых по ширине черепиц часто недостает до образования полной окружности. В плане плоская черепица имеет форму трапеции, углы ее бывают как прямые, так и закругленные либо скошенные по диагонали. На выпуклой стороне плоской черепицы встречается прочерченный орнамент в виде поперечных прямых и волнистых линий. Встречены следующие сочетания линий: прямая и волнистая возле нее (большинство случаев); прямая и две волнистые линии с одной стороны от нее; одиночная прямая линия и на значительном расстоянии от нее поясок из двух прямых линий и заключенных между ними двух волнистых.

Из фрагментов полностью – на всю длину и ширину – удалось восстановить один экземпляр плоской черепицы (**№35**, сектор II, кв. 1-2, пласт 3). У этого экземпляра все углы обрезаны по диагонали, но в разной степени. На боковых гранях местами сняты фаски. Выпуклая сторона покрыта отгисками вертикальной бороздчатой выбивки. При этом у торцов борозды слегка наклонные, а в средней части черепицы вертикальные. В средней части черепицы, на расстоянии 19 см от узкого торца, на этой стороне проведены поперечная прямая бороздка и рядом с нею волнистая линия. Видимо, этот орнамент наносился на цилиндрическую заготовку на круге, так как горизонтальная линия не сошлась и оказалась частью, дублированной своим концом. При этом она нарушает борозды выбивки, которая делалась раньше. На вогнутой стороне поверхность гладкая. Есть следы вертикального заглаживания чем-то вроде кисти или щетки. Также отмечены отдельные вдавления и замазывания на стыках глиняных лент, из которых формовалась заготовка черепицы. Поверхность на выпуклой стороне нижнего (широкого) торца имеет пологий срез полосой шириной 2,5 см. Длина черепицы – 51,5 см, ширина у торцов – 35 и 37 см, толщина – 1,5–1,6 см (рис. 3.-1). Такую же длину – 51 см – имеет и фрагмент черепицы, сохранившейся от торца до торца (**№70**, раскоп №3, сектор II, кв. h-3, пласт 4). Торцы срезаны прямо, при этом угол одного торца закруглен, а на вогнутой стороне торец имеет срезанную фаску. В средней и нижней частях выпуклой стороны есть косая бороздчатая выбивка, местами на нее накладывается выбивка с противоположным наклоном; в верхней части – вертикальная бороздчатая выбивка; на вогнутой стороне – слегка заглаженная наклонно и вертикально бороздчатая выбивка. У боковой грани срезаны фаски. На вогнутой стороне видны вдавления в местах стыков лент. Толщина черепицы – 1,3–1,7 см (рис. 3.-2).

Также встречены два фрагмента плоской черепицы с сохранившимися от края до края торцевыми частями. Их ширина – 34,7 и 36,2 см.

Желобчатая черепица

Имеет форму разрезанной пополам вдоль от торца до торца трубы. При этом у верхнего торца имеется стыковочный уступ, на который клался нижний торец лежащей выше на скате крыши черепицы (рис. 3.-3). Поверхность уступа образует ступеньку с выпуклой поверхностью самой черепицы высотой 0,3–1,2 см. Обе поверх-

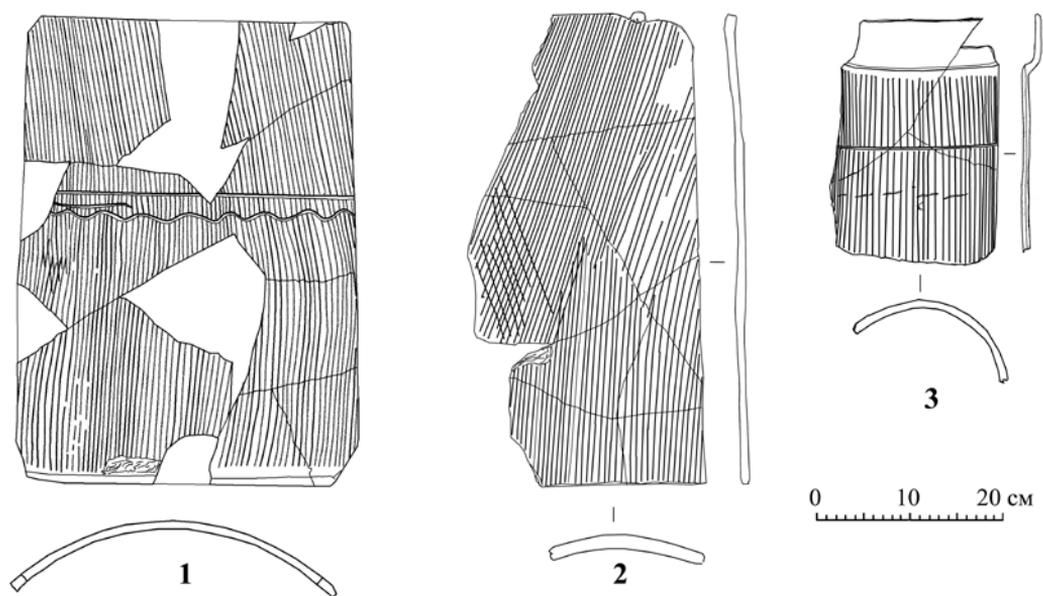

Рис. 3. Виды черепицы: 1, 2 – плоская черепица (соответственно №35, Р. 3, с. II, кв. 1-2, пл. 3 и № 70, Р. 3, с. II, кв. h-3, пл. 4); 3 – фрагмент желобчатой черепицы (№43/2, Р. 3, с. II, кв. h-4, пл. 4)

ности уступов имеют следы обработки на гончарном круге в виде параллельных горизонтальных бороздок. Также видно, что уступ изготавливался в виде короткой трубы и отдельно прилеплялся к цилиндрической заготовке желобчатых черепиц до ее разрезания. Однако у фрагмента №45-1 (сектор II, кв. h-5, пласт 3) на вогнутой стороне вертикально-бороздчатая выбивка входит на половину стыковочного уступа. Возможно, это указывает на то, что здесь стыковочная ступенька не прилеплялась к черепице после отдельного формования, а делалась вместе с самой черепицей. На стыковочном уступе есть следы работы на круге, а прилепа глины для его крепления на черепице не заметно. Как правило, ширина желобчатой черепицы у нижнего торца на 2–7 см больше ее ширины в районе стыковочного уступа. К сожалению, не удалось восстановить ни одной желобчатой черепицы на ее полную длину. Ниже в таблице приводим размеры отдельных экземпляров желобчатой черепицы из раскопа №3.

Интересно отметить наличие прочерченной по сырой глине волнистой линии на выпуклой стороне стыковочного уступа у трех экземпляров черепицы (№47, 76 и 79). Подобные волнистые линии, иногда в паре с прямой поперечной линией, есть и на выпуклой поверхности самого тела черепицы у экземпляров №41-1, 41-4, 41-5. Однако если на поверхности самой черепицы они были бы видны на кровле, то в случаях со стыковочным выступом этот рисунок скрывается под наложенной сверху на выступ черепицей. Аналогично прочерченный прямолинейный и волнистый декор не будет виден и на плоских черепицах, так как они выкладываются на крышу выпуклой стороной вниз. Все это заставляет полагать, что прямые и волнистые прочерченные линии на черепице не несли декоративной функции, а скорее всего, служили оберегом.

№	Место находки	Ширина по стыковочному выступу	Ширина черепицы	Ширина по нижнему торцу	Длина стыковочного уступа	Толщина
26-2	Р. 3, с. III, кв. b-8, пл. 3	13,3 см			5,2 см	0,7–1,3 см
39-1	Р. 3, с. IV, кв. h-11, пл. 3			17,5 см		0,8–1,2 см
39-2				18,2–18,4 см		0,8–1,2 см
40	Р. 3, с. IV, кв. h-10/11, пл. 3	14 см			5 см	0,8–1,2 см
41-1	Р. 3, с. IV, кв. h-10/11, пл. 3				6 см	1,1 см
41-2		13,0–13,5 см			5,5 см	0,8–0,9 см
41-3		13,9 см			5,5 см	1,1 см
41-6				15,5 см		1,0–1,3 см
43-1	Р. 3, с. IV, кв. h-12, пл. 3			21,5 см		0,8–1,4 см
43-2		16 см			5,3 см	0,9–1,0 см
44-2	Р. 3, с. II, кв. h-4, пл. 4			15 см		0,8–1,1 см
45-1	Р. 3, с. II, кв. h-5, пл. 3	15,1 см			6 см	1,0–1,3 см
47	Р. 3, с. IV, кв. k-7, пл. 3	12,9 см			5,5 см	0,8 см
68	Р. 3, с. II, кв. l-4, пл. 5	15,5 см	19 см		5,8 см	0,8–0,9 см
76	Р. 3, с. II, кв. j-6, пл. 4				5 см	0,8 см
77	Р. 3, с. II, кв. h-4 5, пл. 5	14,5 см			5,3 см	0,9 см
78	Р. 3, с. II, кв. j-7, пл. 5	14 см			5,3 см	1,0 см
79	Р. 3, с. IV, кв. h-11				5 см	0,9–1,0 см
98	Р. 3, с. IV, пл. 7, кв. g-12					1,1–1,2 см

Также следует отметить находку фрагмента желобчатой черепицы с круглым отверстием (№91, сектор II, кв. i-8, пласт 6). Отверстие вырезано по сырой глине в центральной части черепицы. Диаметр отверстия – 1,9–2 см. Выпуклая сторона черепицы покрыта параллельными канавками выбивки. Вогнутая сторона гладкая, на ней есть отдельные мелкие вдавления, возможно, для уплотнения стыков швов. Подобные фрагменты желобчатой черепицы с отверстиями были встречены российско-монгольской экспедицией в 2007 г. на соседней платформе [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011, с. 38–39]. Как отмечает Чэн Юнцзянь, круглое отверстие делалось на желобчатой черепице с концевым диском. Оно служило для крепления черепицы гвоздем на сооружении, чтобы предотвратить ее падение [Чэн, 2007, с. 40].

Концевые диски фронтальной желобчатой черепицы

В ходе работ на раскопе №3 найдено свыше трех десятков фрагментов концевых дисков. Диски прикреплялись к нижнему торцу черепицы, прикрывая торцы деревянных стропил. Сами диски с лицевой стороны покрывались орнаментом, украшая край кровли. Традиция использования концевых полудисков и дисков появилась в Китае в VIII–V вв. до н.э. и сохраняется в архитектуре Восточной Азии по настоящее время [Крюков и др., 1983].

Среди найденных фрагментов дисков есть два экземпляра, сохранившихся почти полностью. Один из них – №87 (сектор II, кв. i-6, пласт 6) – украшен орнаментом, образованным валиками. На лицевой стороне на поверхности много мелких параллельных бороздок – структура дерева, из которого вырезан шаблон для оттискивания декора. Бордюр почти не сохранился, он не шире 0,5 см, высота его, как и у валиков орнамента, – 1–2 мм. На обратной стороне верх бордюра в местах, где нет крепе-

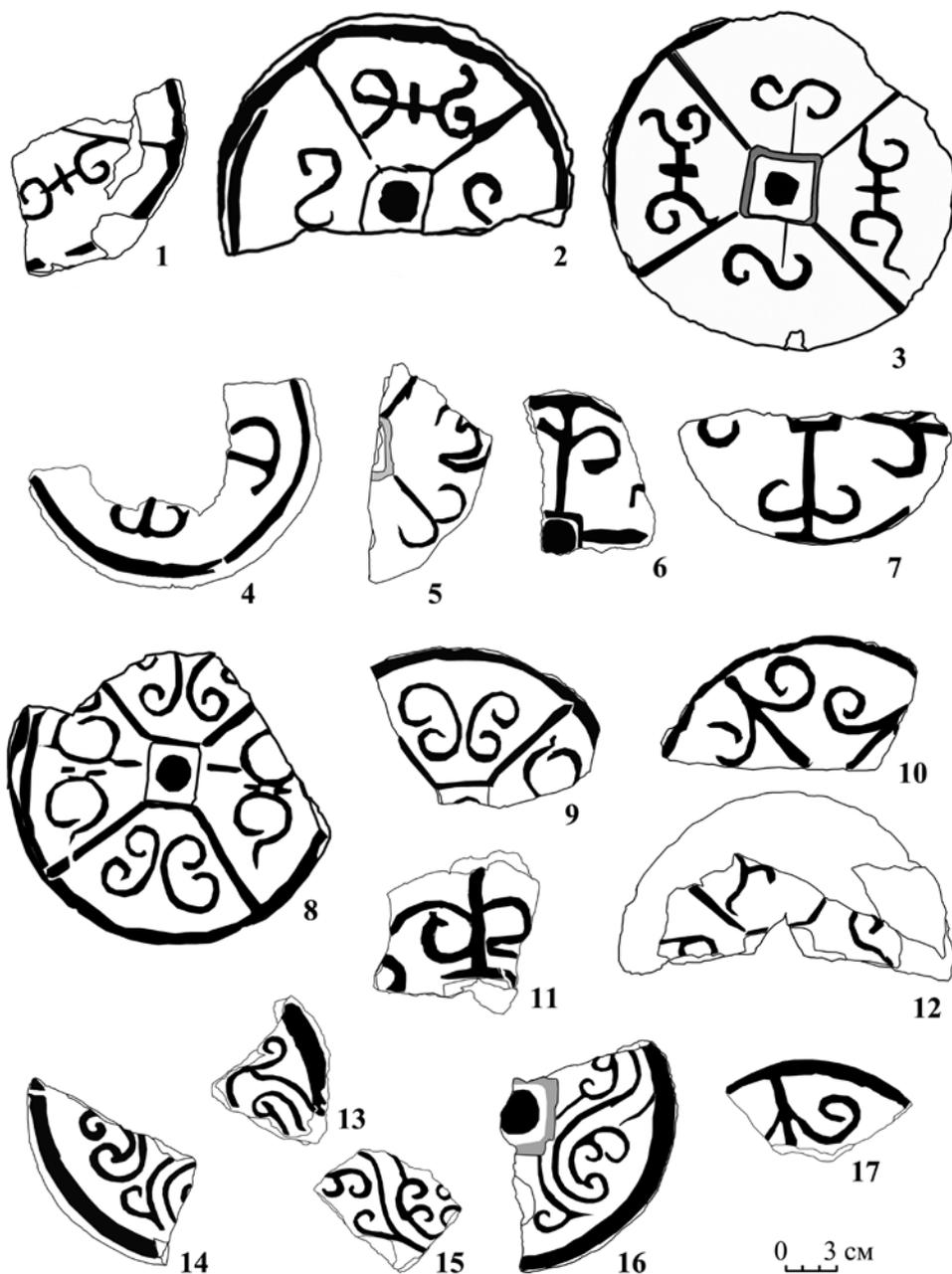

Рис. 4. Варианты декора на концевых дисках черепицы из раскопа №3:
1–3 – вариант 2; 4–5 – вариант 4; 6–7 – вариант 3; 8–9 – вариант 1; 10, 17 – вариант 5;
11–12 – фрагменты невозстанавливаемого декора; 13–16 – вариант 6

ния к черепице, ровно срезан. Обрез бордюра обратной стороны под прямым углом переходит в обрез бокового ребра желобчатой черепицы (рис. 4.-3). Особенно хорошо это видно на другом экземпляре с таким же орнаментом (№86, сектор II, кв. i-6,

пласт 6) (рис. 4.-2). Это свидетельствует о том, что фронтальная черепица вырезалась из цилиндрической заготовки с уже прикрепленным к ней диском. Видны следы примазывания диска к черепице. Также на обратной стороне диска заметны радиальные следы заглаживания поверхности. В центре лицевой стороны есть квадратное углубление глубиной 4–5 мм с выпуклиной посередине. Сама выпуклина не выше поверхности диска вокруг углубления. От углов углубления отходят валики-лучи до внешнего бордюра. В двух противоположных секторах горизонтальные S-образные фигуры. К ним от середины стороны углубления отходят прямые линии валиков, судя по их нечеткости, это могут быть оттиски трещин в деревянном шаблоне. В двух других секторах находится по одной образованной валиками фигуре, похожей на букву «Ж». Один из концов этой фигуры касается валика-луча, идущего от угла углубления к бордюру. Диаметр диска – 18,5 см, его толщина – 2,1 см. Кроме этого диска, такой же орнамент есть на фрагментах № 86, 85 (сектор II, кв. i-6, пласт 6) и №92-1 (сектор II, кв. i-6, пласт 6) (рис. 2.-1). Диаметры двух первых из них соответственно составляют 19,5 и 20–20,5 см.

Второй относительно целый диск №50 (сектор IV, кв. kl-11/12, пласты 5, 7). На обратной стороне диска есть бордюр шириной 2 см и высотой 0,6 см. Диск утолщается к середине, видны радиальные следы заглаживания его поверхности. Сама черепица на выпуклой стороне имеет следы вертикальной бороздчатой выбивки. Диск вырезался из заготовки вместе с черепицей. След предварительного разметочного надреза сохранился в месте стыка боковой грани черепицы и разреза по верху бордюра на обратной стороне диска. На лицевой стороне центральная полусферическая выпуклина находится в прямоугольном углублении. От углов углубления к низкому бордюру шириной 0,7 см и высотой не более 0,2 см расходятся прямые валики, делящие все поле диска на четыре сектора. В двух противоположных секторах находятся по две противостоящие друг другу дуги с завернутыми концами (типа вензеля «Н» без соединительной линии). В двух других секторах, приходящихся на широкие стороны центрального углубления, находятся по две симметрично расположенные фигуры вроде разомкнутых колец с разведенными концами. Между кольцами есть по два идущих один за другим вертикальных отрезка. К этим фигурам от середины прямоугольного углубления отходит прямой валик. Диаметр диска – 19 см. Его толщина с бордюрами – 2,5 см (рис. 4.-8). Фрагменты дисков с таким же орнаментом представлены экземплярами №84 (сектор II, кв. i-4, пласт 6) (рис. 4.-9) и №97 (сектор II, кв. j-5, пласт 6). Характерной особенностью дисков с таким орнаментом является наличие красной краски на лицевой поверхности. Ближайшей аналогией заключенному в сектор рисунку в виде противостоящих дуг с завернутыми концами является декор на полудиске из города восточночжоуского вана в Лояне (VIII–V вв. до н.э.). Китайские исследователи трактуют это изображение как лик мифического животного *таоте* (Чэн, 2007, с. 53). Однако на лоянских дисках такой декор находится в смежных секторах полудиска, а здесь же он занимает противоположные через центр сектора, сочетаясь с другим рисунком в соседних секторах. Размеры диска №84: диаметр – 21 см, толщина с бордюрами – 2,2 см, без бордюров – 1,4–1,9 см. Скорее всего, этот же орнамент есть и на фрагменте диска №88-1 (сектор II, кв. i-6, пласт 6). Этот диск покрыт красной краской с обеих сторон, на обратной стороне есть радиально расходящиеся от центра канавки бороздчатой выбивки. Диаметр диска – 18,8 см, толщина с бордюрами – 2,3 см, только диска – 1,3–1,4 см.

Рассмотренные диски дают достаточно полную характеристику формы и следов обработки, отмечаемых на всех фрагментах этих предметов. Однако кроме двух описанных выше вариантов декора, можно выделить еще четыре варианта, и далее остановимся на их кратком описании.

Вариант 3 представлен фрагментами №53 (сектор IV, кв. k-11, пласт 4) и №94 (сектор IV, кв. g-11, пласт 7) (рис. 4.-6–7). Бордюр лицевой стороны узкий (0,3–0,9 см) и низкий, как и сами валики орнамента. В центре диска квадратная рамка, без центрального углубления, имеющегося на всех остальных вариантах дисков. Все орнаментальное поле разделено на четыре сектора идущими от сторон квадратной рамки к краям диска валиками. От каждого валика возле бордюра симметрично в две стороны расходятся два завитка, концами обращенные вниз, к центру диска. Диаметр диска (№94) – 15,6 см.

Вариант 4 близок к предыдущему, но здесь валики, делящие диск на четыре сектора, идут от углов центрального квадратного углубления и возле бордюра разделяются на два загнутых в сторону центра диска завитка. При этом какие-то завитки могли быть и между этими «ветвями» в центре сектора. Данный вариант представлен фрагментами №59 (сектор IV, кв. j-8, пласт 1) и №82 (сектор IV, кв. j-10, пласт 6). Лицевая сторона первого из них покрыта красной краской, диаметр второго – 17 см (рис. 4.-4–5).

Вариант 5 отличается от двух предыдущих тем, что ответвляющиеся от радиальных валиков завитки завернуты вверх, к внешнему бордюру. К этому варианту относятся фрагменты №27 (сектор I, кв. a-4, пласт 3) и №58 (сектор III, кв. i-2, пласт 4). Диаметры этих дисков – 15 и 18 см соответственно (рис. 4.-10, 17).

Наиболее оригинальным рисунком отличается вариант 6. Он встречен на фрагментах дисков №1 (сектор III, кв. b-8, пласт 1), №21 (сектор III, кв. g-7, пласт 3), №93 (сектор II, кв. i-5, пласт 6) и №95 (сектор IV, кв. i-11, пласт 6). Последний из перечисленных фрагментов имеет покрытие красной краской на лицевой стороне и следы бороздчатой выбивки на обратной. В центре лицевой стороны этих дисков имеется полусферическая выпуклина, помещенная в квадратное углубление. Вокруг – извилистые линии-валики с отростками-завитками растительного орнамента. В отличие от других вариантов, здесь нет деления на сектора. Однако целиком декор не восстанавливается (рис. 4.-13–16). Скорее всего, орнамент на этих дисках однотипен третьему варианту декора с соседней платформы (раскоп №2), описываемому как «сложный растительный орнамент с прочитываемым элементом типа S, заполняющим всю плоскость диска, и выпуклой “жемчужиной” по центру» [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011, с. 44]. Диаметры дисков этого варианта – 17–17,8 см.

Варианты декора на концевых дисках черепицы из раскопа №3 не ограничиваются перечисленными выше. На отдельных фрагментах дисков встречаются рисунки, отличные от этих вариантов, однако из-за малых размеров фрагментов или плохой сохранности восстановить их пока не удается (рис. 4.-11, 12).

Обсуждение и выводы

Нужно отметить, что исследованный нами памятник не является единственным хуннским городищем на данной территории. Фактически по одной линии в направлении к югу – юго-западу находятся еще три хуннских городища – Бурхийн дурвулжин (в 14 км), Хурээт-дов (56 км), Ундур-дов (80 км), Байшинтийн дэрс (в 112 км). Наи-

более близко расположенным памятником является городище Бурхийн дурвулжин. Новый памятник расположен также в Тув аймаке, Мунгунморьт сомоне. От сомона до городища примерно 8 км в направлении на северо-восток. Городище находится на правом берегу р. Бурхийн гол (левый приток Керулена).

К сожалению, памятник практически уничтожен рекой. Кроме того, через памятник проходят две автодороги. Одна из них разделяется на территории городища. От защитных сооружений осталась только небольшая часть северо-восточного вала длиной 35 м и большая часть северо-восточного вала длиной 135 м. Вал очень сильно заплыл. Его ширина – 9–12 м, высота – 0,2–0,3 м. В месте расположения юго-западного вала ближе к южному углу имеется еще один небольшой участок длиной 26 м (рис. 5).

Городище было ориентировано углами по сторонам света. Его размеры, по описанию Х. Пэрлээ [1961, с. 33], составляли 180 × 180 м. Внутри городища, поблизости от юго-западного вала (примерно посередине), находится платформа неопределенной формы. Ее условные размеры – около 30 × 20 м. Другая платформа округло-овальной формы имеет размеры примерно 30 × 30 м. Она находится почти в центре городища. На обеих платформах видны западины от раскопов Х. Пэрлээ. Здания соединяла между собой дорожка, как на городище Тэрэлжийн-дурвулжин.

Никаких следов культурного слоя, так же как и на городище Тэрэлжийн-дурвулжин, не зафиксировано. Зачистка берега показала следующую стратиграфию: гумусированный слой (1–25 см), мелкий галечник (25–47 см), светло-желтый суглинок (48 см). Здесь также встречаются черепица и кирпичи, аналогичные находкам из Тэрэлжийна.

Если сравнивать находки нашей экспедиции с опубликованными материалами раскопок 2007–2008 гг. на платформе №1, то можно констатировать, что там были встречены диски вариантов 1, 2, 5 и близкие к варианту 6 [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011, с. 41–44].

Более важным является сравнение дисков Тэрэлжин-Дэрвэлжина с дисками из городища Гуа-дов. Данный памятник тоже находится в Тув аймаке, в долине Керулена, примерно в 28 км к северо-востоку от сомона Баянжаргалант. Его размеры – примерно 360 × 360 м. Городище также ориентировано углами по сторонам света с некоторыми отклонениями. Вал очень сильно заплыл и прослеживается очень плохо. Между условным центром и северным углом городища находится большая платформа размером примерно 60 × 50 м. Между платформой и северо-восточным валом имеется еще одна небольшая постройка, ориентированная длинной стороной вдоль вала [Пэрлээ, 1957, с. 44; 1961, с. 30–32].

Из описания раскопок Х. Пэрлээ следует, что на этой платформе помимо черепицы и кирпичей располагались округлые базы от колонн, выявлены глинобитные стены, внутренние перегородки, фрагменты деревянных конструкций. Были найдены также фрагменты фарфоровой посуды, пуговица с иероглифами. В 190 м к юго-востоку от городища найдены остатки конструкции, покрытой черепичной крышей. Там была найдена мумия, ориентированная головой на восток [Пэрлээ, 1961, с. 31–32]. Исследования последних лет совместной корейско-монгольской экспедицией дали новые важные данные о конструкции стен и ворот городища [Эрэгзэн, Баярсайхан, Алдармунх, 2014].

Сравнение черепицы Тэрэлжийн-Дэрвэлжина и Гуа-дова показывает, что сходство здесь проявляется в делении поля диска на четыре сектора и в наличии квадратно-

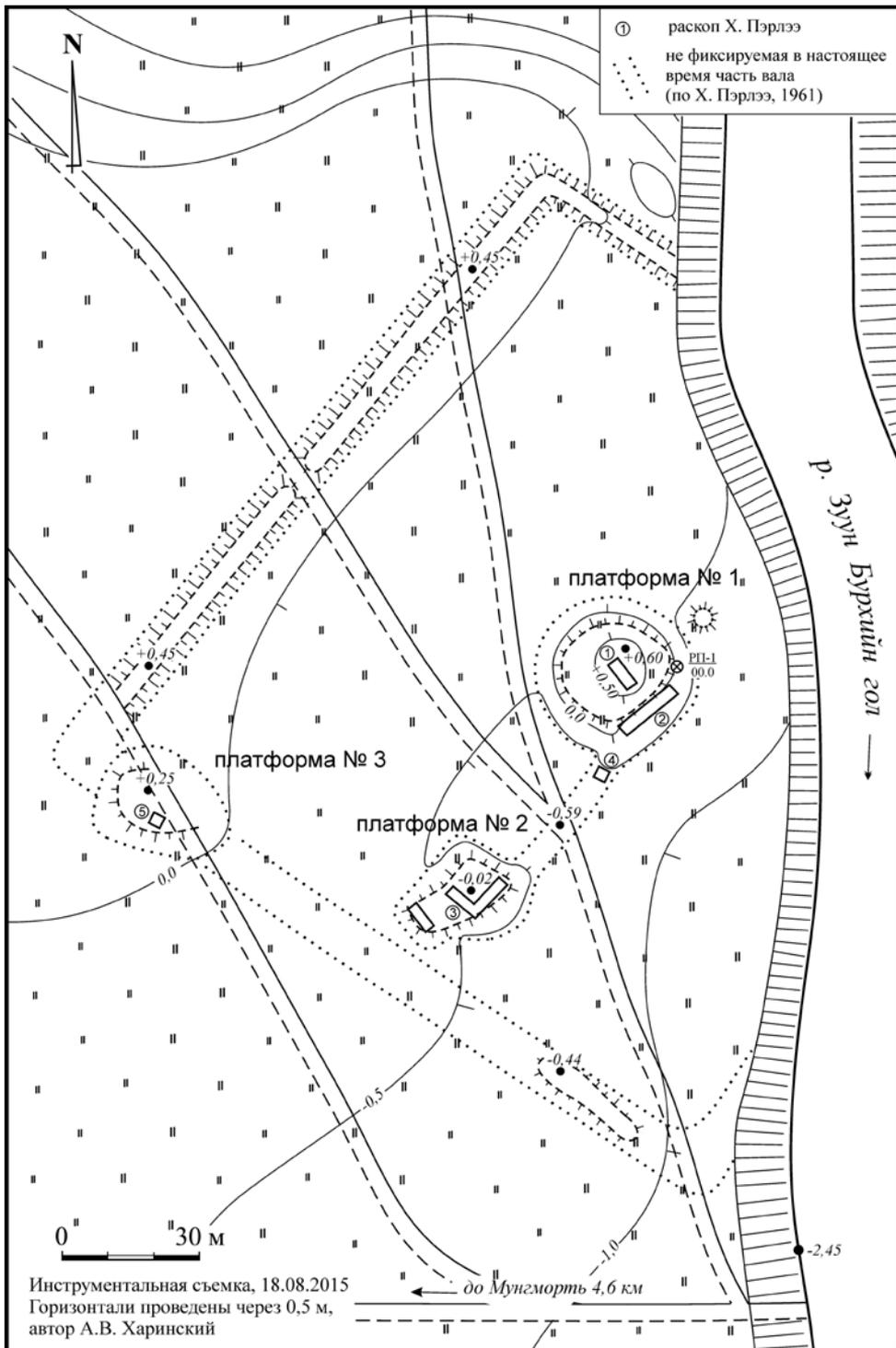

Рис. 5. Городище Бурхийн дурвулжин

го углубления в центре лицевой стороны диска. Однако деление это производится, как правило, двойными радиальными валиками, а внешний бордюр гуа-довских дисков высокий и широкий.

Что касается происхождения декора концевых дисков, то, несомненно, что они выполнены в традициях черепичного ремесла Китая. Общие принципы нанесения декора путем оттискивания его на диск с шаблона, композиции – деление радиальными валиками на четыре сектора, исполнение рисунка в очень низком рельефе – характерны как для черепицы из городища Тэрэлжийн-дэрвэлжин, так и для концевых дисков Китая времен Восточного Чжоу, Чжаньго и Хань (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). Отдельные элементы декора (противоположные дуги с завитками на концах, S-образная фигура) встречаются на дисках Восточного Чжоу и Западной Хань в Лояне, однако они сопровождаются другими элементами, отсутствующими здесь [Чэн, 2007, с. 53, 190–191]. Своими узкими и невысокими бордюрами лицевой стороны диски Тэрэлжийн-дэрвэлжина ближе всего к китайским дискам времени Восточного Чжоу – начала Западной Хань. Следует также отметить, что красное покрытие было характерно для концевых дисков времени Чжаньго (V–III вв. до н.э.) царства Наньюэ (204–111 гг. до н.э.) на юге Китая, в районе провинции Гуандун [Институт культурных ценностей и археологии провинции Гуандун, 2000, с. 13–14; Институт культурных ценностей и археологии города Гуанчжоу, 2000]. Однако на дисках из Китая нет декора, полностью совпадающего с тем, что есть на дисках Тэрэлжин-Дэрвэлжина. Отличиями являются также оттискивание декора с деревянного, а не керамического, как в Китае, шаблона и наличие квадратного углубления в центре диска. Эти два явления тесно связаны между собой. Как верно предположили авторы статьи о черепице из раскопок Тэрэлжин-дэрвэлжина 2007–2008 гг., «сами диски могли изготавливаться на гончарном круге, который имел резной орнамент, негативную проекцию которого мы наблюдаем на изделиях. К тому же на большинстве днищ хуннских сосудов имеются квадратные или подпрямоугольные оттиски от оси, выступающей над плоскостью гончарного круга» [Данилов, Симухин, Цыденова, 2011, с. 45]. Очевидно, здесь на китайское черепичное ремесло наложилась местная гончарная традиция, и специфический для хуннского гончарства круг стал применяться и как шаблон для оттискивания декора на диск в ходе изготовления цилиндрической заготовки фронтальной желобчатой черепицы. Видимо, хуннские мотивы оказались и среди сюжетов декора дисков. В этом отношении примечательно, что встречающаяся на дисках S-образная фигура есть и на тамге на игральной кости из хуннского погребения могильника Гол Мод-2 [Erdenebaatar et al., 2015, p. 91, 224].

О датировке этой черепицы, кроме приведенных выше сравнений дисков с дисками из Лояна времен Восточного Чжоу – Западной Хань, говорит и технология ее изготовления. Важным признаком здесь является отсутствие оттисков ткани на вогнутой поверхности черепицы. Это указывает на то, что цилиндрические заготовки, после подсыхания разрезавшиеся на отдельные черепицы, формовались без обернутого тканью усеченно-конического шаблона. Скорее всего, они формовались из глиняных лент вручную, а после высыхания разрезались либо надрезались и разламывались на отдельные черепицы по надрезам. Такая технология была распространена в Древнем Китае до ханьского времени. При этом исследования западноханьской черепицы из столицы Древнего Китая Чанъани Лю Чжэньдуном и Чжан Цзяньфэном показали, что

шаблон сначала стал применяться для изготовления желобчатой черепицы. Такая технология появляется уже в конце раннего периода Западной Хань, а к середине II в. до н.э. желобчатая черепица без отгисков ткани на вогнутой поверхности там выходит из употребления. Вместе с этим меняется и способ крепления диска к черепице: он уже не вырезается из цилиндрической заготовки вместе с самой черепицей, а лепится непосредственно к черепице после ее вырезания из заготовки. Плоская черепица, изготовленная на шаблоне, появляется в средний период Западной Хань, а ее массовое использование приходится на поздний период Западной Хань, т.е. на I в. до н.э. – начало I в. н.э. [Лю, Чжан, 2007].

Конечно, вдали от ханьской столицы новый способ формовки черепицы на шаблоне мог внедряться значительно позже. Подозрение на более позднее время вызывает и большая длина стыковочных уступов на желобчатой черепице Тэрэлжин-дэрвэлжина. На западноханьской черепице длина этих уступов – около 2,5 см. Однако особенности оформления декора тэрэлжинских дисков (низкий и узкий бордюр) сближают их с дисками Восточного Чжоу и раннего периода Западной Хань. Скорее всего, тэрэлжинская черепица должна относиться ко времени династии Западная Хань, т.е. к III–I вв. до н.э. Следует отметить, что такая датировка соответствует полученной в ходе раскопок калиброванной (intCal13) радиоуглеродной дате 355–47 гг. до н.э.*

Таким образом, скорее всего, городище может быть датировано ранним этапом истории хунну – временем расцвета Хуннской державы. Возможно, что подобным образом могут быть датированы и другие городища хунну на данной территории. Этот факт интересен уже сам по себе и заслуживает самого обстоятельного осмысления. Другой принципиально важный вопрос – функциональная характеристика городища. Отсутствие следов культурного слоя и каких-бы то ни было массовых находок (множество черепицы и кирпичей не в счет) приводит к выводу, что следов активной жизнедеятельности на городище не наблюдается. В результате геофизических исследований на городище также не найдено никаких объектов. Следовательно, данное городище не могло быть административным и экономическим центром.

Более вероятно, что данные городища могли быть религиозными центрами. Однако резонно задать вопрос, носителями какой религии были воздвигнуты данные сооружения? Поскольку хунну поклонялись Небу и Земле, небесным светилам [Таскин, 1968, с. 33, 40, 41, 43, 45], более вероятно, что религиозные обряды и ритуалы они должны были проводить на открытом пространстве в каких-то значимых для них природных местах и сооружать что-то подобное монгольским *обо*, но не строить храмы и монастыри в соответствии с китайскими архитектурными принципами.

Какие еще возможны варианты? Можно предположить, например, что подобные «городища» были заупокойными храмами, воздвигнутыми в честь представителей хуннской элиты, например шаньюев. Поскольку расположение данных памятников никак не связано с известными элитными («террасными») захоронениями хунну, можно допустить, что они должны быть связаны с погребениями знати ранних этапов истории Хуннской империи. Возможно, появятся и другие интерпретации. Так или иначе, ответ могут дать только новые раскопки и новые открытия.

* Авторы выражают свою благодарность Урсуле Бросседер (Боннский университет) за определение данной датировки.

Библиографический список

- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 112 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинское городище. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1995. Т. 1. 287 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. Т. 2. 176 с.
- Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 1998. С. 111–114.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Данилов С.В. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 15–30.
- Данилов С.В., Симухин А.И., Цыденова Н.В. Черепица из хуннского городища Тэрэлжин Дэрвэлжин (Центральный аймак Монголии) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 30–51.
- Институт культурных ценностей и археологии города Гуанчжоу, Канцелярия по организации и строительству Музея дворца правителя Наньюэ. Краткий отчет о раскопках в 1995–1997 гг. дворца и административных учреждений царства Наньюэ в Гуанчжоу // Вэнью. 2000. №9. С. 4–24 (广州市文物考古研究所、南越王宫博物馆筹建办公室. 广州南越国宫署遗址1995-1997年发掘简报 // 文物. 2000年 第9期, 4–24页).
- Институт культурных ценностей и археологии провинции Гуандун. Повторные раскопки памятника Иньган в уезде Боло Гуандуна // Вэнью. 2000. №6. С. 4–16 (广东省文物考古研究所. 广东博罗银岗遗址第二次发掘 // 文物. 2000年 第6期, 4–16页).
- Крадин Н.Н. Социально-экономический строй хунну Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №1. С. 79–86.
- Крадин Н.Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 11–31.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 415 с.
- Лю Чжэньдун, Чжан Цзяньфэн. Предварительное исследование кирпича и черепицы Западной Хань // Каогу сюэбао. 2007. №3. С. 339–358 (刘振东、张建锋. 西汉砖瓦初步研究 // 考古学报. 2007年 第三期, 339–358页) (на кит. яз.).
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. 1957. №3. С. 43–53.
- Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт дундад үеийн хот суурины товчоон. Улаанбаатар: [Б. и.], 1961. 157 с. (на монг. яз.).
- Таскин В.С. (перев.). Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М. : Наука, 1968. 176 с.
- Чэн Юнцзянь. Концевые диски черепицы, найденные в Лояне / сост. Чэн Юнцзянь. Пекин : Кэсюэ, 2007. 445 с. (洛阳出土瓦当 / 程永建编著. 北京 : 科学出版社, 2007. 445页) (на кит. яз.).
- Эрэгзэн Г., Баярсайхан М., Алдармөнх П. «Гуа дов» хэмээх Хүннүгийн хотын турьд хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс (Предварительные результаты археологических исследований хуннского городища «Гуа дов») // Монголын археологи – 2013 он: ШУА-ийн археологийн хүрээлэнгийн 2013 оны хээрийн судалгааны үр дүн (Археология Монголии – 2013: результаты полевых исследований Института археологии Академии Наук Монголии в 2013 году). – Улаанбаатар : [Б. и.], 2014. С. 42–47.
- Brosseder U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on «Archaeological Resesarch in

Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. P. 247–280.

Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Batbold N., Galbadrakh B., Maratkhaan A. Investigation of Xiongnu elite burials Gol Mod-2 at Balgasyn Tal. Ulaanbaatar, 2015. 257 p. (на монг. яз.).

Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. 6. Tokyo, 1984. P. 51–92.

Ramseyer D., Pousaz N., Törbat T. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on «Archaeological Resesarch in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. P. 231–240.

**A.L. Ivliev, N.N. Kradin, A.V. Kharinsky,
A. Ochir, S.A. Vasjutin, E.V. Kovychev, L. Erdenebold**

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDIES OF THE XIONGNU FORTRESS TERELJIN TURVULDJIN

In 2015, the Russian-Mongolian expedition carried out investigations in the Terelj Jin Turvuldjin site in Mongolia. The monument has a shape of an irregular square. On the hill there are corner towers, in the center of each side there are gates. Inside the site there are four platforms connected in pairs by roads. In the process of excavation a large number of tiles and bricks are found. The article gives a technological and typological analysis of the tiles which is most likely dated by the time of the Western Han Dynasty, which is confirmed by radiocarbon analysis. The absence of mass finds (ceramics, bones, paleobotanical remains) raises the question of the functions of the ancient settlement. As a result of geophysical studies, no objects were found on the territory of the monument. The authors are discussing whether this site could be an administrative, economic, religious or any other center.

Key words: Mongolia, Xiongnu, urbanization.

References

Davydova A.V. Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e [Ivolginsky Complex (Ancient Settlement and Burial Ground) – a Monument to the Hun in Transbaikalia]. L. : Izd-vo LGU, 1985. 112 p.

Davydova A.V. Ivolginskiy arheologicheskiy kompleks. Ivolginskoe gorodishche [Ivolginsky Archaeological Complex. Ivolginsky Ancient Settlement]. SPb. : Tsentr "Peterburgskoe vostokovedenie", 1995. Vol. 1. 287 p.

Davydova A.V. Ivolginskiy arheologicheskiy kompleks. Ivolginskiy mogil'nik [Ivolginsky Archaeological Complex. Ivolginsky Burial Ground]. SPb. : Tsentr "Peterburgskoe vostokovedenie", 1996. Vol. 2. 176 p.

Danilov S.V. Raskopki zdaniya na khunnskom gorodishche Bayan-Under v Dzhydinskoy rayone Respubliki Buryatiya [Excavations of the Building on the Hunns' Fortified Site of Bayan-Undeer in the Dzhydinsky District of the Republic of Buryatia]. Arkheologiya i etnologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii [Archaeology and Ethnology of the Far East and Central Asia]. Ed. N.N. Kradin. Vladivostok : Institut istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN, 1998. Pp. 111–114.

Danilov S.V. Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii [Cities in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude : Izd-vo BNTs SO RAN, 2004. 202 p.

Danilov S.V. Gorodishcha khunnu Mongolii i Zabaykal'ya (k voprosu o funktsional'nom prednaznachenii poselencheskikh kompleksov khunnu) [Ancient Settlements of the Huns of Mongolia and Transbaikalia (to the Question of the Functional Purpose of the Settlement Complexes of the Huns)]. Khunnu: arkhologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya [Hunnu: Archaeology, the Origin of Culture, Ethnic History]. Ulan-Ude : Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. Pp. 15–30.

Danilov S.V., Simukhin A.I., Tsydenova N.V. Cherepitsa iz khunnskogo gorodishcha Terelzhin Dervelzhin (Tsentral'nyy aymak Mongolii) [Shingles from the Hunns' Fortification Tarelzhin Darvellzhin (Central Aimag of Mongolia)]. Khunnu: arkhologiya, proiskhozhdenie kul'tury, etnicheskaya istoriya [Hunnu: Archaeology, the Origin of Culture, Ethnic History]. Ulan-Ude : Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. Pp. 30–51.

Institut kul'turnykh tsennostey i arkheologii goroda Guanchzhou, Kantselyariya po organizatsii i stroitel'stvu Muzeya dvortsa pravatelya Nan'yue. Kratkiy otchet o raskopkakh v 1995–1997 gg. dvortsa i administrativnykh uchrezhdeniy tsarstva Nan'yue v Guanchzhou [Institute of Cultural Values and Archaeology of the Guangzhou City, Chancellery for the Organization and Construction of the Museum of the Palace of the Governor of Nanyue. A Brief Report on Excavations in 1995–1997. Palace and Administrative Institutions of the Kingdom of Nanyue in Guangzhou]. Ven' u. 2000. №9. С. 4–24 (广州市文物考古研究所、南越王宫博物馆筹建办公室. 广州南越国宫署遗址1995–1997年发掘简报 // 文物. 2000年 第9期, 4–24页).

Institut kul'turnykh tsennostey i arkheologii provintsii Guandun. Povtornye raskopki pamyatnika In'gan v uezde Bolo Guanduna [Institute of Cultural Values and Archaeology of the Guangdong Province. Repeated excavations of the Yingan monument in the Bolo county of Guangdong // Ven' u. 2000. №6. S. 4–16 (广东省文物考古研究所. 广东博罗银岗遗址第二次发掘 // 文物. 2000年 第6期, 4–16页).

Kradin N.N. Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy khunnu Zabaykal'ya [The Socio-Economic System of the Trans-Baikal Hunns]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2005. №1. Pp. 79–86.

Kradin N.N., Kan In Uk. Sovremennye issledovaniya po arkheologii khunnu v Evrazii [Modern Research on Archaeology of the Hunns in Eurasia]. Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov [The Hunns Forum. Problems of Origin and Identification of the Culture of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk : Izd. tsentr YuUrGU, 2013. Pp. 11–31.

Kryukov M.V., Perelomov L.S., Sofronov M.V., Cheboksarov N.N. Drevnie kitaytsy v epokhu tsentralizovannykh imperiy [The Ancient Chinese in the Era of Centralized Empires]. M. : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1983. 415 p.

Lyu Chzhen'dun, Chzhan Tszyan'fen. Predvaritel'noe issledovanie kirpicha i cherepitsy Zapadnoy Khan' [Preliminary Study of the Bricks and Shingles of Western Han]. Kaogu syuebao. 2007. №3. Pp. 339–358 (刘振东、张建锋. 西汉砖瓦初步研究 // 考古学报. 2007年 第三期, 339–358页) (in Chinese).

Perlee Kh. K istorii drevnikh gorodov i poseleniy Mongolii [To the History of Ancient Cities and Settlements of Mongolia]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1957. №3. Pp. 43–53.

Perlee Kh. Mongol ard ulsyn ert dundad yeiyn khot suuriny tovchoon. Ulaanbaatar : [b.i.], 1961. 157 p. (in Mongolian)

Taskin V.S. (perev.). Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam) Vyp. 1. [Materials on the History of the Sunnu (according to Chinese Sources). Issue. 1]. M. : Nauka, 1968. 176 p.

Chen Yuntszyan'. Kontsevye diski cherepitsy, naydennye v Loyane [End Plates of Tiles Found in Luoyang]. Compiler Chen Yuntszyan'. Pekin : Kesyue, 2007. 445 p. (洛阳出土瓦当 / 程永建编著. 北京 : 科学出版社, 2007. 445页) (in Chinese).

Eregzen G., Bayarsaykhan M., Aldarmenk P. “Gua dov” khemeekh Khynnygiyn khotyn tur'd khiysen arkheologiyn maltlaga sudalgaany ur' dchilsan yr dyngees (Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy khunnuskogo gorodishcha “Gua dov”) [Preliminary Results of Archaeological Research of the Hunnu Hill Fort] / Mongolyn arkheologi [Mongolian Archaeology] – 2013 on: ShUA-iyn arkheologiyn khyreelengiyn 2013 ony kheeriyn sudalgaany yr dyn (Arkheologiya Mongolii – 2013: rezul'taty polevykh issledovaniy Instituta arkheologii Akademii Nauk Mongolii v 2013 godu). – Ulaanbaatar : [b.i.], 2014. Pp. 42–47.

Brosseder U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2009. Pp. 247–280.

Erdenebaatar D., Iderkhangai T., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Batbold N., Galbadrakh B., Maratkhaan A. Investigation of Xiongnu Elite Burials Gol Mod-2 at Balgasyn Tal. Ulaanbaatar, 2015. 257 p. (in Mongolian)

Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. 6. Tokyo, 1984. Pp. 51–92.

Ramseyer D., Pousaz N., Törbat T. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Resesarch in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2009. Pp. 231–240.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.022(571.1)

О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень, Россия

КЕРАМИКА В ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Для большинства археологических культур Западной Сибири отсутствуют наиважнейшие для этносоциальных реконструкций компоненты (погребения, одежда, татуировки и т.п.), которые позволяют получить родовую, гендерную или статусную информацию. Главным компонентом, служащим для выделения этих культур, является керамика с ее декоративно-морфологическими особенностями. Каждая из археологических культур обладает общим набором элементов и мотивов орнаментации, однако их показатели на разных памятниках могут различаться. В связи с этим в работе предпринята попытка выделения групп памятников на основе доминирующих мотивов орнаментации. Основная задача, которую решает данное исследование, – выяснить, может ли орнамент на керамической посуде рассматриваться в качестве одного из признаков деления древнего общества на роды/фратрии и т.п. На примере анализа керамических комплексов бархатовской и баитовской культур в Притоболье и сузгунской и красноозерской культур в Ишимо-Иртышье было установлено, что на поселениях каждой из этих культур, расположенных на разных реках (или разных частях одной реки), керамика характеризуется доминированием определенных мотивов орнаментации. Полученные результаты с осторожностью позволяют предположить, что это может быть свидетельством деления коллективов на родовые, или фратриальные, группы, их локального расселения и сохранения у диахронных родственных культур на определенной территории конкретных мотивов орнамента.

Ключевые слова: Западная Сибирь, поздний бронзовый век, ранний железный век, керамика, орнамент, палеосоциология.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-12

Введение

Керамика для многих археологических культур является наиболее массовым и единственным культурно-определяющим фактором. Основным предметом анализа керамических комплексов в рамках культурно-хронологических построений чаще всего является орнамент, которому придается большое значение, вплоть до отождествления с определенными этнокультурными общностями [Иванов, 1963, с. 23; Косарев, 1981, с. 22; Зах, 2004; 2005]. Вопрос об этнической принадлежности древних коллективов невероятно дискуссионный (см. [Крадин, 2009; и др.]). По мнению Л.Н. Коряковой [1988, с. 90], «привлечение керамики для выяснения путей формирования того или иного народа вне исторического контекста чревато ошибками». В.И. Молодин высказал мнение о том, что этногенетические построения возможны не глубже раннего железного века [Народы..., 2005, с. 26].

В то же время этнографические исследования показывают, что в традиционных обществах разным уровням социальных и этнических групп соответствовала своя система общепризнанных знаков, имевших важное социальное значение. Существовал общеэтнический (племенной) керамический стиль, который в зависимости от традиций мог распадаться на стиль этнографической группы (группы общин), общинный стиль, стиль рабочей группы, индивидуальный стиль. Кроме того, существовали различные способы организации гончарного производства и выработки стилей, передачи навыков изготовления посуды, распространения в пространстве как готовых гончарных изделий, так и после поломки их фрагментов [Шнирельман, 2002]. Большинство

из этих параметров не могут быть установлены на археологических материалах, тем не менее «...определенную сигнификативную функцию имели и некоторые виды керамической продукции, и это открывает интересные перспективы для выявления определенных социальных группировок путем изучения остатков глиняных сосудов, найденных на древних памятниках» [Шнирельман, 2002, с. 33].

В.Н. Чернецов [1953, с. 70], характеризуя орнаментацию на древней посуде и орнаменты обских угров, полагал, что орнаменты на берестяной и керамической посуде на протяжении эпох бронзы и раннего железного века могут рассматриваться «в тотемно-апотропеическом значении». Он отмечал, что у хантов и манси «...в каждой местности, наряду с прочими узорами, существует какой-нибудь один, наиболее характерный и часто встречающийся. В одежде и на посуде имеются определенные места именно для этого узора, и почти всегда можно узнать, откуда и даже из какого рода происходит вещь» [Чернецов, 1953, с. 70]. По его мнению, в древности роды могли занимать территории аналогично принципам расселения обских угров; в течении одной реки или ее части селились роды одной фратрии, а в бассейне другой – роды другой фратрии; взаимоотношения между ними регулировались нормами экзогамии, которые обуславливали связи с отдаленными территориями [Чернецов, 1953, с. 61–62].

Выделение археологических культур и типов Западной Сибири основано чаще всего на особенностях формы и декора глиняной посуды, обнаруженной в культурном слое поселений и могильников. При этом керамика синхронных культур зачастую обладает рядом близких декоративных признаков (элементов и мотивов) в силу «культурно-генетического родства», а «...число элементов конечно, они постоянно повторяются...» [Корякова, 1988, с. 90], поэтому отдельные элементы и приемы их нанесения имеют значительный диахронный размах. Кроме того, геометрический орнамент некоторых народов, утратив свое прежнее значение, мог быть осмыслен заново [Иванов, 1963, с. 21]. Структуре орнамента археологической посуды посвящено большое количество работ, в то же время отмечается отсутствие единой терминологии, исходящее из разного понимания структурных уровней орнамента или разного обозначения этих уровней [Рудковский, 2010]. То же наблюдается и в отношении обозначения технических приемов нанесения орнамента [Корякова, 1988, с. 90–91; Глушков, 1996, с. 63]. В целом основными понятиями являются «элемент», «мотив», «композиция»: *элемент* – отдельное неделимое изображение, деталь мотива; *мотив* – ряд одного и того же элемента; *композиция* – комбинация различных мотивов [Иванов, 1963, с. 42; Корякова, 1988, с. 98; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 236].

Особенности керамики археологических культур Западной Сибири охарактеризованы на разных уровнях: от простых описаний до сложных многоуровневых классификаций, основанных на методах математической статистики. В настоящий момент источниковая база керамических комплексов поселений различных эпох существенно пополнилась, что позволяет проанализировать орнамент керамики поселений определенной археологической культуры и выявить те элементы/мотивы орнаментации посуды, которые могли доминировать на поселенческой посуде на тех или иных территориях в пределах ареала этой культуры. Данная задача связана с выявлением возможностей привлечения массового керамического материала для анализа структуры общества в древности: действительно ли орнамент на керамической посуде может со-

держат элементы и мотивы, которые позволяют выделить локальные структуры внутри общества (условно говоря, роды/фратрии), остатки материальной культуры которого в настоящее время представлены археологическими культурами? Интерес представляют орнаментальные признаки на посуде однокультурных групп, а не признаки, отражающие инокультурное влияние на орнаментальный комплекс и степень инкорпорации инородцев, которую можно проследить по наличию инокультурных предметов и синкретичных форм/узоров и пр. При этом одновременность обитания на рассматриваемых поселениях в рамках культуры не принципиальна, тем более что на археологических материалах она редко доказуема. На протяжении нескольких поколений одна группа/общность/сообщинность/ и т.п. родственного населения могла обитать на определенной территории и использовать для украшения посуды одни те же знаки, поскольку традиции, в том числе и орнаментальные, это «...социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Культурология..., 1998, с. 265; Иванов, 1963, с. 23].

По мнению ряда исследователей, признаком экзогамного деления в древности могло служить наличие в керамических комплексах посуды, украшенной с применением разных технических приемов. Например, родовые традиции, по мнению В.С. Мосина, выражены основными техническими приемами орнаментации посуды: гребенчатый, гребенчато-ямочный, отступающее-накольчатый, накольчатый. В рамках IV–III тыс. до н.э. на территории Урало-Западно-Сибирского региона исследователь выделяет четыре сообщинности (совокупности общин как основных первичных социумов, осуществляющих свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур). В каждую из четырех сообщинностей (центральноуральская, западносибирские лесная и лесостепная, североказахстанская), им включены археологические культуры этих территорий и дана характеристика основ хозяйства, технологии изготовления орудий и родовых традиций [Мосин, 2007, с. 14–16]. Ю.Б. Цетлин выделил на основе процентного соотношения элементов орнамента (ямочный, гребенчатый, накольчатый, гладкий и др.) в неолитических культурах Русской равнины группы памятников со сходными традициями и пришел к выводу о том, что разные группы поселений располагались в пределах территории культур «чересполосно» и, возможно, включали поселения разных родов, или фратрий, в рамках первобытного племени. Таким образом, по его мнению, большинство неолитических культур центра Русской равнины отражают эндогамные племенные образования, каждое из которых включало по две родовые (или фратриальные) группы носителей, имеющих специфические особенности в традициях декорирования глиняной посуды [Tsetlin, 2012]. В.А. Зах [2009, с. 240] считает, что дуально-экзогамную организацию общества ташковской культуры эпохи ранней бронзы в Притоболье позволяет предполагать преобладание посуды с разными орнаментальными традициями (отступающе-прочерченной и гребенчато-ямочной) в разных жилищах и смешение двух традиций. Отражением фратриальной организации гамаюнских племен Зауралья на рубеже бронзового и раннего железного веков, по мнению В.А. Борзунова [1992, с. 143], является деление керамического комплекса на два основных типа: ямочно-крестовый и ямочно-волнистый.

Результаты и обсуждение

Указанные примеры разнородны в территориальном и хронологическом планах. Поэтому в первую очередь рассмотрению подверглись культуры бронзового – железного веков лесостепной – южно-таежной зон Западной Сибири (бархатовская, ирменская, байтовская, саргатская) как обладающие относительно представительными керамическими коллекциями и наиболее знакомые автору [Зими́на, 2015a]. Каждая из культур имеет очерченный ареал и характерные признаки орнаментации, которые отражают единство орнаментального комплекса и демонстрируют его динамику и инокультурное влияние. Группировка поселений и выявление наиболее характерных для той или иной части ареала мотивов орнаментации осуществлялись с использованием метода *k*-средних многомерной классификации, задачей которого является построение заданного числа кластеров, максимально отличающихся друг от друга, и определение параметров, по которым они различаются [Компьютеризованный статистический анализ..., 1999, с. 117–126].

Анализ керамики поселений бархатовской культуры Зауралья выявил три группы поселений, которые локализуются в долине Тобола в подтаежной зоне и в зоне северной и южной лесостепи (рис. 1.-1). Охарактеризовать в керамическом массиве бархатовской культуры группировки на основе техники нанесения узора, как это сделано исследователями в приведенных выше примерах, не представляется возможным, поскольку доминирующая техника нанесения узора – штампование с использованием гладкого штампа*. Гребенчатая техника присутствует лишь в орнаментации поселений раннего этапа культуры и составляет не более 6–13%. Лишь поселения подтаежной зоны содержат высокий процент сосудов, украшенных при помощи гребенчатого штампа (20–30%), но это, на наш взгляд, свидетельство влияния (Чечкино-4, Черемуховый Куст) или прямого взаимодействия (Чеганово-3) с носителями сузгунской культуры. Наибольшие различия комплексы получили по следующим мотивам орнамента. В орнаментации керамических комплексов поселений подтаежной зоны (Чечкино-4, Черемуховый Куст, Мостовое-1, Чеганово-3) доминируют мотивы из горизонтальных линий, рядов вертикальных оттисков штампа, заштрихованных лент, круглых ямок. Для комплексов северной лесостепи, приуроченных к Тоболо-Исетскому междуречью, где представлены поселения как раннего (Щетково, Ново-Шадрино-2, 7, Поспелово-1), так и позднего (Красногорское, Коловское, Усть-Утяк-1, Заводоуковское-9) этапов культуры, наиболее значимым элементом являются «жемчужины». В орнаментации керамики южных поселений Язевое-1 и Камышное-2, расположенных на границе со степью, высокий процент мотивов из горизонтальной «елочки» и столбиков из оттисков штампа, кроме того, следует отметить ромбы, уголки и каннелюры/желобки (рис. 1.-2, 4).

В Тоболо-Исетском междуречье выделена следующая за бархатовской и генетически с ней связанная байтовская культура [Матвеев, Аношко, 2009, с. 340–341]. Она не обладает сколько-нибудь значительным арсеналом орнаментальных моти-

* Исследователи бархатовских памятников называют этот прием резной техникой [Матвеев, Аношко, 2009, с. 274]. Просмотренные коллекции подтаежной зоны свидетельствуют о том, что узоры наносились гладким штампом [Зими́на, Илюшина, 2013]. Об этом свидетельствуют следы в оттисках, которые различаются при штамповании и нанесении узора резным способом [Глушков, 1996, с. 65–67].

вов. Считается, что основной элемент баитовского декора – ямочно-жемчужная орнаментация [Шарапова, 2004]. Композиция в целом строится на сочетании мотива из ямок или «жемчужин» на шейке горшка и одного-двух рядов оттисков гребенчатого или гладкого штампа, уголков, наколов, прочерченных линий на плечике. Узоры из штампов в основном представляют собой простые мотивы в виде ряда наклонных или вертикальных оттисков, иногда горизонтальной «елочки», зигзагов, столбиков, и очень редко образуют геометрические фигуры (в основном не более 3–5% случаев) [Матвеева, 1989]. Часть емкостей не орнаментирована. Анализ связей между элементами орнамента в коллекции поселения Устюг-2 выявил отсутствие статистически значимых зависимостей элементов орнамента между собой [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011]. В целом при нанесении узора носители баитовской культуры использовали штампование, различающееся разными видами орнаментов – гладкий, гребенчатый, округлый (вдавления-ямки), накальвание (округлые оттиски, уголки), прочерчивание (протаскивание) и «шагание» гребенчатым штампом.

При выявлении наибольших различий между керамическими комплексами поселений по технике орнаментации они, за некоторым исключением, были сгруппированы по территориальному признаку. В одну группу вошли почти все поселения долины р. Тобол (Устюг-2, Боровушка-2, Бол. Имбиряй-3, Бочанецкое, Баитовское городище, Язевое-1, Калачик-1, за исключением двух, расположенных на р. Исеть, – Носиловское городище и поселение Рафайлово-2). Керамические комплексы этих поселений объединяют узоры, нанесенные гребенчатым штампом и прочерчиванием, а кроме того, велика доля сосудов без орнамента. Во второй группе объединены исетские поселения Ботники-1, Верхне-Ингальский борок-1, Павлиново, Усть-Терсюкское и Рафайловское городища, а также три тобольских поселения – одно лесостепное Речкино-1 и два подтаежных Юртобор-3 и Чеганово-1–3. Их объединяет преобладание «жемчужин», узоров, нанесенных гладким штампом и уголком лопаточки, наколы. Ямочный узор одинаково представлен в декоре керамики обеих групп. Обособленно выглядит поселение Чепкуль-8б, расположенное в Туро-Пышминском междуречье, на основании высоких показателей узоров, нанесенных гребенчатым штампом и прочерчиванием – так называемыми «расчесами» (рис. 1.-3, 5).

В отношении развития бархатовско-баитовской линии орнаментации можно предположить сохранение и развитие ее особенностей, правда, в трансформированном, обедненном виде. В долине р. Исеть, где исследованы два поздних городища бархатовской культуры, одними из ведущих признаков орнаментации являются мотивы из «жемчужин» (до 50–60%) и оттисков гладкого штампа (в том числе до 60–70% в орнаментации составляет мотив из рядов наклонных оттисков). Эти же признаки отличают орнаментацию посуды баитовских поселений на Исети. На бархатовской керамике с поселений в долине р. Тобола фиксируется присутствие узоров, нанесенных гребенчатым штампом, и узоров в виде вдавлений (на 8–13% сосудов – мотив из ряда ямок на шейке, а до 20–30% – каплевидных вдавлений), а на позднем поселении Заводоуковское-9 мотив из ямок возрастает до 30%, и отмечается тенденция к увеличению узоров, выполненных гребенчатым штампом. Узоры из оттисков гребенчатого штампа отличают керамические комплексы группы тобольских поселений баитовской культуры.

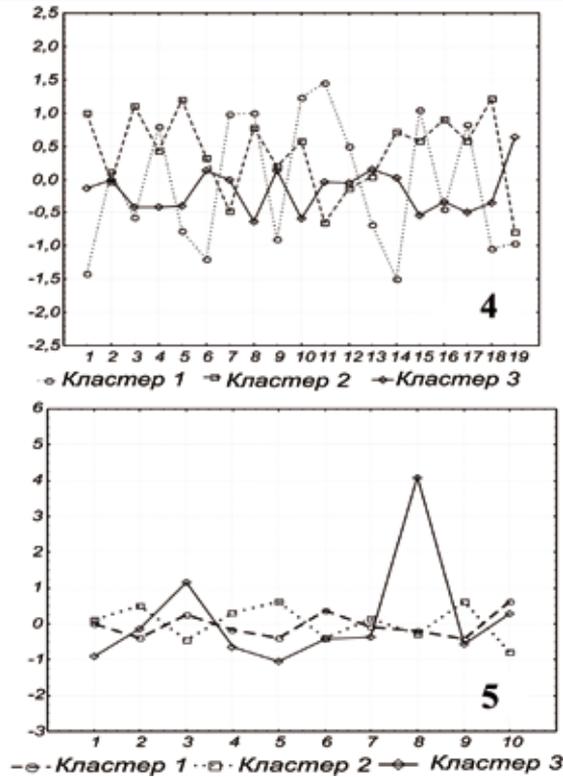
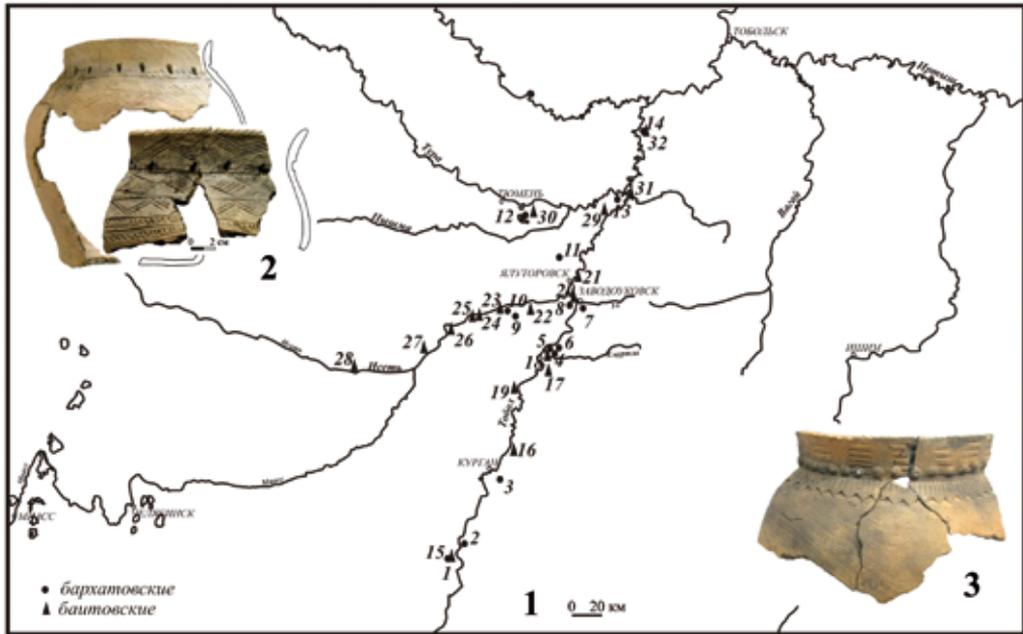

Рис. 1. 1. Карта поселений бархатовской и баитовской культур (бархатовские: 1 – Язеве-1; 2 – Камышное-2; 3 – Усть-Утяк-1; 4 – Ново-Шадрино-2; 5 – Ново-Шадрино-7; 6 – Поспелово-1; 7 – Заводоуковское-9; 8 – Щетково-2; 9 – Коловское; 10 – Красногорское;

11 – Черемуховый Куст; 12 – Мостовое-1; 13 – Чечкино-4; 14 – Чеганово-3; **баитовские:** 15 – Язеве-1; 16 – Баитовское; 17 – Бочанецкое; 18 – Боровушка-2; 19 – Речкино-1; 20 – Устюг-2; 21 – Большой Имбиряй-3; 22 – Верхне-Ингальский Борок-1; 23 – Ботники-1; 24 – Рафайлово-2; 25 – Рафайловское гор.; 26 – Усть-Терсюкское гор.; 27 – Павлиново гор.; 28 – Носиловское гор.; 29 – Калачик-1; 30 – Чепкуль-8б; 31 – Юртобор-3; 32 – Чеганово-1–3).

2. Керамика бархатовской культуры. 3. Керамика баитовской культуры. 4. График результатов сравнения бархатовских керамических комплексов методом *k*-средних (группировки памятников: кластер 1 – 1–2; кластер 2 – 3–10; кластер 3 – 11–14; мотивы бархатовской орнаментации: 1) горизонтальные линии; 2) наклонные оттиск штампа; 3) вертикальные оттиски штампа; 4) зигзаг горизонтальный; 5) ленты заштрихованные; 6) сетка; 7) ромбы; 8) уголки; 9) треугольники; 10) «елочка» горизонтальная; 11) столбики; 12) флажки; 13) валик; 14) линия (по вертикали); 15) каннелюры (желобки); 16) скобочки; 17) каплевидные вдавления; 18) круглые ямки; 19) «жемчужины»)*. 5. График результатов сравнения баитовских керамических комплексов методом *k*-средних (группировки памятников: кластер 1 – 15–18, 20–21, 24, 28–29; кластер 2 – 19, 22–23, 25–27, 31–32; кластер 3 – 30; техника орнаментации баитовской керамики: 1) ямки; 2) «жемчужины»; 3) гребенчатый штамп; 4) гладкий штамп; 5) уголковый штамп; 6) прочерченный; 7) шагающая гребенка; 8) расчески; 9) прочие (наколы, насечки, т.п.); 10) без орнамента)

* Источники показателей орнаментации бархатовской и баитовской культур приведены: [Зими́на, 2015а].

Примерно в этот же хронологический период в конце бронзового – переходное время к железному веку в Ишимо-Иртышском междуречье были распространены поселения сузгунской и красноозерской культур (рис. 2.-1).

Сравнительный анализ сузгунских комплексов Ишимо-Иртышья подтвердил своеобразие орнаментации керамических комплексов поселений, локализованных по крупным водным артериям – Ишиму и Иртышу. Узор на посуду нанесен преимущественно штампованием гладким и гребенчатым орнаментиром, некоторые элементы выполнены прочерчиванием. В целом преобладают элементы, нанесенные гладким штампом, и ямки. Для керамики поселений Прииртышья (Алексеевка-1, 21, 19, Надеждинка-4–5, Красноозерское-1 и Калугино-1) наиболее характерными оказались мотивы из рядов вертикальных оттисков штампа, горизонтальный и вертикальный зигзаги, ромбы, треугольники, валики, «скобочки» и каплевидные вдавления, ямки, а кроме того, для этих комплексов отмечается высокий процент узоров, нанесенных прочерчиванием. Орнаментацию поселений Приишимья (Кучум Гора, Чупино и Борки-1) представляют мотивы из рядов наклонных оттисков штампа, сетки, желобков, скобочек, зашипов и «жемчужин». В технике нанесения орнамента доминирует гладкий штамп. Исследователи отмечали значительное влияние бархатовской культуры на облик сузгунских комплексов Приишимья – этим объясняются доминирование «жемчужин», узоров, нанесенных гладким штампом, и ряд других характерных признаков бархатовской орнаментации, встречающихся на сузгунской посуде Приишимья [Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1991; Аношко, Рыжкова, 2005]. Два поселения (Абатское-6 и Чудская Гора) выделились в отдельную группу. Орнаментация керамики этих поселений, с одной стороны, включает мотивы, характерные и для Прииртышья, и для Приишимья, как то: ряды из оттисков наклонного и вертикального штампа, желобки, мотив из ямок, с другой – их выделяют мотив из оттисков уголка,

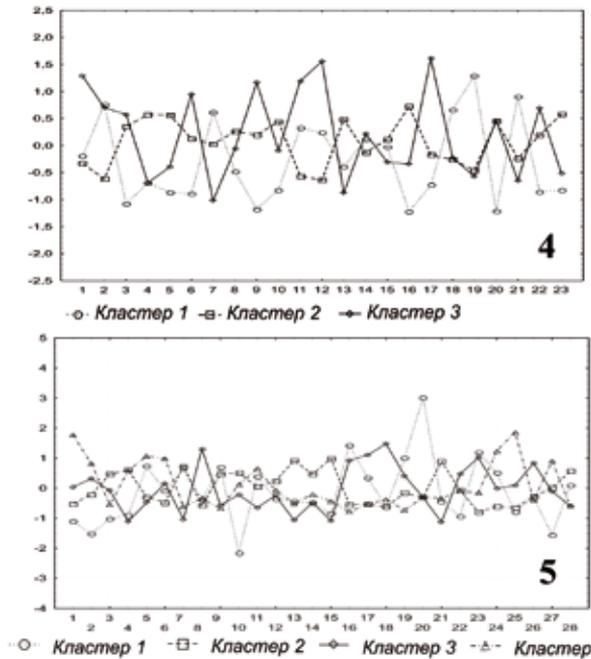
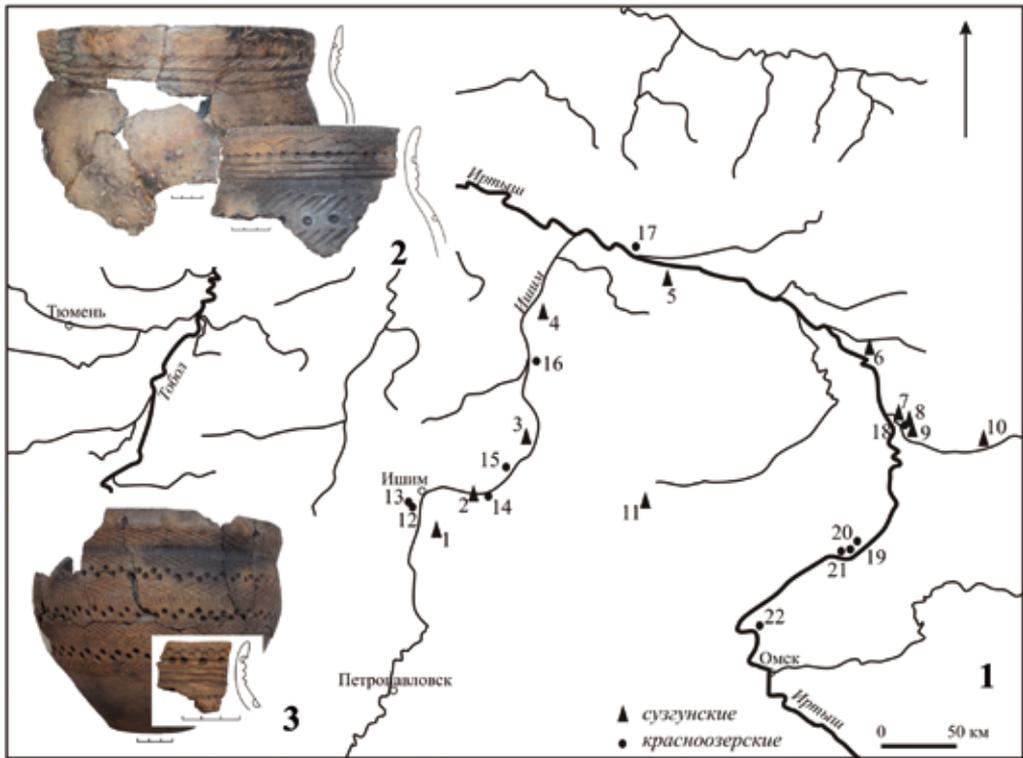

Рис. 2. 1. Карта памятников сузгунской и красноозерской культур (сузгунские: 1 – Кучум Гора; 2 – Чупино; 3 – Абагское-6; 4 – Борки-1; 5 – Чудская Гора; 6 – Красноозерское-1; 7 – Алексеевка-1; 8 – Алексеевка-19; 9 – Алексеевка-21; 10 – Надеждинка-IV/V; 11 – Калугино;

красноозерские: 12 – Мергень-2; 13 – Мергень-6; 14 – Старо-Масляное; 15 – Ефимово-1; 16 – Боровлянка-2; 17 – Хутор Бор-1; 18 – Алексеевка-19; 19 – Инберень-5; 20 – Инберень-6; 21 – Инберень-7; 22 – Новотроицкое-1) 2. **Керамика сузгунской культуры**. 3. **Керамика красноозерской культуры**. 4. **График результатов сравнения сузгунских керамических комплексов методом *k*-средних** (группировки памятников: кластер 1 – 1–2, 4; кластер 2 – 6–11; кластер 3 – 3, 5. **Мотивы и техника сузгунской орнаментации**: 1) горизонтальные линии; 2) ряды наклонных оттисков штампа; 3) ряды вертикальных оттисков штампа; 4) зигзаг горизонтальный; 5) зигзаг вертикальный; 6) ленты заштрихованные; 7) сетка; 8) ромбы; 9) уголки; 10) треугольники; 11) елочка горизонтальная; 12) столбики; 13) валик; 14) каннелюр (желобок); 15) скобочки; 16) каплевидные вдавления; 17) полоса (лощенная, неорнаментированная); 18) защипы; 19) «жемчужины»; 20) круглые ямки; 21) гладкий штамп; 22) гребенчатый штамп; 23) прочерчивание.* 5. **График результатов сравнения красноозерских керамических комплексов методом *k*-средних** (группировки памятников: кластер 1 – 3; кластер 2 – 12, 14–17; кластер 3 – 18, 20, 22; кластер 4 – 19, 21. **Мотивы и техника красноозерской орнаментации**: 1) горизонтальные линии; 2) ряды наклонных оттисков штампа; 3) ряды вертикальных оттисков штампа; 4) зигзаг горизонтальный; 5) зигзаг вертикальный; 6) сетка; 7) «елочки» горизонтальная; 8) валик; 9) каннелюр (желобок); 10) круглые ямки; 11) «жемчужины»; 12) защипы; 13) ряды из оттисков креста; 14) треугольники из оттисков креста; 15) ромбы из оттисков креста; 16) двоянные ямки; 17) шагающие оттиски; 18) поля горизонтальных отрезков; 19) два ряда ямок на шейке; 20) ямки ромбической формы; 21) крестовый штамп; 22) гладкий штамп; 23) гребенчатый штамп; 24) наколы/лунки; 25) отступление; 26) волнистый штамп; 27) прочерчивание; 28) фигурный штамп (скобочки)

* Источники показателей орнаментации сузгунской и красноозерской культур приведены соответственно: [Зах и др., 2016; Зими́на, 2015б].

«елочки», столбиков из оттисков штампа, высокий процент сосудов с неорнаментированной полосой, а также высокая доля узоров, нанесенных гребенчатым штампом (рис. 2.-2, 4).

Сравнение между собой следующих за сузгунскими (и отчасти им наследующих им) в Ишимо-Иртышье комплексов красноозерских поселений выявило их четкую территориально-хронологическую приуроченность, в соответствии с которой строятся культурно-хронологические схемы для этих местностей. Для Прииртышья это группа ранних (Инберень-5 и 7) и поздних (Инберень-6, Алексеевка-19, Новотроицкое-1) памятников, для Приишимья – ранние поселения (Мергень-2, Старо-Масляное, Ефимово-1, Боровлянка-2), к этой же группе примыкает жертвенное место Хутор Бор-1, расположенное в долине Иртыша, и позднее (Мергень-6). Сформировавшиеся на основе взаимодействия местных сузгунских групп и пришлых северных, керамический комплекс которых характеризуется крестовой орнаментацией, керамические комплексы Приишимья и Прииртышья имели сходные тенденции в развитии морфологии и декора посуды: от ранних к поздним комплексам происходило сокращение количества узоров на посуде, нанесенных крестовым штампом, и возрастало количество сосудов с дуговидно выгнутыми шейками, украшенных традиционными для позднего бронзового века лесостепи элементами орнамента [Зах, Зими́на, 2014; Зими́на, 2015б]. Приишимская группа памятников характеризуется преобладанием мотивов, восходящих к орнаментации пришлых групп населения: треугольники, ромбы и ряды из оттисков крестового штампа, а также разные варианты использования мотива из ямок на шейке – в один ряд, в два ряда – под срезом и у перехода к плечу, попарно соединенные ямки, мотив из ямок ромбической формы. Поселения Приишимья отличает высокий

процент сосудов, украшенных крестовым штампом. В противоположность, поселения Прииртышья отличает керамика, украшенная прочерчиванием, отступанием, наколами, гладким и волнистым штампами. Ее своеобразие составляют узоры из шагающих оттисков и полей горизонтальных отрезков, однозначно не встреченных в Приишимье. В отношении мотивов, которые можно было бы связать с предшествующей сузгунской орнаментальной традицией, для красноозерских комплексов Приишимья остаются актуальными ряды из вертикальных оттисков штампа, «елочки», желобков, защипов, ямок и «жемчужин». Скобочки и уголки в минимальном количестве продолжают встречаться только на керамике поселений Приишимья. Для Прииртышья это мотивы из наклонных оттисков, горизонтальных линий, горизонтальной и вертикальной «елочки», сетки, валиков и «жемчужин» (рис. 2.-3, 5).

Аналогичный метод был применен к комплексам ирменской и саргатской культур, в которых также выделены определенные локальные группы поселений с доминирующими мотивами орнаментации, которые требуют дальнейшего осмысления [Зина, 2015а].

Таким образом, с осторожностью можно предположить, что, действительно, в древности в долинах различных рек или их частей могли располагаться поселения с доминированием определенных признаков орнаментации керамики, и это могло быть следствием деления древних коллективов на родовые, или фратриальные, группы, и традиции использования определенных мотивов могли сохраняться длительное время.

В то же время орнамент – это «узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, предназначен для украшения различных предметов... Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет или акцентирует архитектонику предмета, на который он нанесен» [Популярная..., 1986, с. 85–86]. Исследование орнамента показывает, что большое значение имеет расположение его составляющих на поверхности предмета [Иванов, 1963, с. 35–36], а из-за ограниченного количества элементов предпочтительнее рассматривать их сочетания [Корякова, 1988, с. 90–91]. В связи с этим дальнейшая верификация полученных данных должна учитывать их декоративно-морфологические особенности и заключаться в выявлении взаимосвязей между выделенными признаками, установлении особенностей сочетания мотивов и их положения на поверхности емкостей.

Заключение

Безусловно, при реконструкции социальной структуры палеообщества по возможности должна использоваться вся совокупность компонентов материальной культуры. Однако в арсенале большинства археологических культур отсутствуют важнейшие для этносоциальных реконструкций компоненты (погребения, одежда, татуировки и т.п.), которые позволяют получить родовую, гендерную или статусную информацию. Не все археологические культуры характеризуются полнотой данных, и на сегодняшний день определенные модели созданы для наиболее изученных культур и общностей (см., например: [Массон, 1976; Матвеева, 2000; и др.]).

В рассмотренных выше случаях погребальный обряд изучен для ирменской и саргатской культур, известны сузгунские погребения. Для байтовской и бархатовской культур погребальный обряд не известен. Для байтовской культуры Н.П. Мат-

веева [1994, с. 6] указывала одно разграбленное погребение в кургане Крутое Озеро. Спустя много лет данных практически не прибавилось: «...баитовские погребения практически неизвестны. Вероятно, к ним можно отнести захоронение, обнаруженное на средневековом городище Чечкино-1...» [Цембалюк, 2010, с. 325]. Для бархатовской культуры два погребения раскопаны на городище раннего железного века Калачик-1 [Зах В.А., Зах Е.М., 1994]. Два, предположительно, бархатовских погребения исследованы Н.П. Матвеевой при раскопках Козловского могильника [Матвеева, Зимина, 2011]. «Не исключена бархатовская принадлежность еще нескольких погребений могильников Малоказакбаевского, Сарабулат и “У поворота дороги”...» [Матвеев, Аношко, 2009, с. 180]. Бедность этих погребений дает минимум информации. В связи с этим в ряде случаев, возможно, изучение керамики с применением статистических методов будет способствовать выявлению некоторых неявных признаков, которые могли бы отражать структуру общества в древности.

Рассмотренные в статье примеры – это лишь возможные варианты интерпретации материала. Требуется сравнения большого количества наблюдений, выработка единой терминологии для обозначения признаков и критериев их отбора, подбор методов и т.д. Не исключено, что на более широком статистическом материале могут быть установлены некие закономерности, которые позволят создавать вероятностные модели структуры древних обществ.

Библиографический список

Аношко О.М., Рыжкова Ю.В. К характеристике позднего бронзового века Пришимья (по материалам городища Кучум Гора и Чупинского поселения) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 130–133.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.

Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. №5. С. 4–12.

Зах В.А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. №6. С. 4–11.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Зах Е.М. Городище раннего железного века Калачик 1 на Тоболе // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1994. С. 32–44.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень-2 в Пришимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №4 (27). С. 48–59.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №4 (35). С. 33–47.

Зимина О.Ю. К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности (по материалам комплексов поздней бронзы – раннего железного века западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015а. №2 (29). С. 51–59.

Зимина О.Ю. Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015б. №4 (31). С. 48–56.

Зимина О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21). С. 40–53.

- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX века). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Екатеринбург : Изд-во Учеб. кн., 2010. 308 с.
- Компьютеризованный статистический анализ для историков / Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1999. 187 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 278 с.
- Крадин Н.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований / отв. ред. А.А. Тишкин. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 9–19.
- Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.Я. Левит. СПб. : Университетская книга : ООО «Алетейя», 1998. 446 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л. : Наука, 1976. 191 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень : Изд-во Тюм. ун-та, 1989. С. 77–102.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П., Зимина О.Ю. Погребения заключительного этапа бронзового века в Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; М. ; В. Новгород, 2011. С. 244.
- Матвеева Н.П., Сомова М.А., Цембалюк С.И. Баитовский комплекс поселения Устюг-2 (из раскопок могильника Устюг-1) // АВ ORIGINE. 2011. Вып. 3. С. 51–72.
- Мосин В.С. Социально-адаптационная система Урало-Сибирской лесостепи в конце каменного века // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб. : ИИМК РАН ; СПбГУ, 2007. С. 7–19.
- Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. 805 с.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка-2 – памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Популярная художественная энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1986. 432 с.
- Рудковский И.В. Термины в археологической орнаментологии // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 9 (99). С. 132–137.
- Цембалюк С.И. Характеристика баитовской культуры Притоболья раннего железного века // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 324–327.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. №35. М. : АН СССР, 1953. С. 7–72.
- Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4. С. 123–134.
- Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) // Этнографо-археологические комплексы. Новосибирск : Наука, 2002. С. 19–38.
- Tsetlin Yu.B. Gentes groups in the structure of Neolithic cultures of the Central Russian Plain // Documenta Praehistorica XXXIX, 2012. Pp. 53–66.

O.Yu. Zimina

POTTERY IN PALEOSOCIOLOGICAL RESEARCH

For most of the archaeological cultures of Western Siberia, there are no components (burials, clothes, tattoos, etc.) that are essential for ethno-social reconstructions that allow obtaining the tribal, gender or status information. The main component to characterize these archaeological cultures is ceramics and its decorative and morphological features. Each of the archaeological cultures has a common set of elements and motives of decoration, however, their indicators on different settlements can differ. In this connection, an attempt was made to mark out the groups of settlements on the base of dominant motives of ornament on ceramic. The main task solved by this research is whether the ornament on ceramic ware can be considered as one of the signs of the division of an ancient society into kin groups/phratries, etc. On the example of the analysis of ceramic complexes of the Barkhatovo and Baitovo cultures in the Tobol river basin, and the Suzgun and Krasnoozerkka cultures in the Ishim and Irtysh interfluvium it was established that in the groups of settlements of each of these cultures which are located on different rivers (or different parts of the same river) ceramics is characterized by the dominance of certain motives of ornament. Preliminary results allow the author to suggest that this may be evidence of the division of collectives into tribal or phratric groups, their local settlement, and the preservation of certain ornamental motives in diachronic related cultures on a certain territory.

Key words: West Siberia, Late Bronze Age, Early Iron Age, pottery, ornament, paleosociology.

References

Anoshko O.M., Ryzhkova Yu.V. K kharakteristike pozdnego bronzovogo veka Priishim'ya (po materialam gorodishcha Kuchum Gora i Chupinskogo poseleniya) [To the Characteristic of the Late Bronze Age of Priishimye (Based on the Materials of the Ancient Settlement of Kuchum Gora and the Chupin Settlement)]. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of the Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. Pp. 130–133.

Borzunov V.A. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznoogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Zauralye at the Turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun Culture)]. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1992. 188 p.

Glushkov I.G. Keramika kak arkhologicheskii istochnik [Ceramics as an Archaeological Source]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 1996. 328 p.

Razvitie obshchnosti kul'tur s grebenchato-yamochnoy keramikoy [Development of the Community of Cultures with Crest- Pitted Ceramics]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2004. №5. Pp. 4–12

Zakh V.A. Ornamental'nye traditsii v Zapadnoy Sibiri [Ornamental Traditions in Western Siberia]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2005. №6. Pp. 4–11.

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobol-Ishim'ya]. Novosibirsk : Nauka, 2009. 320 p.

Zakh V.A., Zakh E.M. Gorodishche rannego zheleznoogo veka Kalachik 1 na Tobole [Ancient Settlement of the Early Iron Age Kalachik 1 on the Tobol]. Zapadnaya Sibir' – problemy razvitiya [Western Siberia – Development Problems]. Tyumen' : IPOS SO RAN, 1994. Pp. 32–44.

Zakh V.A., Zimina O.Yu. Ranni kompleks krasnoozerskoy kul'tury poseleniya Mergen'-2 v Priishim'ye [Early Complex of the Krasnoozersk Culture of the Mergen-2 Settlement in the Prehiishimye]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2014. №4 (27). Pp. 48–59.

Zakh V.A., Zimina O.Yu., Ilyushina V.V., Danchenko E.M., En'shin D.N. Keramicheskiy kompleks finala bronzy i perekhodnogo vremeni k epokhe zheleza s Borkovskogo gorodishcha (po rezul'tatam rabot 2012–2013 gg.) [Ceramic Complex of the Final Bronze and Transitional Time to the Era of Iron from the Borkovsky Fortification (Based on the Results of Work 2012–2013)]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. №4 (35). Pp. 33–47.

Zimina O.Yu. K voprosu o sisteme rasseleniya rodstvennykh kollektivov v drevnosti (po materialam kompleksov pozdney bronzy – rannego zheleznogo veka zapadnoy Sibiri) [To the Question of the System of Settlement of Related Collectives in Antiquity (Based on the Materials of the Late Bronze Complexes – the Early Iron Age of Western Siberia)]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2015a. №2 (29). Pp. 51–59.

Zimina O.Yu. Kompleksy krasnoozerskoy kul'tury Ishimo-Irtysh'ya [Complexes of the Red-Isozoic Culture of Ishimo-Irtyshia]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2015b. №4 (31). Pp. 48–56.

Zimina O.Yu., Ilyushina V.V. Keramika barkhatovskoy kul'tury podtaezhnogo Pritobol'ya [Ceramics of the Barkhatovskaya Culture of the Pritobol'ye Subtaiga]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2013. №2 (21). Pp. 40–53.

Ivanov S.V. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX veka) [Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on the Materials of the 19th – Early 20th Century)]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1963. 500 p.

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: boborykinskaya kul'tura [Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykinskaya Culture]. Ekaterinburg : Izd-vo Ucheb. kn., 2010. 308 p.

Komp'yuterizovannyi statisticheskiy analiz dlya istorikov [Computerized Statistical Analysis for Historians]. Eds. L.I. Borodkina and I.M. Garskovoy. M., 1999. 187 p.

Koryakova L.N. Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura). [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatian Culture)]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 240 p.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri [The Bronze Age of Western Siberia]. M. : Nauka, 1981. 278 p.

Kradin N.N. Arkheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti [Archaeological Cultures and Ethnic Communities]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. Ed. A.A. Tishkin. Issue 5. Barnaul : Azbuka, 2009. Pp. 9–19.

Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya. V 2 t. T. 2 [Culturology. 20th Century. Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2]. Ed. S.Ya. Levit. SPb. : Universitetskaya kniga : OOO "Aleteyya", 1998. 446 p.

Masson V.M. Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnykh obshchestv (v svete dannyykh arkheologii) [Economics and Social Structure of Ancient Societies (in the Light of Archaeological Data)]. L. : Nauka, 1976. 191 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M. Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura [Zauralye after the Andronovites: Barkhatovskaya Culture]. Tyumen' : OAO "Tyumenskiy dom pečati", 2009. 416 p.

Matveeva N.P. Nachal'nyy etap rannego zheleznogo veka v Tobolo-Ishimskoy lesostepi [The Early Stage of the Early Iron Age in the Tobol-Ishim Forest-Steppe]. Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov [West Siberian Forest-Steppe at the Border of the Bronze and Iron Ages]. Tyumen' : Izd-vo Tyum. un-ta, 1989. Pp. 77–102.

Matveeva N.P. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [The Early Iron Age of the Priishimye]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 152 p.

Matveeva N.P. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Socio-Economic Structure of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Subtaiga zone)]. Novosibirsk : Nauka, 2000. 399 p.

Matveeva N.P., Zimina O.Yu. Pogrebeniya zaklyuchitel'nogo etapa bronzovogo veka v Zaural'e [Burials of the Final Stage of the Bronze Age in the Trans-Urals]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. I [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Vol. I]. SPb. ; M. ; V. Novgorod, 2011. Pp. 244.

Matveeva N.P., Somova M.A., Tsembalyuk S.I. Baitovskiy kompleks poseleniya Ustyug-2 (iz raspokopok mogil'nika Ustyug-1) [Baitovsky Complex of the Ustyug-2 Settlement (from Excavations of the Ustyug-1 Burial Ground)]. AB ORIGINE. 2011. Issue 3. Pp. 51–72.

Mosin V.S. Sotsial'no-adaptatsionnaya sistema Uralo-Sibirskoy lesostepi v kontse kamennogo veka [Socio-Adaptive System of the Ural-Siberian Forest-Steppe at the End of the Stone Age]. Kul'turno-eko-

logicheskie oblasti: vzaimodeystvie traditsiy i kul'turogenenez [Cultural-Ecological Areas: Interaction of Traditions and Culturogenesis]. SPb., 2007. Pp. 7–19.

Narody Zapadnoy Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety [Peoples of Western Siberia: the Khants. The Mansi. The Selkups. The Nenets. The Entsys. The Nganasans. The Kets]. M. : Nauka, 2005. 805 p.

Panfilov A.N., Zakh E.M., Zakh V.A. Borovlyanka-2 – pamyatnik neolita i perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Nizhnem Priishim'e [Borovlyanka-2 – the Monument to the Neolithic and the Transition Time from the Bronze to the Iron Ages in the Lower Priishimye]. Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri [Sources of the Ethnocultural History of Western Siberia]. Tyumen' : Izd-vo TyumGU, 1991. Pp. 25–50.

Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya [Popular Art Encyclopedia]. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1986. 432 p.

Rudkovskiy I.V. Terminy v arkhеologicheskoy ornamentologii [Terms in Archaeological Ornaments Study]. Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 9 (99) [Bulletin of TSPU]. Pp. 132–137.

Tsembalyuk S.I. Kharakteristika baitovskoy kul'tury Pritobol'ya rannego zheleznoogo veka [Characteristics of the Baitovskaya Culture in Pritobolye of the Early Iron Age]. Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy [Culture as a System in the Historical Context: Experience of Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk : Agraf-Press, 2010. Pp. 324–327.

Chernetsov V.N. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient History of the Lower Ob Region]. MIA. №35. M. : AN SSSR, 1953. Pp. 7–72.

Sharapova S.V. Traditsii izgotovleniya keramiki i ornamental'nye stili naseleniya Zaural'ya v rannem zheleznom veke [Traditions of Ceramics Making and Ornamental Styles of the Population of the Trans-Urals in the Early Iron Age]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2004. №4. Pp. 123–134.

Shnirel'man V.A. Arkheologicheskaya kul'tura i sotsial'naya real'nost' (problema interpretatsii keramicheskikh arealov) [Archaeological Culture and Social Reality (the Problem of Interpretation of Ceramic Arealos)]. Etnografo-arkheologicheskie kompleksy [Ethnographo-Archaeological Complexes]. Novosibirsk : Nauka, 2002. Pp. 19–38.

Tsetlin Yu.B. Gentes Groups in the Structure of Neolithic Cultures of the Central Russian Plain. Documenta Praehistorica XXXIX, 2012. Pp. 53–66 (in English).

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВА (на основе анализа украшений)

Согласно одному из теоретических положений палеосоциологической археологии погребальный инвентарь и отдельные изделия могут символизировать социальный статус погребенного. Эту дифференциацию объясняет наличие погребений с «богато» представленным инвентарем. Однако, несмотря на наличие предметов, свидетельствующих об особом статусе их владельца (серебряные и золотые украшения), либо изделий с ярко выраженной символикой, ее контекстуальное проявление выходит за рамки «визуального» символизма. Проведенное исследование позволило выделить ряд специфических признаков, которые могли определять социальную значимость погребенных. Большое внимание уделено украшениям прически и головного убора, декорированию одежды и особого орнамента на изделиях, наличию в погребальном инвентаре предметов «импорта». Особое отношение к умершим позволяет проследить анализ погребальной практики древних обществ и прежде всего обряд трупосожжения у андроновских племен. На территории распространения андроновского населения кремации на стороне и сожжению в могилах подвергались в основном лица женского пола разных возрастов. Особенностью данных захоронений было пышное убранство погребенных, нарядные одежды с многочисленными украшениями. Значительный интерес представляет практика захоронений мужчин с женским инвентарем. Возможно, в этой группе материальной культуры существовали «престижные» изделия, в том числе из драгоценных металлов или экзотических материалов, которые соответствовали определенной социальной категории общества.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребальный обряд, половозрастная система, металлические украшения, социальная организация, реконструкция.

DOI: 10.14258/tpai(2017)2(18).-13

Введение

В процессе осмысления проблемы половозрастных и социальных систем древних обществ выявляются вопросы, изучение которых составляет особую область в археологических исследованиях. Не останавливаясь подробно на теоретико-методологических аспектах изучения половозрастной и социальной дифференциации, отметим лишь, что в современной археологической науке в основе изучения палеосоциальных процессов лежит признание функционирования нескольких основных социальных структур. Половозрастная (физико-генетическая) организация любого общества (начиная с неолита) функционировала во взаимосвязи с семейно-брачной, социально-профессиональной, имущественной, ранговой, культурно-символической (религиозной), мифологической социальными структурами [Ольховский, 1995, с. 89–91; Поликанова, 1998; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 52; и др.]. Современное социальное пространство исследователи рассматривают в двухмерной системе координат, содержащей горизонтальное и вертикальное проецирование. В древних, средневековых и традиционных обществах в основе вертикальной проекции лежало социальное, имущественное, профессиональное различие, а горизонтальная базировалась на половозрастной структуре.

Методы, материалы и результаты исследований

Каждый человек, включенный в полноценную жизнь общества, занимает соответствующее место одновременно в нескольких социальных структурах и обладает своими координатами [Калиновская, 1982, с. 59–62; Попов, 1982, с. 68–79; Бутинов, 1982,

с. 63–68; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 52]. Отсутствие письменных и фольклорных источников привело специалистов к логическому заключению, согласно которому социальная значимость человека в древности находила свое отражение в материальной культуре. Общественное производство, роль при распределении материальных ценностей и другие сферы жизнедеятельности должны были непременно отразиться в погребальном обряде [Генинг, 1989, с. 218]. При анализе археологических источников принято считать, что эту дифференциацию объясняет наличие погребений с «богатым» инвентарем. В качестве основных признаков специалисты выделяют внушительные размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой призоны, значительное количество изделий из бронзы.

В данном контексте в качестве структурного критерия в организации возрастных групп представлен не просто возраст как биологическая характеристика, а возраст социальный, т.е. относительный признак, согласно которому возрастная группа формировалась как коллектив. При реконструкции половозрастных структур общества перед исследователями встает проблема типологии возрастных систем. Что считать критерием момента вступления в возрастную группу: рождение или инициацию? Мера физического состояния зрелости, способность к труду, полноправное участие в жизни общества становились условиями перехода индивида в иное групповое состояние. Например, первой ступенью социализации ребенка у традиционных народов является обряд инициации. Специалистами различаются такие дефиниции общих понятий жизненного пути человека, как возрастные классы и возрастные группы [Евдокимов, Усманова, 1990; Усманова, 1988]. Под возрастными классами понимают слои населения, занимающие особое место в системе возрастной стратификации общества и, соответственно, выделяемые и символизируемые культурой. Возрастные группы представлены организацией, основанной на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфическую структуру, знаковые средства и, соответственно, воспринимаемые и символизируемые культурой.

Таким образом, пол и возраст достаточно четко могут определять социальный статус человека и его возрастной группы на протяжении всей истории человечества. Используя подобные демографические данные, можно говорить о дальнейшем выяснении социальной роли, прав и обязанностей человека в обществе. Согласно этнографическим исследованиям, на ранних стадиях социальной организации типа возрастной системы категория «социальный возраст» в допустимых пределах соответствовала категории «биологический возраст». Со временем социальную зрелость индивида стали определять другие факторы, в частности зависимость от социального происхождения отца и экономического состояния семьи.

Обозначение социальной стратификации общества дописьменного периода основано прежде всего на археологических данных. При подобной интерпретации материалов специалисты последовательно проводят несколько исследовательских процедур, которые включают в себя обработку и формализацию данных могильника, выделение групп могил, обладающих сходными признаками, и др. Обычно используют разнообразные математические, статистические или статистико-комбинаторные методики. В результате исследования выделяются группы могил, обладающие сходными признаками. Далее следует их интерпретация [Тихонов, 2008, с. 85]. Чаще всего специалистами выделяются погребения, условно называемые «богатыми», «средни-

ми» и «бедными», – на основе таких выделений и строится социальная стратификация обществ бесписьменных эпох. Анализ археологических материалов привел исследователей к выводу о том, что среди общего количества предметов сопроводительного инвентаря некоторые изделия символизируют социальный статус погребенного. Эту дифференциацию объясняет наличие так называемых «богатых» погребений. Однако, несмотря на наличие предметов, свидетельствующих об особом статусе их владельца (серебряные и золотые украшения), либо изделий с ярко выраженной символикой, ее контекстуальное проявление выходит за рамки «визуального» символизма. Зачастую символы ранга не всегда отражены в погребальной сфере, а иногда просто не могут быть зафиксированы в силу специфики археологических источников [Шарапова, 2004, с. 82]. Сложности возникают именно на интерпретационном уровне: по каким критериям определяется богатство и как наличие погребального инвентаря соотносилось с социальным статусом человека? С одной стороны, главными признаками неоднозначного положения умершего являются огромные размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой тризны, большое количество изделий из бронзы. На основании таких находок погребение считается отражающим особый социальный статус умершего. С другой стороны, трудно однозначно определить, кто имел более высокий социальный статус в обществе: похороненный в погребальной конструкции огромных размеров и с высокой насыпью, трудозатраты на изготовление которых весьма внушительны, либо погребенный с большим количеством инвентаря. По наблюдениям специалистов, социальная интерпретация древних и средневековых обществ практически всегда сводилась к определению ведущей роли мужчин, а женщинам и детям, за редким исключением, отводились второстепенные роли [Тихонов, 2008, с. 86]. В специальной литературе, посвященной исследованиям в области половозрастных и социальных реконструкций первобытного общества, нередко можно найти выражения «доминирующие позиции женщин в древнем обществе», «повышение общего статуса социальной значимости» и др. [Позднякова, 2001, с. 52; Кильдюшева, 2006, с. 163; и др.]. На наш взгляд, подобные выводы представляются не совсем корректными. На основе анализа археологического материала правомерно ставить вопрос об особом положении погребенных с представительным комплексом украшений. Поскольку разнообразие украшений характерно для женских могил, то можно выявить некоторую особенность: для женщин примерно одинакового возраста встречаются украшения, изготовленные из разного материала, в том числе и «престижного» (с позиции современного человека). Возможно, некоторые индивидуумы играли некую важную роль, например, в повседневной жизни коллектива, что и символизировало наличие значительного количества украшений в инвентаре. Как правило, речь идет об отношении женщин к культовой деятельности. Возможно, что определенные головные убрания выполняли религиозно-магическую функцию, хотя при этом не утрачивали своей роли как показателя возрастного статуса, а сами погребения могли трактоваться как погребения «жриц».

Рассматривая наличие металлических украшений с позиции индикатора ранга человека, мы можем выделить несколько специфических символов социальной власти, которые в той или иной степени отражены в археологических данных. Этот аспект предполагает прежде всего наличие внешнего проявления символики. В данном случае мы можем говорить о значимости прически, головного убора, украшения одежды осо-

бым декором. Анализируя пазырыкский костюм, Н.В. Полосьмак [2001, с. 143–163] допускает гипотетическую символику головных уборов, которые, как и прически, вероятно, могли регламентироваться социальным статусом или родовой принадлежностью.

Анализ металлических украшений показал, что общепринятым положением для населения эпохи бронзы на территории Западной Сибири является отсутствие этих изделий в инвентаре погребений детей младенческого возраста. Наиболее объективным объяснением этого факта может послужить утверждение, что смерть в таком возрасте не рассматривалась как значимая социальная потеря, и поэтому половая специфика одежды (покрова) отсутствовала. Отсутствие знаковой принадлежности при жизни была отражена в погребальном ритуале. Первые украшения зафиксированы в погребениях детей лишь в возрасте 5–6 лет. Но на территории Томского Приобья ситуация выглядит несколько иначе. Наиболее крупным, полностью исследованным на этой территории погребальным комплексом является могильник Еловского комплекса-II (ЕК-II) [Матющенко, 2004]. Выборка андроновских могил, используемая нами для анализа, составила 231 погребение, в группе «младенчество/детство» – 29 погребений, содержащих костяки детей в возрасте до 8–10 лет, из них девять могил принадлежали младенцам от 0,5 до 1 года. Особенностью погребального обряда населения, оставившего этот памятник, являлся «богато» представленный инвентарь захоронений данной возрастной группы. Такое положение относится не только к количеству украшений, но и к сосудам, которые устанавливали в могилы по 2–3 экз. Существенным представляется факт наличия накосных украшений – листовидных подвесок у младенцев до 1 года, которые физически не могли их носить. Из 31 экз. этих изделий 19 экз. (61,2%) принадлежали детям до 8–10 лет. В двух случаях из четырех для этой возрастной группы зафиксированы серьги с раструбом. «Богатый» инвентарь зафиксирован в захоронении младенца из андроновской могилы №191. В могиле №230, помимо накосных украшений, включающих в себя листовидные и ромбические подвески, было найдено нагрудное ожерелье, выполненное из бляшек-нашивок, пронизок и обойм. Эти материалы не вписываются в общую половозрастную схему, определенную в ходе анализа андроновского инвентаря. Можно предположить, что, помещая в могилу с младенцем столь богатое убранство, население пыталось остановить детскую смертность. Допустимо объяснение особого отношения к детям, к их рождению и становлению в тяжелых климатических условиях предтаежной зоны. Такое же положение было определено и для погребений ЕК-II постандроновского времени. Группа захоронений детей младенческого возраста содержала довольно представительный инвентарь, включающий в себя бляшки-пуговицы (60%), бляхи (45%), зеркала (58%), в некоторых случаях бронзовые бусы на щиколотках (могилы №117, 151, 288 и 339). В погребениях данной возрастной группы отмечены серьги с раструбом и листовидные подвески, зафиксированные у детей до 3 лет, хотя эти украшения в андроновском мире были характерны для инвентаря погребений женщин фертильного периода. Интересным представляется факт наличия единичных украшений, выполненных из золота. Для еловского времени известны одна бляшка-пуговица, обернутая золотой фольгой, и гривна, выполненная из свернутой проволоки. Оба эти изделия происходят из детской могилы №87. Сложносоставные накосные украшения из пистонных бляшек (от 10 до 14 экз.), нашитых на кожаную основу, известны только по материалам детских погребений (могилы №76, 251, 288, 308, 322 и 338).

Аналогичная картина наблюдалась по материалам памятника Сопка-2/5 (поздняя группа). Отдельной группой выделялось скопление погребений, самое большое по количеству могил, которое содержало богатый бронзовый инвентарь: оружие, украшения, орудия труда. В нем зафиксированы погребения детских и женских черепов. Следует отметить схожесть состава погребального инвентаря и его положения в могиле у женщин и детей в этих скоплениях, а также практически полное отсутствие категорий мужского инвентаря у детей [Гришин, 2002, с. 159; Молодин, Гришин, 2016]. Из комплекса бронзовых головных украшений достоверно именно с детьми связаны наборы накосных украшений. Последние помещены даже с младенцами, которые физически не могли их носить (до 0,5 года) (могила №322). Наличие этих изделий, скорее всего, относилось не к категории одежды погребенного, а к сопроводительным элементам облачения / выделения особого отношения к умершим.

На памятниках степного и лесостепного Алтая известны «богато» представленные погребения умерших, говорящие об их особом статусе. Особый интерес представляют материалы памятника Кулундинской степи Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2006] (могилы №17 и 85), Чекановский Лог-10 [Демин, Ситников, 2000, с. 121], Фирсово-XIV [Позднякова, 2000, с. 48] (могилы №74, 88, 124, 200, 213, 222, 229 и 297). По количеству инвентаря на этом могильнике отличалось парное захоронение №7, где были найдены остатки «богатого» убранства головного убора [Кирюшин и др., 2010, с. 208] и пр.

Еще одним проявлением особого статуса погребенного при жизни по материалам погребений являются предметы «импорта». Мы уже говорили о наличии таких изделий в погребальных комплексах Западной Сибири [Умеренкова, 2011, с. 197–202]. Этнографические данные свидетельствуют о том, что во многих традиционных обществах импортные предметы выступают признаком особого статуса. В этом контексте значительный интерес представляют материалы памятников, которые по всем признакам можно отнести к кругу так называемых «культур андронидного типа». В качестве примера можно привести население Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи в конце II тыс. до н.э., которое соседствовало на севере с представителями еловской культуры, а на юге, преимущественно в предгорьях Салаирского кряжа, – корчажкинской. По мнению специалистов, к сосуществованию населения разных культур привело проникновение таежного населения в ареал представителей андроновского мира [Матющенко, 2004; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137–158]. Доказательствами данного факта могут служить материалы исследованных в последние десятилетия памятников эпохи бронзы на территории Кузнецкой котловины, в инвентаре которых были обнаружены изделия, идентичные найденным в погребальных комплексах еловского населения Томского Приобья. На данный момент известно два полностью исследованных памятника, содержащих подобные материалы: Танай-1 (автор раскопок В.В. Бобров) и Танай-12 (раскопки В.В. Боброва, В.С. Горяева). Исследования могильников показали присутствие в погребальном инвентаре бронзовых украшений, характерных для таежных племен Томского Приобья: кольца и браслеты со специфически загнутыми в виде спирали концами, серьги, подвески и детали головного убора (прически). Большое количество аналогий материалов могильников обнаруживается в погребальных комплексах еловской культуры. Речь идет прежде всего об идентичных наборах женских головных украшений, состоящих из спаренных взаимопроникающих

височных колец, связок пронизок, бронзовых бус, пластинок из ракушки. Кроме того, эти памятники объединяет наличие в их материалах характерных колокольчиковидных подвесок.

Закономерностей в количественном и качественном соотношении данных изделий в составе погребального инвентаря установить не удалось. Так, погребение из могильника Журавлево-4, в котором было найдено щитковое карасукское кольцо, совершено на периферии и отличалось от других обрядом кремации. Помимо перстня, в скоплении кальцинированных костей зафиксированы проволочное кольцо и пронизка. Захоронение из могильника Сапогово-2 также не отличалось большим количеством инвентаря: помимо щиткового карасукского перстня, обнаружено еще два кольца. В то же время перстень из могильника Обь-Иртышского междуречья Рублево-VIII принадлежал погребенной с «богатым» инвентарем.

Рассматривая погребения с позиции «престижности», на наш взгляд, необходимо более подробно остановиться на обряде трупосожжения у андроновских племен. Свидетельства совершения ритуалов захоронения с использованием огня отмечены не только в федоровских могильниках, но и в алакульских [Зданович, 1988, с. 143; Позднякова, 2001; Усманова, 1985; 1987; 1988; 1991; 2005; 2010; Хлобыстина, 1976; и др.], хотя в каждом из этих районов обряды сожжения домовин и кремация умерших сопровождали захоронению очень ограниченного круга людей. Обращает на себя внимание то, что на территории распространения андроновского населения, насколько об этом можно судить по имеющимся данным [Матвеев, 1998, с. 199–201], кремации и сожжению в могилах подвергались в основном лица женского пола разных возрастов. Еще одной особенностью данных могил является пышное убранство покойниц, нарядные одежды с многочисленными украшениями. Иногда ювелирные изделия помещались в берестяные туески или другие емкости. На юге Челябинской области при исследовании могильника Кулевчи-6 (курган №3, могила-2) была обнаружена интересная картина погребения, в котором зафиксированы следы совершения церемоний с использованием огня [Виноградов, 1984, с. 151]. Размещение кремированных останков и инвентаря позволило Н.Б. Виноградову предположить, что возле стенок могильной ямы находились ориентированные в одном направлении две «куклы» с прахом усопших. Предметы, оставленные на скоплении пережженных костей и рядом с ним, были расположены примерно так же, как если бы они находились при обряде ингумации: поверх кальцинированных костей были положены наконечник с листовидными подвесками на концах, две низки бронзовых бус на «щиколотках», в головах компактной группой, вероятно, в мешочке, находился набор золотых и бронзовых украшений. Наконечник располагался по линии ЮВ–СЗ и начинался с крупной обоймы – при погребении алакульских женщин по обряду трупоположения это украшение располагалось у основания черепа сзади. Аналогичная картина наблюдалась и в кургане №2 этого могильника. Здесь поверх кальцинированных костей были найдены два бронзовых браслета. Вышеперечисленные факты исследователи интерпретируют двояко: особенности ритуала захоронений, состав погребенных и их инвентаря могут свидетельствовать не только о специфических причинах смерти или особом статусе, который занимал покойный при жизни, но и о своеобразном моделировании существования в потустороннем мире, где им была уготована особая роль [Матвеев, 1998, с. 199; Сотникова, 2003, с. 178–184]. Н.Б. Виноградов предположил использование «куклы» в погребальной практике западной груп-

пы андроновского населения, апеллируя к материалам таштыкских захоронений. По мнению Э.Б. Вадецкой [1986, с. 134], умершего человека сжигали на стороне, затем собирали пепел в небольшой кожаный мешочек, который помещали внутри манекена, имитирующего человека. Такую куклу изготавливали из травы и обшивали кожей, берестой или тканью. В алакульско-федоровском могильнике Солнце-Талика захоронение в кургане №2 содержало три скопления кальцинированных костей, а из заполнения могилы были извлечены обломки бронзовых украшений – височное кольцо [Виноградов, Костюков, Марков, 1996, с. 133–134]. Предположения о помещении кремированных останков в одежду погребенного требует дополнительного обоснования, так как во многих погребениях украшения просто не встречаются. Определенную помощь в объяснении этого факта могут оказать этнографические параллели [Сотникова, 2008, с. 277]. Например, у казахов традиционная одежда орнаментировалась вышивкой или аппликацией с вышивкой независимо от того, из каких материалов она изготавливалась. Вполне вероятно, что компактное расположение кремированных костей в захоронениях андроновских племен является свидетельством использования определенного костюма в погребальном ритуале.

И еще один момент. По материалам скифского времени в Приобье были зафиксированы мужские погребения с женским инвентарем [Троицкая, 1989, с. 73–76]. В погребении №12 могильника периода поздней бронзы Танай-12 обнаружен уникальный комплект украшений, который состоял из 43 бусин – сердоликовых (33 экз.), керамических и аргиллитовых зерен. Помимо этих находок, зафиксированы украшения прически/головного убора: колокольчиковидные подвески и бляшки. Особенность находки заключается в том, что это первое мужское погребение периода поздней бронзы Кузнецкой котловины с богатым женским инвентарем, представленным не только украшениями волос, но и оформлением одежды. В специальной литературе существует устойчивое мнение, что сложносоставные украшения, содержащие элементы оформления прически (колокольчиковидные подвески), являлись знаковыми женскими атрибутами, определяющими половозрастную градацию и в какой-то мере социальную дифференциацию общества. В данном случае речь идет о погребении мужчины 45–50 лет (антропологическое определение Д.В. Позднякова). Важным фактом представляется наличие сосуда, найденного с погребенным. Он располагался перед лицевым отделом, высотой до 15 см, был украшен по плечу и верху тулова косыми штрихованными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом. Зону плеча отделял от зоны шейки валик. Венчик был слегка отогнут и имел прямой срез. Сосуд был очень плохой сохранности и при попытке выемки из погребения рассыпался на мелкие фракции, не поддающиеся реконструкции. Примечательно, что сердоликовые украшения были мастерски изготовлены и тщательно проработаны, а сосуд, помещенный в могилу, был низкого качества, в то время как в «соседних» погребениях керамика представлена на должном уровне. Надо отметить, что особенностью могильника Танай-12 является большое количество детских захоронений, но даже у них среди сопроводительного инвентаря были помещены сосуды хоть и маленьких размеров (от 5,5 см в высоту), но выполненные и орнаментированные с очень большой аккуратностью, что нельзя сказать относительно сосуда из погребения №12. Аналогичная картина рассмотрена Е.В. Куприяновой [2008] в погребениях андроновской культуры Южного Зауралья.

Заключение

Итак, в любом обществе, в том числе и первобытном, каждый этап жизненного цикла обладал, строго говоря, своими «правами и обязанностями», возлагал на индивида соответствующие нормы поведения, социальные роли и др. Кроме того, жизненный цикл индивида мог соотноситься с определенными стереотипами поведения для мальчиков и девочек. При этом стадии жизненного цикла мужчин и женщин могли и не совпадать. Вполне правомерным представляется выделение некоторых специфических символов «социальной власти», которые в той или иной степени отражены в археологических источниках: «богатое» оформление прически/головного убора и одежды, наличие и сочетание некоторых украшений (подвески, амулеты), мужские погребения с женским инвентарем, обряд кремации. Возможно, в этой группе материальной культуры существовали «престижные» изделия, в том числе из драгоценных металлов или экзотических материалов, которые соответствовали определенной социальной категории общества.

Библиографический список

- Бутинов Н.А. Половозрастная организация // Советская этнография. 1982. №1. С. 63–68.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 179 с.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце – Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 131–150.
- Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев : Наукова думка, 1989. 296 с.
- Гришин А.Е. Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 301 с.
- Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 121–125.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центральной Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : ЧелГУ, 1990. С. 66–80.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // Советская этнография. 1982. №1. С. 59–62.
- Кильдюшева А.А. Возрастные группы женщин по этнографическим данным и их отражение в археологических материалах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд. дом «Наука», 2006. С. 160–164.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 206–210.
- Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 33–44.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана) Челябинск : Авто Граф, 2008. 244 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 415 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : ОмГУ, 2004. 468 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник на реке Оми. Т. 4. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 452 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–98.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. С. 47–52.

Позднякова О.А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 251–255.

Поликанова Е.П. Социальная структура общества (анализ различных концепций) // Философия и общество. 1998. №5. С. 233–240.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2001. С. 143–163.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // Советская этнография. 1982. №1. С. 68–79.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 178–184.

Сотникова С.В. Реконструкция способов обращения с кремированными останками в андроновском ритуале (по данным этнографии и древних письменных источников) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Изд. дом «Наука», 2008. С. 276–279.

Тихонов С.С. К вопросу о комплексном изучении положения женщин в древних обществах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Изд. дом «Наука», 2008. С. 85–87.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Возможности проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Археология Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 51–55.

Троицкая Т.Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры (V–I вв. до н.э.) // Скифо-сибирский мир. Кемерово : КемГУ, 1989. С. 73–76.

Умеренкова О.В. Культурное взаимодействие в эпоху поздней бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области (на основе анализа украшений) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №6 (12), ч. I. С. 197–202.

Усманова Э.Р. К вопросу о соотношении обрядов труположения и трупосожжения у племен андроновской культурно-исторической общности // Мировоззрение у народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 155–157.

Усманова Э.Р. К вопросу о биритулизме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда : [Б. и.], 1987. С. 43–48.

Усманова Э.Р. Знаковый код в погребальном обряде могильника Лисаковский // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 83–84.

Усманова Э.Р. Андроновский погребальный обряд и проблема хронологии и периодизации (по материалам могильника Лисаковский) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 90–93.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск : Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова ; Лисаков. музей истории и культуры Верх. Притоболья, 2005. 232 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда : ТАиС, 2010. 176 с.

Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-минусинской котловины и развитие карасукской культуры // Архив Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири КемГУ. ОФ №70. 1976.

Шарапова С.В. Некоторые аспекты изучения символов социальной власти // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2004. С. 82–86.

O.V. Umerenkova

TO THE PROBLEM OF SOCIAL RECONSTRUCTION OF THE SOCIETY (Based on the Analysis of Jewelry)

According to one of the theoretical positions of paleosociological archaeology, funerary implements and individual items can symbolize the social status of the buried. This differentiation is explained by the presence of burials with the “richly” presented inventory. However, despite the presence of objects that indicate the special status of their owner (silver and gold jewelry), or products with pronounced symbolism, its contextual manifestation goes beyond the scope of “visual” symbolism.

The study made it possible to identify a number of specific features that could determine the social significance of the buried. Much attention is paid to the decorations of the hairdo and headgear, to decorating clothes and special ornamentation on products, to the presence in the funeral implements of “import” items. A special attitude towards the dead makes it possible to trace the analysis of the funeral practices of ancient societies and, first of all, the ritual of body burning in the Andronovo tribes. In the territory of the Andronov population, mostly females of different ages were exposed to the cremation on the side and burning in the graves.

The peculiarity of these burials was the magnificent decoration of the buried, elegant clothes with numerous ornaments. Of considerable interest is the practice of burial of men with women’s implements. Perhaps in this group of material culture there were “prestigious” products, including those from precious metals or exotic materials that corresponded to a certain social category of society.

Key words: archaeology, Western Siberia, Bronze Age, funeral rite, gender and age system, metal decorations, social organization, reconstruction.

References

Butinov N.A. Polovozrastnaja organizacija [Gender and Age Organization] Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 63–68.

Vadeckaja Je.B. Arheologicheskie pamjatniki v stepjah Srednego Eniseja [Archaeological Monuments in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 179 p.

Vinogradov N.B. Kulevchi VI – novyj alakul’skij mogil’nik v lesostepjah Juzhnogo Zaural’ja [Kulevchi VI – New Alakul Burial Ground in the Forest-Steppes of the Southern Trans-Urals]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1984. №3. Pp. 136–153.

Vinogradov N.B., Kostyukov V.P., Markov C.B. Mogil’nik Solntse – Talika i problema genezisa fedorovskoy kul’tury bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural’e [Talika and the Problem of the Genesis of the Fedorovo Culture of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Novoe v arheologii Yuzhnogo Urala [New Research in the Archaeology of the Southern Urals]. Chelyabinsk : Rifej, 1996. Pp. 131–150.

Gening V.F. Struktura arheologicheskogo poznavaniya. Problemy sotsial’no-istoricheskogo issledovaniya [Structure of Archaeological Knowledge. Problems of Socio-Historical Research]. Kiev : Naukova dumka, 1989. 296 p.

Grishin A.E. Pogrebal’nyy obryad krotovskoy kul’tury: tipologiya pogrebal’noy praktiki (po materialam mogil’nika Sopka-2) : dis. ... kand. ist. Nauk [Funeral Rite of the Krotovo Culture: the Typology of Funeral Practice (Based on the Materials of the Sopka-2 Burial Ground): dis. ... cand. Historical Sciences. Novosibirsk, 2002. 301 p.

Demin M.A., Sitnikov S.M. Novye materialy andronovskoy kul’tury s verkhov’ev r. Aley [New Materials of Andronovo Culture from the Upper Reaches of the Alei River]. Sokhranenie i izuchenie kul’turnogo naslediya Altaya. Vyp. IX [Preservation and Study of Altai cultural heritage. Issue IX]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. Pp. 121–125.

Evdokimov V.V., Usmanova E.R. Znakovyy status ukrasheniy v pogrebal’nom obryade (po materialam mogil’nikov andronovskoy kul’turnoy obshchnosti iz Tsentral’nogo Kazakhstana) [The Status of Ornaments in the Funeral Rite (Based on Materials from the Cemeteries of Andronovo Cultural Community from Central Kazakhstan)]. Arkheologiya Volgo-Ural’skikh stepey Archeology of the Volga-Ural Steppes]. Chelyabinsk : ChelGU, 1990. Pp. 66–80.

Zdanovich G.B. Bronzovyy vek uralo-kazakhstanskikh stepey [The Bronze Age of the Ural-Kazakh Steppes]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 184 p.

Kalinovskaya K.P. K probleme vozrastnykh system [To the Problem of Age Systems]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 59–62.

Kil'dyusheva A.A. Vozrastnye gruppy zhenshchin po etnograficheskim dannym i ikh otrazhenie v arkhelogicheskikh materialakh [Age Groups of Women on Ethnographic Data and Their Reflection in Archaeological Materials]. *Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk : Izd. dom «Nauka», 2006. Pp. 160–164.

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Izuchenie pamyatnikov epokhi bronzы i ranego zheznogo veka v Altayskom Priob'e i stepnom Altai [Studying Monuments of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Altai Ob Area and Steppe Altai]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. XVI* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2010. Pp. 206–210.

Kiryushin Yu.F., Pozdnyakova O.A., Papin D.V., Shamshin A.B. Kolleksiya metallicheskikh ukrasheniy iz pogrebeniy andronovskogo kompleksa mogil'nika Rublevo-VIII [Collection of Metal Ornaments from Burials of the Andronovo Complex of the Rublevo-VIII Burial Ground]. *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 33–44.

Kiryushin Yu.F., Shamshin A.B. Korchazhkinskaya kul'tura lesostepnogo Altayskogo Priob'ya [Korchazhkin Culture of the Forest-Steppe Altai Ob River]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Altai* [Archaeological Studies in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1987. Pp. 137–158.

Kupriyanova E.V. Ten' zhenshchiny: Zhenskii kostyum epokhi bronzы kak "tekst": (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana) [Shadow of the Woman: Female Costume of the Bronze Age as "Text": (Based on the Materials of the Necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk : Avto Graf, 2008. 244 p.

Matveev A.V. Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya [The First Androno People in the Forests of Trans-Urals]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 415 p.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkhelogicheskiy kompleks. Ch. 2: Elovskiy II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы [Elovsky Archaeological Complex. Part 2: Elovsky II Burial Ground. Pre Irmen Complexes]. Omsk : OmGU, 2004. 468 p.

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik na reke Omi. T. 4 [Monument on the Om River. Vol. 4]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2016. 452 p.

Ol'hovskiy V.S. Pogrebal'naja obrjadnost' i sociologicheskie rekonstrukcii [Funeral Rituals and Sociological Reconstructions]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 1995. №2. Pp. 85–98.

Pozdnyakova O.A. Problema interpretatsii pogrebeniy zhenshchin s golovnymi uborami (po materialam andronovskogo kompleksa mogil'nika Firsovo-XIV) [The Problem of Interpretation of Burials of Women with Headdresses (Based on Materials of the Andronovo Complex of the Firsovo-XIV Cemetery)]. *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoy i Tsentral'noy Azii. T. III* [The Legacy of Ancient and Traditional Cultures of North and Central Asia. Vol. III]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 2000. Pp. 47–52.

Pozdnyakova O.A. Nakosnye ukrasheniya iz andronovskikh mogil'nikov lesostepnogo Altaya [Bridal Jewelry from Andronovo Burial Grounds of the Forest-Steppe Altai]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy* [Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Results and Prospects of Studying at the Turn of Millennia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. S. 251–255.

Polikanova E.P. Sotsial'naya struktura obshchestva (analiz razlichnykh kontseptsiy) [Social Structure of Society (Analysis of Various Concepts)]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 1998. №5. Pp. 233–240.

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [The Horsemen of Ukok]. Novosibirsk : INFOLIO, 2001. Pp. 143–163.

Popov V.A. Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti (Vместo otveta opponentam) [Gender and Age Stratification in Ethnosociological Reconstructions of Primitive Culture (Instead of Replying to Opponents)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1982. №1. Pp. 68–79.

Sotnikova S.V. Andronovskiy (fedorovskiy) obryad krematsii: k rekonstruktsii ritual [Andronovo (Fedorov) Ceremony of Cremation: to the Reconstruction of the Ritual]. *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri. Kn. 1* [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia. Book. 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Pp. 178–184.

Sotnikova S.V. Rekonstruktsiya sposobov obrashcheniya s kremirovannymi ostankami v andronovskom rituale (po dannym etnografii i drevnikh pis'mennykh istochnikov) [Reconstruction of Ways of Handling with Cremated Remains in Andronovo Ritual (according to Ethnography and Ancient Written Sources)]. Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk : Izd-vo OmGPU : Izd. dom "Nauka", 2008. Pp. 276–279.

Tikhonov S.S. K voprosu o kompleksnom izuchenii polozheniya zhenshchin v drevnikh obshchestvakh [On the Issue of a Comprehensive Study of the Position of Women in Ancient Societies]. Integratsiya arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk : Izd-vo OmGPU : Izd. dom "Nauka", 2008. Pp. 85–87.

Tishkin A.A., Dashkovskiy P.K. Vozmozhnosti provedeniya paleosotsial'nykh issledovaniy na osnove arkhelogicheskikh dannykh [Possibilities of Carrying Out Paleosocial Research on the Basis of Archaeological Data]. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 51–55.

Troitskaya T.N. Nekotorye voprosy sotsial'noy stratifikatsii obshchestva bol'sherechenskoj kul'tury (V–I vv. do n.e.) [Some Issues of Social Stratification of the Society of Bolsherechenskaya Culture (5th–1st I Centuries BC)]. Skifo-sibirskiy mir [The Scythian-Siberian World]. Kemerovo : KemGU, 1989. Pp. 73–76.

Umerenkova O.V. Kul'turnoe vzaimodeystvie v epokhu pozdney bronzy na territorii Kuznetsko-Salairskoj gornoj oblasti (na osnove analiza ukrasheniy) [Cultural Interaction in the Late Bronze Age on the Territory of the Kuznetsk-Salair Mountain Region (Based on the Analysis of Jewelry)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. №6 (12), ch. I [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. Pp. 197–202.

Usmanova E.R. K voprosu o sootnoshenii obryadov trupopolozheniya i truposozhzheniya u plemen andronovskoj kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the Issue of the Relationship between the Rituals of Corpse and Cremation in the Tribes of the Andronovo Cultural-Historical Community]. Mirovozzrenie u narodov Zapadnoy Sibiri po arkhelogicheskim i etnograficheskim dannym [World Outlook among the Peoples of Western Siberia based on the Archaeological and Ethnographic Data]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1985. Pp. 155–157.

Usmanova E.R. K voprosu o biritulizme v pogrebal'nom obryade plemen andronovskoj obshchnosti Sary-Arki [On the Question of Biritulism in the Funeral Rite of the Andronovo Communities of the Sary-Arka]. Voprosy periodizatsii arkhelogicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana [Questions of the Periodization of Archaeological Monuments of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda : [B. i.], 1987. Pp. 43–48.

Usmanova E.R. Znakovyy kod v pogrebal'nom obryade mogil'nika Lisakovskij [Sign Code in the Burial Rite of the Lisakovskiy Burial Ground]. Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri [Chronology and Cultural Affiliation of the Monuments of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1988. Pp. 83–84.

Usmanova E.R. Andronovskiy pogrebal'nyy obryad i problema khronologii i periodizatsii (po materialam mogil'nika Lisakovskij) [Andronovo Funeral Rite and the Problem of Chronology and Periodization (Based on the Materials of the Lysakovskiy Burial Ground)]. Problemy khronologii i periodizatsii arkhelogicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 90–93.

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskij 1: fakty i paralleli [The Lisakovskiy 1 Burial Ground: Facts and Parallels]. Karaganda ; Lisakovsk : Karagand. gos. un-t im. E.A. Buketova ; Lisakov. muzey istorii i kul'tury Verkh. Pritobol'ya, 2005. 232 p.

Usmanova E.R. Kostyum zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsiy [Costume of a Woman of the Bronze Age of Kazakhstan. Experience of Reconstruction]. Karaganda : TAiS, 2010. 176 p.

Khlobystina M.D. Bronzovye izdeliya Khakassko-minusinskoy kotloviny i razvitie karasukskoj kul'tury [Bronze Ware of Khakassko-Minusinsk Hollow and Development of Karasuk Culture]. Arkhiv Muzeya arkhologii, etnografii i ekologii Yuzhnoy Sibiri KemGU [Archives of Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of South Siberia KemSU]. OF №70 1976.

Sharapova S.V. Nekotorye aspekty izucheniya simbolov sotsial'noy vlasti [Some Aspects of the Study of Symbols of Social Power]. Shestye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova [The Sixth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk : OmGU, 2004. Pp. 82–86.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ – Алтайский государственный университет.
АК – археологическая культура.
АН – Академия наук.
Б. и. – без издательства.
БНЦ – Бурятский научный центр.
ВКМ – Волжский краеведческий музей.
ВО – высшее образование.
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ДВО – Дальневосточное отделение.
ЕНУ – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИЗК – Институт земной коры.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КН МОН – Комитет науки Министерства образования и науки.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МВД – Министерство внутренних дел.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия).
МЧС – Министерство по чрезвычайным ситуациям.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОАО – Открытое Акционерное Общество.
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
ООО – общество с ограниченной ответственностью.
ОФ – основной фонд.
ПВХ – поливинилхлорид.
РАН – Российская академия наук.

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РК – Республика Казахстан.

РФ – Российская Федерация.

СМИ – средства массовой информации.

СО – Сибирское отделение.

СОМК – Саратовский областной музей краеведения.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СПО – среднее профессиональное образование.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ТГПУ – Томский государственный педагогический университет.

ТюмГУ – Тюменский государственный университет.

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.

ТОО – Товарищество с ограниченной ответственностью.

ТюмГУ – Тюменский государственный университет.

У.м. – уровень моря.

ФГБОУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение.

ЧелГУ – Челябинский государственный университет.

ЮНЕСКО – Специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК; 050010, Алматы, пр. Достык, 44; galiya2002@gmail.com

Барзынов Яткон Радикович, капитан полиции, участковый уполномоченный полиции Отделения полиции №3 Межмуниципального отдела МВД России «Онгудайский» (дислокация с. Шебалино), участок №12; с. Каспа, Республика Алтай.

Баринова Елена, научный сотрудник научно-исследовательского центра Лигабуе; Ligabue S.p.A. Via dell'Azoto, 4/M 30175 Venezia-Marghera (IT); elena.barinova@libero.it

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК; 050010, Алматы, пр. Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

Борисенко Алиса Юлбевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2; aborisenko2@mail.ru

Васютин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент Кемеровского государственного университета; 650000, Кемерово, ул. Красная, 6; vasutin2012@list.ru

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК; 050010, Алматы, пр. Достык, 44; gdzhuma@mail.ru

Жадаева Анна Владимировна, научный сотрудник отдела археологии ГБУК «Волгоградский областной краеведческий музей»; Волгоград, ул. Ленина, д. 7; Jadaevaanna@yandex.ru

Зими́на Оксана Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института проблем освоения Севера СО РАН; 625003, Тюмень, а/я 2774; o_winter@mail.ru

Ивлиев Александр Львович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН; 690001, Владивосток, ул. Пушкинская 89; ivliev@mail.primorye.ru

Кирюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; kirill-kirushin@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музологии, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, заместитель заведующего Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 513; kirill-kirushin@mail.ru

Ковычев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент Забайкальского государственного университета; 672007, Чита, ул. Чкалова, 140; kovychevevgenyi@mail.ru

Константинов Никита Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музейного комплекса Горно-Алтайского государственного университета; 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; nikita.knstantn@yandex.ru

Крадин Николай Николаевич, член-корреспондент РАН, зав. центром Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН; 690001, Владивосток, ул. Пушкинская 89; kradin@mail.ru

Крешноли Лоренцо, докторант PhD, Университет Ка'Фоскари; Ca'Foscari University of Venice Dorsoduro 3246, 30123 Venezia; lorenzo.crescioli@virgilio.it

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; artur.kungurov@mail.ru

Мамадаков Юрий Тапасович, кандидат исторических наук, доцент, директор ООО Научный центр «Наследие Сибири»; 656031, Барнаул, пл. Победы, 12.

Орозбекова Жазгул, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17.

Очир А., профессор, профессор Международного института изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО; Улан-Батор 11, пл. Сухэ-батара 3; nomciv@magicnet.mn

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель кафедры Центра СПО Факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления; 630007, Новосибирск, а/я №211; Pilipenkosergej@mail.ru

Садыков Тимур Рашитович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; tim.sadykov@gmail.com

Серёгин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; nikolay-seregin@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания гуманитарного факультета Тобольского педагогического института (филиала) Тюменского государственного университета г. Тобольска; 626150, Тобольск, ул. Знаменского, 58; svetlanasotnik@mail.ru

Умеренкова Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Кемеровского государственного университета; 650043, Кемерово, ул. Красная, 6; klae@kemsu.ru

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией Иркутского государственного технического университета; 664074, Иркутск, ул. Лермонтова 83; kharinsky@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; khudjakov@mail.ru

Чекурашев Айбек Григорьевич, старший лейтенант внутренней службы, старший дознаватель территориального отдела надзорной деятельности по Шебалинскому и Онгудайскому районам и профилактической работы Главного управления МЧС России по Республике Алтай; 649440, Республика Алтай, Онгудайский район, с. Онгудай, ул. Советская, 78.

Эбель Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета; 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; avebel@mail.ru

Эрдэнэболд Л., кандидат исторических наук, доцент, профессор Монгольской государственного университета науки и технологий; 141191, Улан-Батор, Бага тойруу, Сухбаатар дуурэг, 8-р хороо.

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (18) • 2017

Редактор: Е.М. Федяева

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Воронцова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 09.06.2017. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,25. Тираж 500 экз. Заказ №111.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66